

26.8
т-66

1266

ЖИВАЯ СТАРИНА

39
90

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанекаго

Выпускъ I и II

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

Оборотный Государственный Склад Музей

Инвентарную книгу

Под № 942 записано 17/III 1937

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

1903

Горно-Алтайский
ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 1296

N 2595-437

250

В. И. Л. 942

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Отдѣль I.

Изсѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Семейные раздѣлы въ Чухломскомъ уѣздѣ. *Ө. И. Покровскаго* . . . . . 1 — 51
2. Пермьки. I—VII. Съ 4 рисунками. *В. М. Яновича* . . . . . 52—171
3. Нѣкоторыя черты изъ исторической и психической жизни вотяковъ (историко-этнологической очеркъ). *К. Ө. Жакова* . . . . . 172—187

Отдѣль II.

Памятники языка, народной словесности, живой старины.

1. Народныя преданія жителей Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда. I—IX. *Н. Попова* . . . . . 188—224
2. Сказки о Петрѣ Великомъ въ записяхъ 1745—1754 годовъ. *П. К. Симоны* . . . . . 225—227
3. Эпическія пѣсни Дебрскія (изъ Сборника Дыновскаго). *П. А. Ровинскаго* . . . . . 228—235

Отдѣль III.

Критика и библиографія.

- Рецензій книгъ . . . . . 236—240

Отдѣль IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Общинное землевладѣніе (письмо изъ г. Кадникова). *А. А. Шустикова* . . . . . 241—246
2. По вопросу объ общинѣ (корреспонденція изъ Новгородской губ.). *В. А. Антипова* . . . . . 247—249

Отдѣль V.

Смѣсь.

1. Народная пѣсня «на Горахъ» Нижегородской губерніи. *В. И. Чернышева* . . . . . 250—260
2. Памяти Ф. Д. Нефедова. *Д. П. Никольскаго* . . . . . 261—264

Ж 66

8218.

182

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I и II

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

1903

ОТДѢЛЪ I.

Семейные раздѣлы въ Чухломскомъ уѣздѣ.

Лѣтомъ 1898 года, изучая, по порученію Географическаго Общества, народный говоръ Чухломскаго уѣзда, я старался, вмѣстѣ съ тѣмъ, собрать свѣдѣнія относительно семейныхъ раздѣловъ въ этомъ уѣздѣ, насколько эти свѣдѣнія выражаются въ раздѣльныхъ приговорахъ, хранящихся въ волостныхъ правленіяхъ. Условія для болѣе или менѣе полнаго изученія этого вопроса оказались крайне неблагопріятны. Вслѣдствіе очень стѣснительныхъ правилъ, которыя установилъ для семейныхъ раздѣловъ законъ 18 марта 1886 года, произошло то, что законныхъ раздѣловъ стало въ уѣздѣ слишкомъ мало. Не будучи въ силахъ остановить теченія жизни, благопріятствующаго распаденію стараго, дореформеннаго уклада семьи, законъ этотъ произвелъ то, что крестьяне, зная затруднительность законнаго раздѣла, соединеннаго еще съ сложною канцелярскою волокитою, почти совсѣмъ отказались отъ формальностей, установленныхъ для обезпеченія правильности и законности раздѣловъ, и стали совершать послѣдніе въ громадномъ большинствѣ случаевъ сами собою, безъ участія волостной и болѣе высшей власти. Власть эта, съ своей стороны, чувствуя явную невозможность стоять по отношенію къ раздѣламъ на формально-законной точкѣ зрѣнія, молчаливо признавала и признаётъ всѣ фактическіе раздѣлы, хотя бы о нихъ и не имѣлось въ волостныхъ правленіяхъ никакихъ канцелярскихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ, случилось то, что въ особо заведенныхъ при волостныхъ правленіяхъ, по установленной губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіемъ формъ, книгъ для записи раздѣльныхъ приговоровъ число этихъ записей оказалось крайне ничтожно, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ ихъ и совсѣмъ не было за все время съ 1886 года. Вслѣдствіе этого, раздѣльныя книги, которыя должны бы служить главнымъ источникомъ при изученіи семейныхъ раздѣловъ, на самомъ дѣлѣ оказались источникомъ весьма скуднымъ. Къ счастью, въ дополненіе къ нимъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ нашлись еще или совершенно домашніе, или же заключенные только на сельскихъ сходахъ раздѣльные акты, представленные въ волостное правленіе для засвидѣтельствованія, но не засвидѣтельствованные по явной ихъ формальной неза-

конности и сохранившіеся въ волостныхъ правленіяхъ совершенно случайно, въ числѣ ненужныхъ и не имѣющихъ никакого значенія бумагъ. На основаніи ихъ и записанныхъ въ книгѣ законныхъ актовъ, а также иногда на основаніи устныхъ сообщеній мѣстныхъ жителей, картина семейныхъ крестьянскихъ раздѣловъ можетъ быть нарисована только неполно и недостаточно, такъ какъ несоизмѣримо большая половина раздѣловъ совсѣмъ ускользаетъ отъ наблюденія и изслѣдованія. Думается однако, что и этими свѣдѣніями необходимо дорожить, потому что другой путь изслѣдованія, — устный опросъ населенія, по многимъ обстоятельствамъ является гораздо болѣе труднымъ, а иногда и прямо невозможнымъ. Случайная же сохранность указанныхъ выше, не утвержденныхъ подлежащею властію раздѣльныхъ договоровъ и полная необеспеченность этой сохранности на будущее время, какъ кажется, увеличиваютъ цѣнность этихъ документовъ еще болѣе.

Изъ 12-ти волостей, составляющихъ Чухломскій уѣздъ, были указаннымъ способомъ изслѣдованы семейные раздѣлы въ 11-ти волостяхъ, за исключеніемъ Просѣковской, въ которой не нашлось относительно раздѣловъ никакихъ документовъ и не пришлось получить устныхъ сообщеній. На основаніи закона 18 марта 1886 года общія условія раздѣловъ должны были представляться здѣсь въ слѣдующемъ видѣ.

Главное значеніе въ раздѣлахъ законъ признаетъ за главами хозяйствъ, съ одной стороны, и сельскимъ сходомъ—съ другой. О своемъ желаніи произвести раздѣлъ, о подлежащемъ раздѣлу имуществѣ и о способахъ самаго раздѣла семейство должно заблаговременно извѣстить сельскій сходъ, который только тогда приступаетъ къ разсмотрѣнію прочихъ условій раздѣла, когда удостовѣрится въ согласіи родителя или старшаго члена семьи на раздѣлъ или же когда признаетъ поводомъ къ раздѣлу расточительность и безнравственное поведеніе самого домохозяина. Затѣмъ, сходъ долженъ рѣшить: способны ли вновь образующіяся семьи къ самостоятельному веденію хозяйства, есть ли возможность отвести для нихъ усадебныя мѣста, и будетъ ли обезпечено послѣ раздѣла правильное поступленіе числящихся на семьѣ недоимокъ и всякихъ другихъ казенныхъ взысканій. Если все это рѣшается утвердительно, сходъ долженъ приступить и къ самому раздѣлу, въ которомъ ему опять-таки отведена весьма значительная компетенція, такъ какъ онъ распределяетъ между новыми дворами полевой надѣлъ и не только утверждаетъ, но и исправляетъ предположенія семьи относительно распределенія между частями ея всего того изъ остального имущества, что составляетъ необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства. Не вмѣшиваясь въ распределеніе имущества, приобрѣтеннаго въ собственность другими, кромѣ надѣленія, способами, а также предоставляя исключительно самой семьѣ раздѣлъ движимости, не составляющей необходимой принадлежности крестьянскаго хозяйства, сходъ дѣлаетъ, еще раскладку числящихся на семьѣ не-

доимокъ, податей и повинностей и, въ случаѣ нужды, отводить для новыхъ усадебныхъ построекъ участки свободной мірской земли, причемъ для дѣйствительности всѣхъ этихъ постановленій необходимо, чтобы согласіе на нихъ было дано не менѣе какъ двумя третями всѣхъ лицъ, имѣющихъ право участвовать на сельскомъ сходѣ. Семейство, раздѣлившееся безъ соблюденія этихъ условій, должно по-прежнему считаться по отношенію къ отбыванію всякаго рода повинностей за одну семью, а семейство, недовольное рѣшеніемъ схода, имѣетъ право, втеченіе 14 дней со времени постановленія приговора, принести на него жалобу уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ Присутствію или мировому посреднику, исключая тотъ случай, когда сходъ отказывается въ раздѣлѣ вслѣдствіе несогласія на него родителя семьи.

Поставивъ, такимъ образомъ, самую возможность раздѣла въ безусловную зависимость отъ главы семейства, если только онъ не расточителенъ и не безнравственнаго поведенія, законъ 18 марта 1886 года не призналъ тѣмъ самымъ одного изъ главныхъ и наиболѣе обычныхъ поводовъ къ раздѣламъ, — семейныхъ раздоровъ и ссоръ, лишивъ сельскій сходъ даже власти рѣшать въ этихъ случаяхъ о достаточности или недостаточности повода къ раздѣлу, указываемаго отдѣляющеюся частью семьи. Съ другой стороны, на отвѣтственность самого схода возлагаются закономъ такія серьезные поручительства за исправное веденіе самостоятельнаго хозяйства новыми семействами и вообще за ихъ имущественную достаточность, что сходъ поневолѣ долженъ опасаться давать эти поручительства въ официальныхъ документахъ, которые, въ случаѣ обжалованія ихъ, подлежатъ еще провѣркѣ высшихъ властей. То и другое обстоятельства сами собой вызывали, такимъ образомъ, раздѣлы формально-незаконные — или потому, что они совершались безъ согласія домохозяевъ, или потому, что разрѣшались сельскимъ сходомъ безъ соблюденія требованій закона, — только, такъ сказать, для деревни, а не для волости и вышаго начальства.

Эту затруднительность законныхъ раздѣловъ еще болѣе увеличивалъ составленный въ разъясненіе закона 18 марта 1886 года Наказъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, устанавливавшій въ каждомъ уѣздѣ особые сроки для раздѣловъ, когда только послѣдніе и могли совершаться, а, съ другой стороны, требовавшій отъ раздѣльныхъ приговоровъ такой точности и полноты (указано 12 пунктовъ, на которые приговоръ долженъ отвѣтить), какая для грамотѣевъ сельскаго схода доступна только въ исключительныхъ обстоятельствахъ и недостатокъ которой, почти всегда неизбежный, долженъ былъ заставлять волостное начальство отказывать въ засвидѣтельствованіи приговора по чисто формальнымъ основаніямъ даже въ случаѣ полной законности раздѣла по существу. Приговоръ могъ быть, напримѣръ, признанъ незаконнымъ, если въ немъ не было указано мѣста созванія схода, или не отмѣчено, не со-

держашагося даже въ законѣ 18 марта 1886 года, такого обстоятельства, какъ—будутъ ли достаточно «обезпечены въ средствахъ существованія дряхлые, убогіе и престарѣлые члены семействъ, не имѣющіе возможности собственнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе». Затѣмъ, правильность составленія раздѣльнаго приговора обязанъ былъ, согласно Наказу, провѣрить волостной старшина, и только уже послѣ его дознанія приговоръ свидѣтельствовался волостнымъ правленіемъ, заносился въ особую книгу и возвращался сельскому старостѣ.

Насколько эта общая картина семейныхъ раздѣловъ соотвѣтствуетъ по Чухломскому уѣзду дѣйствительности, и при какихъ вообще условіяхъ совершаются тамъ семейные раздѣлы, если судить о нихъ по тѣмъ немногимъ документамъ, о которыхъ сказано выше, можно видѣть изъ рассмотрѣнія самихъ этихъ документовъ по тѣмъ волостямъ, къ какимъ они относятся.

Въ Алешковской волости книги для записи семейныхъ раздѣловъ заведены въ 1888 году, для каждаго сельскаго общества отдѣльно, но записано въ этихъ книгахъ всего только 7 приговоровъ, и то по одному Санцыловскому обществу; въ книгахъ же прочихъ обществъ никакихъ записей нѣтъ. По словамъ волостного писаря, раздѣлы совершаются, конечно, и въ этихъ обществахъ, но раздѣльные приговоры обыкновенно въ волостное правленіе не представляются, и поэтому другихъ, кромѣ указанныхъ 7-ми, приговоровъ въ волостномъ правленіи нѣтъ.

Изъ этихъ 7-ми приговоровъ 6 относятся къ 1888-му и 1 къ 1895 году; кромѣ того, изъ первыхъ 6-ти приговоровъ 3 касаются одного семейства, дѣлившагося почему-то три раза въ одномъ и томъ же году, такъ что, собственно говоря, за 9¹/₂ лѣтъ во всей Алешковской волости было только 5 законныхъ раздѣловъ.

Сельскій сходъ принималъ въ этихъ раздѣлахъ не вездѣ одинаковое участіе. Когда ему приходилось имѣть дѣло съ раздѣломъ, фактически уже осуществленнымъ ранѣе раздѣльнаго приговора, причемъ стороны, обращавшіяся къ нему, желали, очевидно, только оформить уже сложившіяся у нихъ самостоятельныя хозяйства, и въ будущемъ не предвидѣлось у нихъ споровъ о раздѣленномъ имуществѣ, тогда сходъ не вступалъ ни въ какія подробности раздѣла, ограничиваясь простымъ его утвержденіемъ. Такъ, безъ упоминанія какого-либо имущества совершенъ былъ раздѣльный актъ 1 февраля 1888 г. между братьями, крестьянами дер. Санцылова, Иваномъ и Александромъ Зиновьевыми, каждый изъ которыхъ имѣлъ уже особый домъ съ пристройками и все вообще крестьянское обзаведеніе. Но если сходу надлежало утвердить раздѣлъ, хотя и совер-

шившійся ранѣ, но происшедшій между отцомъ и сыномъ, причѣмъ послѣдній отдѣлялся самовольно, а въ семьѣ отца оставались другія дѣти, въ раздѣльныхъ актахъ, въ предупрежденіе будущихъ раздоровъ, оговаривалось, что отдѣлившійся сынъ не имѣетъ уже права требовать изъ имущества отца ничего ни при жизни его, ни по смерти. Такая оговорка имѣется въ раздѣльныхъ приговорахъ 1 февраля 1888 года: между крестьянами дер. Большого Коровья Захаромъ Семеновымъ и младшимъ сыномъ его Михайломъ, отдѣлившимся отъ отца въ 1886 г.; и между крестьянами дер. Санцылова Ксенофонтомъ Абрамовымъ и младшимъ сыномъ его Иваномъ, отошедшимъ отъ него въ 1887 г. Въ томъ и другомъ случаяхъ отдѣлившіяся дѣти имѣли уже собственные дома, полное хозяйство и жили безбѣдно. Если, наконецъ, сходъ утверждалъ раздѣлъ только еще совершающійся, то ему приходилось входить въ самое распределеніе имущества между дѣлящимися и подробности раздѣла записывать въ раздѣльномъ актѣ. Когда при раздѣлѣ 24 іюня 1888 г. между крестьяниномъ дер. Санцылова Яковомъ Ипполитовымъ и племянникомъ его Иваномъ Кузьминымъ сходъ ограничился было однимъ утвержденіемъ раздѣла, оставивъ самое раздѣленіе имущества на волю дѣлившихся, замѣтивъ имъ только, что «всѣ расчеты по дѣлежу между дѣлящимися должны быть общіе», постановленіе это сказалось, очевидно, недостаточнымъ, и потому 30 ноября того же года, а затѣмъ 3 февраля 1889 г. написаны были для этого семейства новые раздѣльные акты, въ которыхъ не только перечислено было все приходившееся на долю той и другой стороны имущество, необходимое для веденія крестьянскаго хозяйства, но даже сказано было, что дѣлится пополамъ и домашняя утварь, а два самовара распределены были особо. Точно также 8 марта 1895 г. сходъ, утверждая раздѣлъ между отцомъ, крестьяниномъ дер. Санцылова Павломъ Ефимовымъ, и отошедшимъ отъ него въ томъ же году старшимъ его сыномъ, перечисляетъ въ приговорѣ все, чѣмъ «награждаетъ» сына отецъ и что, впрочемъ, составляло необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства.

Изъ этого послѣдняго приговора, а также изъ двухъ упомянутыхъ выше раздѣловъ между отцами и самовольно отдѣлившимися отъ нихъ сыновьями, видно, что въ подобныхъ случаяхъ, т. е., когда раздѣлъ былъ собственно самовольнымъ отдѣломъ, дѣти не имѣли права требовать отъ отца какой-либо определенной части имущества, а должны были довольствоваться тѣмъ, что давали имъ сами отцы, такъ что и для обозначенія дѣйствія раздѣла въ означенномъ случаѣ взятъ былъ по отношенію къ отцу глаголь «награждать». Но когда дѣлились дядя и его взрослый племянникъ, сынъ старшаго брата, все имущество распределялось уже поровну, съ тѣмъ только предпочтеніемъ въ сторону перваго, что ему, какъ болѣе трудившемуся въ созданіи и устроеніи хозяйства, отдавались и лучшія вещи изъ тѣхъ, которыя нельзя было раздѣ-

лить совершенно одинаково: такъ, ему дана была лошадь и хорошая сбруя, а племянникъ получилъ корову и рабочую сбрую.

Причина раздѣла указана только въ одномъ случаѣ, когда трижды дѣлились только что упомянутые дядя и племянникъ. По первому приговору раздѣлъ между ними происходилъ для того, чтобы не было пререканій въ хозяйствѣ и не ухудшался хозяйственный бытъ ихъ, а въ третьемъ раздѣльномъ актѣ объяснялось подробно, что въ семействѣ возникли вражда и раздоръ, доведенные до крайности, такъ что совмѣстное жительство семьи стало совершенно невозможно; самый же раздоръ произошелъ отъ неучастливости къ дому племянника, а также и отъ того, что семья его имѣла болѣе членовъ и потому содержаніе ея обходилось дороже, чѣмъ содержаніе первой семьи.

Въ отношеніи самаго распредѣленія подлежащихъ раздѣлу предметовъ можно замѣтить слѣдующее.

Во всѣхъ раздѣлахъ каждое изъ вновь образующихся хозяйствъ имѣть уже по отдѣльному дому; только въ одномъ случаѣ сынъ, отдѣляясь отъ отца, еще не выстроилъ себѣ двора, и потому помѣщеніе для скота должно было оставаться у него съ отцомъ общее. Въ опредѣленіе стоимости домовъ раздѣльный актъ вошелъ только однажды, въ дѣлежѣ дяди съ племянникомъ, когда послѣдній, оставаясь въ старомъ домѣ, долженъ былъ выдать первому, уходившему въ новый, имъ самимъ выстроенный домъ, 100 рублей, половину стоимости стараго дома. Приэтомъ было оговорено, что, если племянникъ не уплатитъ 100 руб., дядя имѣетъ право отломать свою половину стараго дома или заколотить ее. Въ общемъ владѣніи у нихъ изъ прочей постройки остались овинъ и баня, а сарай и амбаръ перешли—одинъ къ одному, другой къ другому.

Скотины по возможности распредѣлялась отдѣльно: особо лошади, особо коровы и особо овцы. Но такъ какъ не всегда случается, чтобы въ крестьянскомъ обиходѣ было двѣ лошади, то при раздѣлѣ ихъ приходилось иногда или оставлять лошадь въ общемъ владѣніи или давать за нее что-либо другое изъ скота: въ одномъ случаѣ дѣйствительно лошадь у отца и сына осталась неподѣленной, а въ другомъ племянникъ взялъ вмѣсто нея корову. Прочее имущество дѣлилось такъ, чтобы та и другая стороны получали его особо.

Отдѣльныхъ хозяйствъ образовалось по этимъ раздѣламъ 10. Каждое имѣло свой домъ, но лошадей не было въ двухъ хозяйствахъ. Остальнымъ имуществомъ, необходимымъ для веденія крестьянскаго хозяйства, новообразовавшіеся дворы владѣли въ достаточномъ количествѣ.

Въ Бореевской волости записано въ раздѣльную книгу съ 1886 года 13 приговоровъ. Изъ нихъ одинъ былъ отмѣненъ уѣзднымъ по крестьянскимъ

дѣламъ Присутствіемъ вслѣдствіе выраженнаго на самомъ приговорѣ несогласія на условія раздѣла одного изъ членовъ семьи, а также вслѣдствіе несоблюденія 9 ст. Наказа, предписывающей волостному старшинѣ прежде засвидѣтельствуванія приговора произвести мѣстное разслѣдованіе о правильности его составленія. Любопытно, что недовольнымъ членомъ семьи былъ не глава ея, 76-лѣтній отецъ, а его старшій сынъ, который, очевидно, въ этомъ случаѣ былъ признанъ уѣзднымъ Присутствіемъ за домохозяина. Законно-утвержденныхъ раздѣловъ въ Бореевской волости было такимъ образомъ за изслѣдуемый періодъ времени 12, а всѣхъ раздѣльныхъ актовъ, на основаніи которыхъ можно судить объ условіяхъ раздѣловъ, имѣется въ правленіи 14, такъ какъ тамъ случайно сохранилась еще копія одного незаконнаго приговора, представленная въ волостной судъ въ качествѣ доказательства правильности иска, который предъявилъ къ отцу одинъ изъ его сыновей за неисполненіе обязательствъ раздѣла. Актъ этотъ относится къ 1898 году, былъ составленъ при участіи четырехъ окольныхъ и сельскаго старосты и въ подлинникѣ хранился у старосты. Крестьяне, очевидно, смотрятъ на эти приговоры, какъ на совершенно законные, и ими одними и довольствуются, потому что самый послѣдній раздѣльный актъ, внесенный въ волостную раздѣльную книгу, относится къ 1892 году, и, значить, за все послѣдующее время въ Бореевской волости употреблялись приговоры, только подобные предыдущему. По словамъ мѣстныхъ жителей, это и дѣйствительно такъ: обыкновенно приговоры составляются тамъ сельскими старостами и въ подлинникахъ отдаются тѣмъ семьямъ, которыя будутъ жить на старой дворинѣ, въ копіяхъ же получаютъ семьями, уходящими на новыя мѣста. Любопытно было бы узнать, какъ бы посмотрѣлъ на законность этихъ актовъ волостной судъ; но, къ сожалѣнію, ему не пришлось высказаться объ этомъ, такъ какъ до судебного разбирательства по упомянутому выше приговору 1898 г. сынъ отказался отъ иска.

По годамъ записанные въ раздѣльную книгу приговоры распределяются слѣдующимъ образомъ: въ 1887 году — 1, въ 1888 г. — 7, въ 1889 г. — 2, въ 1890 г. — 1, въ 1891 г. — 1 и въ 1892 г. — 1.

Сельскій сходъ по большей части принималъ здѣсь участіе не въ одномъ разрѣшеніи раздѣла вообще, но и въ самомъ распредѣленіи дѣлимаго имущества, такъ что только въ двухъ случаяхъ ему пришлось ограничиться лишь формальнымъ утвержденіемъ совершившагося безъ его участія раздѣла. Въ одномъ изъ нихъ дѣло шло о самовольно отдѣлившемся отъ отца два года тому назадъ сынъ, уже обзаведшемся собственнымъ хозяйствомъ, а въ другомъ дѣлились два брата, изъ которыхъ младшій выдавалъ старшему за все имущество деньги и между которыми раздѣлъ совершился, очевидно, до такой степени мирно, что въ раздѣльномъ актѣ не указывалось никакихъ его подробностей:

не обозначено даже суммы, уплачиваемой однимъ братомъ другому. Когда же сходъ участвовалъ въ собственномъ смыслѣ въ раздѣлѣ имущества, то иногда, согласно съ закономъ 18 марта 1886 г., онъ входилъ въ разсмотрѣніе дѣла только того имущества, которое признается необходимымъ для веденія крестьянскаго хозяйства; иногда же, напротивъ, перечислялъ въ раздѣльномъ приговорѣ предметы, подлежащія, въ сущности, раздѣлу домашнему. Такъ, при раздѣлѣ крестьянъ дер. Зубарева, братьевъ Петровыхъ, 11 января 1887 г., послѣ перечисленія приходившихся на долю каждаго брата построекъ, скота и хозяйственныхъ орудій, замѣчено, что все остальное братья обязались раздѣлить поровну и миролюбно, по особому раздѣльному акту. Точно также особому соглашенію сторонъ было предоставлено распределеніе имущества, не относящагося къ необходимымъ принадлежностямъ крестьянскаго хозяйства, при раздѣлѣ крестьянки дер. Рыстанова Натальи Ефимовой съ ея сыномъ и дочерью, 7 марта 1890 года. Случалось даже, что и изъ необходимыхъ принадлежностей крестьянскаго хозяйства не все подлежало вѣдѣнію сельскаго схода: такъ, въ 1892 г. въ раздѣльномъ приговорѣ крестьянки дер. Захарова Афимьи Антоновой съ сыновьями и деверемъ помѣщены только причитавшіяся на долю каждаго строенія, скотъ, хлѣбъ и земля, экипажи же, сбруя, земледѣльческія орудія и домашнія принадлежности стороны согласились раздѣлить особо и миролюбно, въ присутствіи посторонняго лица. За то, съ другой стороны, въ раздѣльный актъ были вписаны однажды иконы и зеркала, два раза самовары и одежда, и постоянно заносилось распределеніе выкупленной земли, если такая существовала.

Отецъ является, въ качествѣ полновластнаго распределителя семейнаго имущества, только одинъ разъ, когда его сынъ, какъ уже выше было замѣчено, отошелъ отъ него самовольно два года назадъ; поэтому въ раздѣльномъ приговорѣ между ними прямо сказано, что отецъ не надѣляетъ сына ничѣмъ, какъ по указанной причинѣ, такъ и вслѣдствіе того, что сынъ уже завелъ полное собственное хозяйство. Въ прочихъ случаяхъ выдѣла дѣтей изъ семьи отца при жизни послѣдняго общее имущество дѣлится между родителями и дѣтьми обыкновенно болѣе или менѣе безобидно. При этомъ, когда отецъ съ матерью еще люди не дряхлые и сами способны къ работѣ, тогда они берутъ себѣ часть равную съ сыновьями, какъ это было, на примѣръ, въ раздѣлѣ крестьянина дер. Селина Петра Васильева съ сыномъ Ларіономъ, 10 марта 1888 года. Въ случаѣ же дряхлости родителей имъ выдѣляется часть не изъ всего имущества и не всегда равная съ сыновьями, а по возможности только то, что необходимо для ихъ пропитанія. Во всѣхъ трехъ бывшихъ здѣсь случаяхъ подобныхъ раздѣловъ родители не оставили за собой земли, ни надѣльной, ни выкупленной; за то изъ постройки и хлѣба «въ зернѣ и землѣ»

имъ были предоставлены части одинаковыя съ сыновьями, изъ скота же одинъ разъ не дано было ничего, а два раза назначены были меньшія части, чѣмъ дѣтямъ. Раздѣльный актъ обыкновенно упоминаетъ, съ какимъ изъ сыновей дряхлые родители будутъ жить, и, предвидя возможность новыхъ несогласій между ними, оговариваетъ, что въ такомъ случаѣ отецъ имѣетъ право отдѣлить себѣ показанную въ приговорѣ его долю. Послѣ смерти родителей имущество ихъ должно было переходить тѣмъ дѣтямъ, съ которыми они жили и которыя ихъ кормили.

При отдѣлѣ сыновей отъ матери также возможны случаи, что мать по своему желанію имѣетъ право лишать сына того или иного изъ общаго имущества. Такъ, 14 декабря 1888 г. отдѣлялся отъ матери крестьянинъ дер. Ожиганова Василий Ивановъ, и въ пользу матери, оставшейся съ пожилою дочерью, было предоставлено все движимое имущество, такъ какъ у сына уже были и собственный скотъ, и собственное хозяйство. Если мать и послѣ раздѣла съ сыномъ остается главою хозяйства, ей дается при раздѣлѣ часть во всемъ имуществѣ, такъ что, напримѣръ, 7 марта 1890 г. крестьянка дер. Рыстанова Наталья Ефимова, съ которой остались жить ея свекровь и дочь, получила во всемъ, кромѣ надѣльной земли, равную долю съ отдѣлившимся сыномъ. Въ одномъ случаѣ мать, престарѣлая и неспособная къ веденію хозяйства, не желала однако жить вмѣстѣ съ какимъ-либо изъ своихъ раздѣлившихся дѣтей, — тогда она получила равную съ сыновьями часть изъ скота и хлѣба «въ землѣ и зернѣ», а вмѣсто строенія и на прокормленіе ея сыновья были обязаны выдавать ей ежегодно по 15 руб. каждый. Наконецъ, когда мать послѣ раздѣла должна была жить вмѣстѣ съ однимъ изъ сыновей, ей въ одномъ раздѣльномъ приговорѣ не было указано определенной части имѣнія, такъ какъ съ ней остался 12-лѣтній сынъ; но она получила на свою и этого сына доли больше, чѣмъ старшій, отдѣлившійся сынъ, — больше въ скотѣ и строеніяхъ. Изъ двухъ другихъ подобнаго рода актовъ по одному матери дана равная съ сыновьями часть въ строеніяхъ, скотѣ и хлѣбѣ, а по другому — ей оставлены для пропитанія корова съ овцою и дано нѣкоторое количество зернового хлѣба, безъ соразмѣрности, однако, съ долями прочихъ участниковъ дѣлежа, такъ что здѣсь, очевидно, имѣлась въ виду только возможность пропитанія ея. Такимъ образомъ, въ надѣленіи матерей можно замѣтить въ общемъ то же основаніе, что и при опредѣленіи доли отцовъ, — ихъ хозяйственную и рабочую дѣеспособность. Предусматривалось иногда здѣсь также и дальнѣйшее положеніе матери по отношенію къ отдѣлившимся дѣтямъ: когда она получила собственное хозяйство, въ раздѣльномъ приговорѣ было оговорено, что она впредь уже не можетъ требовать отъ сына никакой помощи; когда она осталась при хозяйствѣ малолѣтняго сына, было замѣчено, что она

можетъ отойти отъ него черезъ десять лѣтъ, по достиженіи сыномъ совершеннolбтія; а когда она осталась жить при дѣтяхъ, получивши равную съ ними долю во всемъ, кромѣ земли и хозяйственныхъ орудій, сказано было, что въ случаѣ ухода отъ дѣтей она можетъ взять съ собой только то, что назначено ей по раздѣльному акту.

Въ вопросѣ о значеніи для законности раздѣла общаго согласія на него братьевъ въ любопытнѣнъ раздѣльный актъ крестьянъ дер. Зубарева, братьевъ Петровыхъ, раздѣлившихся 11 января 1887 г., когда одинъ изъ нихъ былъ въ солдатахъ: братья раздѣлились, не спрашиваяеъ его, отдѣливъ ему равную съ собой часть и согласившись только уплатить безъ участія его отцовскую недоимку. Въ самомъ раздѣлѣ братьевъ между собою или съ семьей умершаго брата та и другая стороны обыкновенно пользуются одинаковыми правами, и имущество дѣлится поровну, поколѣнно, независимо отъ количества вѣдковъ и работниковъ той или иной семьи. Но когда братья дѣлятся при жизни одного или обоихъ родителей, или когда собственно происходитъ выдѣлъ изъ семьи одного брата, тогда въ основаніи дѣлежа бывають возможны нѣкоторыя уклоненія отъ принципа поколѣнности въ сторону соображеній хозяйственныхъ или просто старшинства. Такъ, 26 февраля 1896 г., при раздѣлѣ крестьянина дер. Усолцева Федора Михайлова съ дѣтьми, когда уходилъ на особое хозяйство младшій братъ, ему была дана сравнительно съ двумя старшими большая часть въ строеніяхъ и скотѣ,—очевидно въ тѣхъ видахъ, чтобы ему сразу же можно было сдѣлаться настоящимъ домохозяиномъ: въ то время какъ старшимъ братьямъ назначено было обомъ вмѣстѣ только—дворъ, горенка, лошадь, телушка и овца съ двумя ягнятами, младшій братъ получилъ избу съ дворомъ и поветью, лошадь, корову и овцу. Такимъ же образомъ при раздѣлѣ крестьянки дер. Захарова Афимьи Антоновой съ сыновьями и деверемъ, когда уходилъ изъ дому старшій ея сынъ, онъ получилъ сравнительно съ дядей и двумя братьями болѣе скота и 2 изъ 6-ти надѣловъ земли. Точно также 29 января 1888 г. крестьянинъ дер. Полушина Алексѣй Ивановъ, отдѣляясь отъ матери и трехъ братьевъ, получилъ изъ 5-ти надѣловъ земли 2, а изъ скота почти то же, что осталось для всѣхъ прочихъ соучастниковъ дѣлежа, т. е. часть гораздо большую, чѣмъ если бы раздѣлъ происходилъ чисто поколѣнно. Съ другой стороны, при раздѣлахъ крестьянина дер. Пятинской Парфена Леонтьева (9 декабря 1888 г.) и крестьянки дер. Вдовина Наталіи Андреевой съ ихъ сыновьями меньшую долю въ надѣльной землѣ, при равенствѣ во всемъ остальномъ и даже при одинаковомъ количествѣ дѣтей у братьевъ, получили младшіе братья: въ одномъ случаѣ въ полтора, а въ другомъ въ два раза.

Въ надѣленіи сестеръ, при раздѣлахъ братьевъ съ родителями, въ осно-

ваніе раздѣла кладется обыкновенно хозяйственный принцип, и сестры, такъ какъ не могутъ образовать самостоятельнаго хозяйства, не получаютъ и равной доли съ братьями, хотя и не обдѣляются совершенно. Такъ, при раздѣлѣ крестьянки дер. Вдовина Натальи Андреевой съ сыновьями дочь ея получила почти равную съ братьями часть въ строеніяхъ, вмѣсто же всего остального, — въ томъ числѣ собственной земли, бывшей въ семействѣ, — братья должны были выдать ей 25 рублей. Въ другомъ случаѣ, именно при раздѣлѣ крестьянки дер. Рыстанова Натальи Ефимовой съ дѣтьми, 18-лѣтней дочери ея была предоставлена равная съ матерью и братомъ доля въ постройкахъ, дана была корова и овца и даже третья часть кущей земли.

Причины раздѣловъ указаны въ 10-ти раздѣльныхъ приговорахъ: въ шести-семейныя несогласія; въ одномъ они же и многосемейность; въ одномъ — несогласія, ветхость и тѣснота дома; въ одномъ — многосемейность; и въ одномъ было постановлено отдѣлить одного изъ братьевъ потому, что другіе братья, жившіе въ отхожихъ промыслахъ, не могли довѣрить ему хозяйства, отецъ же у нихъ умеръ, а мать была стара.

Въ распредѣленіи между дѣлящимися сторонами построекъ по большей части бывало такъ, что каждая сторона что-нибудь получала изъ общихъ строеній. Только въ трехъ случаяхъ было противоположное: братъ получилъ отъ брата за все имѣніе деньги; мать выговорила себѣ отъ каждаго изъ сыновей на содержаніе по 15 руб. ежегодно; и братъ остался жить вмѣстѣ съ другимъ братомъ, получивъ свою долю въ постройкѣ деньгами. Во всѣхъ остальныхъ приговорахъ обыкновенно точно указывается доля каждаго участника дѣлежа въ общей постройкѣ, хотя бы онъ оставался жить вмѣстѣ съ другими; приэтомъ иногда оговаривалось, что въ случаѣ прекращенія совместнаго жительства каждый можетъ отломать свою часть отъ другой. Не всегда однако приходилось такъ, чтобы сторона, уходящая въ отдѣлъ, была обезпечена совершенно отдѣльнымъ помѣщеніемъ для жительства, хотя, конечно, въ виду семейныхъ несогласій, какъ главной причины раздѣловъ, это по возможности и наблюдалось, такъ что только въ одномъ случаѣ братъ, уходящій изъ семьи и получившій за домъ 100 руб., долженъ былъ два года жить вмѣстѣ съ матерью и братьями; въ двухъ же другихъ случаяхъ отдѣлившіеся дѣти хотя и не получали жилыхъ построекъ, но уже сами ранѣе обзавелись ими. За то стороны, рѣшавшіеся и послѣ раздѣла жить общимъ хозяйствомъ, только по одному приговору имѣли для себя каждая по избѣ, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ по необходимости не могли отдѣлиться другъ отъ друга потому, что избу получалъ кто-нибудь одинъ, а прочіе лишь надворныя постройки: горницу, полдвора, дворъ, хлѣвъ и под. При этомъ родители, за исклю-

ченіем одного случая, всегда оставались жить съ тѣми дѣтьми, которымъ доставались старыя избы,—на новыя мѣста не уходили.

Хозяйственныя постройки обыкновенно дѣлились такъ, чтобы отходящая изъ семьи сторона, по возможности, была надѣлена или амбаромъ, или сараемъ, или даже только срубами и бревнами для нихъ, причемъ одна такая постройка уравнивалась другою, такъ какъ рѣдко случалось, чтобы въ хозяйствѣ было по два и болѣе амбара, сарая и проч. Далеко не всегда однако возможно было отпустить отдѣлявшихся членовъ семьи даже съ какой-нибудь одной хозяйственной постройкой, и въ 5-ти случаяхъ разсматриваемыхъ раздѣловъ они уходили только съ избой и дворомъ. Овинъ и баня даже совсѣмъ не поступали въ раздѣлъ: о нихъ упомянуто въ 17-ти раздѣльныхъ актахъ, и во всѣхъ ихъ баня и овинъ оставались и послѣ раздѣла въ общемъ пользованіи.

При дѣлежѣ скота относительно лошадей наблюдались хозяйственныя соображенія,—чтобы вновь образующееся хозяйство по возможности не оказалось безъ лошади, такъ что, если на всѣхъ участниковъ раздѣла не доставало по особой лошади, то она давалась уходившему изъ семьи члену и кому-либо изъ тѣхъ, которые и послѣ раздѣла опять соединялись въ общее хозяйство; для остальныхъ же лицъ изъ этихъ послѣднихъ лошадей уравнивалась другою скотиною,—лишнею коровою или овцами. Но, разумѣется, не всегда было возможно достигнуть и этого, такъ какъ часто въ раздѣлявшейся семьѣ была и всего-то одна лошадь. Подробности распределенія скота имѣются въ 11-ти приговорахъ, и по тремъ изъ нихъ новыя хозяйства должны были начинаться безъ лошадей, а по одному—безъ лошадей оставались даже обѣ стороны. Въ хозяйствахъ же, остававшихся на старомъ мѣстѣ и представлявшихъ изъ себя и послѣ раздѣла соединеніе двухъ или болѣе его участниковъ (такихъ хозяйствъ было 6), только въ одномъ случаѣ пришлось двѣ лошади,—по одной на каждого изъ двухъ братьевъ, а во всѣхъ остальныхъ тамъ была лишь одна лошадь. Тѣмъ изъ участниковъ раздѣла, которые уже не могли быть домохозяевами,—престарѣлымъ родителямъ и дочерямъ,—выдѣлялась обыкновенно корова и одна или двѣ овцы. Только въ одномъ случаѣ отецъ не получилъ никакой скотины, а въ одномъ не получила ничего изъ скота 18-лѣтняя дочь.

О распределеніи надѣльной земли имѣются свѣдѣнія въ 9-ти раздѣльныхъ актахъ, и только въ двухъ случаяхъ поколѣнный и похозяйственный принципы раздѣла совпали: это—когда дѣлились три взрослыхъ брата, взявшіе каждый по одному надѣлу, и когда способный къ работѣ отецъ выдѣлилъ старшаго сына и далъ ему одинъ надѣлъ, а себѣ съ младшимъ сыномъ оставилъ два надѣла. Въ прочихъ же раздѣлахъ принималась въ расчетъ по преимуществу хозяйственная способность дѣлившихся сторонъ: такъ, когда отъ

матери съ 18-лѣтней ея дочерью отдѣлился сынъ, ей данъ былъ 1 надѣлъ, а сыну $1\frac{1}{2}$; когда отъ другой матери съ 33-лѣтней дочерью ушелъ сынъ, ей дали 1 надѣлъ, а сыну—2. Въ одномъ случаѣ была принята во вниманіе выкупленная земля и ею замѣнена надѣльная: братъ получилъ два надѣла выкупленной, а семьѣ его умершаго старшаго брата отданы были 2 надѣла общественной земли. Въ другихъ случаяхъ основанія неравномѣрности распределенія надѣльной земли между хозяйствами невозможно опредѣлить, такъ какъ въ приговорахъ объ этомъ не говорится ничего.

Собственная земля, помимо указанной выше замѣны ею надѣльной, подвергалась дѣлежу въ трехъ раздѣльныхъ актахъ: въ двухъ ее подѣлили между собою поровну братья, безъ выдѣла матери и сестръ, а въ одномъ эта земля подѣлена была въ равныхъ частяхъ между матерью, дочерью и отдѣлявшимся отъ нихъ сыномъ.

Хлѣбъ въ зернѣ и землѣ въ 9-ти приговорахъ раздѣленъ совершенно одинаково,—поколѣнно, считая за особое колѣно престарѣлыхъ родителей и независимо отъ количества дѣтокъ въ каждомъ колѣнѣ, а также и отъ того, какъ будутъ жить послѣ раздѣла эти колѣна,—все порознь или нѣкоторыя вмѣстѣ. Только въ одномъ приговорѣ сдѣлано было въ этомъ отношеніи различіе между хлѣбомъ въ зернѣ и хлѣбомъ въ землѣ, и дряхлые родители имѣли право получить свою долю въ одномъ зерновомъ хлѣбѣ.

Хозяйственныя принадлежности,—сбруя, экипажи, земледѣльческія орудія,—дѣлились или похозяйственно, поровну на каждое отдѣльное хозяйство, совпадавшее впрочемъ и съ отдѣльнымъ колѣномъ; или поколѣнно,—поровну на каждаго участника дѣлежа, независимо отъ того, образуетъ или нѣтъ онъ самостоятельное хозяйство (приэтомъ иногда даже престарѣлые родители получали равную съ сыновьями часть); или, наконецъ, отдѣлявшемуся хозяйству просто выдавалось все въ этомъ отношеніи необходимое.

Изъ одежды и обуви въ одномъ случаѣ отдано было каждому то, что имъ самимъ заведено; въ одномъ одежда раздѣлена поровну,—поколѣнно, считая за особое колѣно дряхлаго отца; и въ двухъ случаяхъ отдѣлявшемуся семейству выдѣлено было только необходимое.

Въ Бушневской волости раздѣльныя книги были заведены на каждое общество отдѣльно, но въ волостномъ правленіи сохранилось этихъ книгъ только 8, тогда какъ всѣхъ сельскихъ обществъ въ волости 13. Въ означенныхъ 8-ми книгахъ записано совершенно ничтожное количество раздѣловъ: 3; два по Баклановскому обществу и одно по Шатуновскому. Два раздѣла изъ нихъ относятся къ 1888 году и одинъ—къ 1898-му. Книги остальныхъ 6-ти обществъ совершенно чисты.

Совсѣмъ невѣроятно, конечно, чтобы на большую волость въ 2006 зе-

мельныхъ душъ за цѣля 12 лѣтъ три семейныхъ раздѣла составляли болѣе или менѣе значительную часть фактическихъ раздѣловъ: очевидно, они попали сюда чисто случайно и составляютъ только исключеніе изъ раздѣловъ, совершаемыхъ съ формальной точки зрѣнія незаконно. Я надѣялся опредѣлить здѣсь количество дѣйствительныхъ раздѣловъ изъ сравненія наличнаго числа домохозяевъ волости съ «законнымъ» ихъ числомъ, имѣющимъ право участвовать въ сельскихъ выборахъ, такъ какъ по XIX статьѣ Наказа губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія хозяйства, образующіяся отъ неутвержденныхъ раздѣловъ, не имѣютъ права числиться въ выборномъ отношеніи отдѣльными семействами, а должны считаться за одинъ дворъ съ тѣмъ, отъ котораго отдѣлились, какъ будто бы раздѣла между ними вовсе и не существовало. Поэтому въ выборныхъ приговорахъ должно обозначаться только законное количество домохозяевъ общества, т. е. фактическое число дворовъ къ 18 марта 1886 г. плюсъ число дворовъ, образовавшихся послѣ этого времени, по законно-утвержденнымъ раздѣламъ. Дѣйствительное же количество наличныхъ домохозяевъ можно было извлечь изъ черновыхъ матеріаловъ по всеобщей переписи 1897 года, хранившихся въ волостномъ правленіи, у писаря, бывшаго счетчика. Къ сожалѣнію, выборные приговоры имѣлись въ правленіи только за 1893 г., такъ что для сравненія приходится прибѣгать къ даннымъ разныхъ годовъ. Въ отношеніи правильности вывода это было бы почти безразлично, еслибы можно было увѣреннымъ, что, съ одной стороны, въ выборныхъ приговорахъ количество домохозяевъ обозначается постоянно «законное» и что въ него не включаются иногда хозяйства, образовавшіяся послѣ незаконныхъ раздѣловъ, а, съ другой, что къ 1886 году списокъ домохозяевъ заключалъ въ себѣ дѣйствительно всѣ наличные дворы. Увѣренности этой нѣтъ, но нужно думать все-таки, что цифры законныхъ домохозяевъ измѣняются далеко не такъ быстро, какъ измѣняется число дѣйствительныхъ хозяйствъ, и потому сравненіе тѣхъ и другихъ показаній не можетъ не быть интереснымъ, такъ какъ должно бы показывать хотя и не фактическое количество семейныхъ раздѣловъ за періодъ времени съ 1886 по 1897 гг., но и не далекое отъ дѣйствительности. Вотъ эти числа домохозяевъ, по отдѣльнымъ обществамъ волости, какъ они значатся въ выборныхъ приговорахъ и въ переписныхъ листахъ:

	О Б Щ Е С Т В А													И Т О Г О.
	Красно-ковское.	Масловское.	Подольновское.	Гавдановское.	Фоминское.	Михалевское.	Бурмакинское.	Стойниковское.	Фалдинское.	Бушевское.	Куликовское.	Шагуновское.	Заручинское.	
Приговоры 1893 г. . .	50	43	54	98	85	45	45	36	60	90	28	46	48	728
Перепись 1897 г. . . .	88	67	95	145	148	70	76	64	105	110	53	103	88	1212
Разница между ними	38	24	41	47	63	25	31	28	45	20	25	57	40	484

Разница между дѣйствительнымъ и законнымъ количествомъ домохозяевъ получается такимъ образомъ прямо ужасная—484, такъ что на каждый от-

дѣльный годъ 11-лѣтія 1886—1807 гг. падаетъ въ среднемъ не менѣе 44 семейныхъ раздѣловъ. Меня настолько поразила величина этой цифры, что я усомнился, дѣйствительно ли перепись производилась по отдѣльнымъ хозяйствамъ, спрашивалъ объ этомъ писаря-счетчика и получилъ увѣреніе въ правильности его показаній. Нужно поэтому думать, что тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе: можетъ быть, число домохозяевъ въ выборныхъ приговорахъ оставалось неизмѣннымъ съ 1861 года; тогда на каждый годъ пришлось бы не менѣе 13 раздѣловъ, и число это, конечно, болѣе похоже на дѣйствительность, чѣмъ первое.

Изъ вышеозначенныхъ трехъ записанныхъ въ волостныя книги раздѣловъ одинъ представляетъ собою выдѣлъ крестьяниномъ дер. Шатунова Авксентіемъ Ильевымъ средняго сына за неповиненіе и непочтеніе къ родительской власти. Отецъ здѣсь даетъ сыну, что хочетъ, хотя и не обижаетъ его, такъ какъ семья эта, очевидно, богатая. Сынъ состоялъ на службѣ у отца и получалъ отъ него жалованья свыше 300 руб. въ годъ. У него есть уже собственный домъ со всѣми службами, скотъ и все необходимое для веденія хозяйства, но отецъ, выдѣляя его, даетъ ему еще 1000 руб. на дальнѣйшее устройство дома. За то изъ выкупленной земли онъ не далъ сыну ничего, и уже крестьяне дер. Шатунова сами предоставили послѣднему мірской надѣлъ, сложивши его съ какого-то другого односельчанина.

По другому раздѣльному приговору крестьянинъ-собственникъ дер. Кузнецова Яковъ Смирновъ 10 марта 1888 г., «находясь въ престарѣлыхъ лѣтахъ, заблагодарасудилъ при жизни своей раздѣлить между сыновьями своими имущество». Самъ онъ съ женой остался жить вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ въ старомъ домѣ, а старшій сынъ ушелъ въ новый. Для cadaго хозяйства были припасены здѣсь уже особыя хозяйственныя постройки: овины, сарай и амбары,—на родителей же отдѣльной части въ строеніяхъ не было дано. За то изъ скота въ хозяйство младшаго брата,—очевидно, на родителей,—назначены были лишнія сравнительно со старшимъ братомъ двѣ коровы и двѣ овцы. Точно также и хлѣбъ раздѣленъ былъ не похозяйственно, а поколѣнно, — на три равныя части, какъ въ землѣ, такъ и въ зернѣ. Хозяйственныя принадлежности распределены поровну на два хозяйства.

Третій раздѣлъ произошелъ между двумя братьями изъ-за семейныхъ несогласій. Усадьбная и полевая земля была раздѣлена между ними поровну; младшій братъ ушелъ въ новую избу и кромѣ нея получилъ еще сарай, баня-же и овинъ остались въ общемъ владѣніи «до пристоя». Какъ распределались доли въ прочемъ имуществѣ, изъ приговора не видно, но младшій братъ получилъ и въ скотѣ и въ хозяйственныхъ принадлежностяхъ все необходимое.

Въ Введенской волости въ книгу раздѣльныхъ приговоровъ, общую

для всей волости, записано 7 приговоровъ, но два изъ нихъ относятся къ одному и тому же раздѣлу, такъ что всѣхъ законныхъ раздѣловъ значится въ волости 6. Всѣ они относятся къ періоду времени за 1894 — 1898 гг., и именно: къ 1894 — 1, къ 1895 — 1, къ 1896 — 1, къ 1897 — 1 и къ 1898 — 2. За тотъ же періодъ времени волостнымъ писаремъ даны были мнѣ свѣдѣнія и о количествѣ не записанныхъ въ книгу раздѣловъ; распределение тѣхъ и другихъ по отдѣльнымъ обществамъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

		О	Б	Щ	Е	С	Т	В	А.	В С Е Г О.
		Бойриновское.	Гладковское.	Евселяновское.	Лукушинское.	Петровское.	Поповское.	Романовское.	Рыжовское.	
№101 1894—1898	Законные	2	—	2	—	2	—	—	—	6
	Незаконные	2	2	3	2	4	1	2	1	17
	Тѣ и другіе	4	2	5	2	6	1	2	1	23

Количество такъ называемыхъ незаконныхъ раздѣловъ превышаетъ, такимъ образомъ, здѣсь число законныхъ раздѣловъ почти втрое, а тѣхъ и другихъ на каждый годъ приходится въ среднемъ около 6 на всю волость.

Не засвидѣтельствованныхъ приговоровъ въ волостномъ правленіи нѣтъ, такъ какъ они никогда не представляются туда. Пишутся они будто бы, однако, при каждомъ раздѣлѣ, составляются обыкновенно при двухъ-трехъ свидѣтеляхъ, скрѣпляются подписью сельскаго старосты и хранятся самими заинтересованными сторонами.

Изъ шести записанныхъ въ раздѣльную книгу случаевъ раздѣла въ двухъ сельской сходѣ, согласно съ закономъ 18 марта 1886 года, ограничившимъ распределеніемъ одного только необходимаго для веденія крестьянскаго хозяйства имущества, относительно всего прочаго замѣтилъ, что оно раздѣлено самими сторонами по особымъ условіямъ между ними. Напротивъ, въ двухъ другихъ раздѣлахъ внесено въ приговоръ схода раздѣленіе обуви и одежды, а въ одномъ — самоваровъ и стѣнныхъ часовъ, хотя въ то же самое время въ этомъ послѣднемъ актѣ замѣчено, что движимость и домашняя обстановка дѣлятся по особому акту. Въ прочихъ приговорахъ распределялось только имущество необходимое для крестьянскаго хозяйства, безъ всякаго упоминанія о доляхъ сторонъ въ остальныхъ хозяйственныхъ и домашнихъ вещахъ, которыя, очевидно, дѣлились самими сторонами, безъ особыхъ письменныхъ условій на это.

Съ согласіемъ отца, какъ домохозяина, заключено четыре раздѣльныхъ приговора. Въ трехъ изъ этихъ случаевъ у него жива еще жена, а въ одномъ

дасть раздѣлъ своимъ сыновьямъ только престарѣлый отецъ. Относительно власти и доли родителей въ распредѣленіи имущества можно судить на основаніи трехъ приговоровъ, такъ какъ въ четвертомъ о части, взятой ими на себя, не сказано ничего. Цѣлаго хозяйства родители во всѣхъ трехъ случаяхъ не представляютъ изъ себя и потому, независимо отъ того, вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей или отдѣльно будутъ жить, берутъ себѣ изъ общаго имущества только то, что необходимо для пропитанія и жизни вообще, т. е. что-либо изъ строенія, скота, зернового хлѣба, одежды и обуви.

Раздѣлъ братьевъ между собою заключается въ двухъ приговорахъ, причемъ въ одномъ случаѣ у нихъ жива была еще престарѣлая мать. Особой части имущества на нее не было опредѣлено, и, значить, «раздѣлъ» между нею и дѣтьми былъ чисто хозяйственный. Между самими же братьями,—какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ случаѣ,—похозяйственный и поколѣнный принципы дѣлежа совпадали, потому что братья должны были жить отдѣльно другъ отъ друга и получили по равной части, несмотря на то, что составъ семейства и былъ у нихъ различный. Точно также и въ предыдущихъ случаяхъ, т. е. при жизни отца или обоихъ родителей, братья получали на каждаго равныя части, если даже послѣ раздѣла они и оставались жить вмѣстѣ, какъ это было, напримѣръ, при отдѣлѣ трехъ сыновей крест. дер. Соколова Степаномъ Трофимовымъ. Слѣдовательно, собственно между братьями раздѣлъ былъ поколѣнный, а между ними и родителями похозяйственный.

Причинами раздѣловъ въ двухъ приговорахъ указаны семейныя несогласія, въ трехъ—несогласія и многолюдство, а въ одномъ—несогласія, многолюдство и желаніе отца жить отдѣльно отъ дѣтей, «для своего покоя на старости лѣтъ».

При распредѣленіи построекъ наблюдался болѣе хозяйственный, чѣмъ поколѣнный, принципъ, такъ что на родителей, если они оставались послѣ раздѣла жить съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, не выговаривалось отдѣльной части ни жилыхъ, ни хозяйственныхъ строеній. Это было въ двухъ раздѣлахъ. Въ третьемъ отецъ съ матерью, отдѣливъ отъ себя троихъ сыновей въ новый домъ, сами остались жить въ старомъ, а изъ холостой постройки взяли себѣ амбаръ и свиной сарай. Въ четвертомъ раздѣлѣ отецъ не взялъ для себя никакой постройки, а выговорилъ право жить у того изъ дѣтей, у кого самъ пожелаетъ. Онъ же не взялъ себѣ ничего и изъ всего остального имущества, обязавши дѣтей выдавать ему по 12 руб. ежегодно.

Братья послѣ раздѣла остались жить вмѣстѣ, не распредѣляя между собой никакихъ построекъ, только въ одномъ случаѣ, — когда отъ нихъ отдѣлился отецъ съ матерью. По всѣмъ остальнымъ приговорамъ происходилъ между ними раздѣлъ и строеній, причемъ только одинъ разъ онъ былъ не совѣмъ полный,

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ВЪ СЛАВЯНСКОМЪ МУЗЕИ
КЪ ВЕН. КОМУ ВЪ 1931
102. № 12
ОБЛАСТНОЕ БИБЛИОТЕЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
19296

такъ какъ старшій сынъ, отдѣлившись отъ младшаго брата и отъ отца, получилъ хотя и особую избу съ дворомъ, но въ связи со старымъ домомъ. Въ отцовскомъ домѣ остался жить въ трехъ случаяхъ старшій изъ братьевъ и въ одномъ младшій. На общій счетъ заблаговременно былъ выстроенъ братьями особый домъ для отдѣлявшейся семьи только одинъ разъ, а въ трехъ другихъ тотъ изъ братьевъ, который оставался въ родительскомъ домѣ, выплачивалъ уходившему изъ него соответственную сумму денегъ на приобретение особаго дома.

Хозяйственные постройки между братьями, когда они образовывали самостоятельныя хозяйства, дѣлились, поровну, т. е. поколѣнно и вмѣстѣ похозяйственно. Если не было двухъ или болѣе построекъ одинаковаго назначенія, то одна замѣнялась соответствующей по стоимости постройкою другого рода: амбаръ, напримѣръ, сараемъ, сарай мякинницей и под. Въ общемъ владѣннн оставались и послѣ раздѣла обыкновенно овины и бани: первый въ трехъ случаяхъ, вторая въ двухъ. При одномъ раздѣлѣ, кромѣ овина и бани, остались еще въ совмѣстномъ пользованнн: амбаръ, сарай, погребъ и колодезь.

При раздѣлѣ земли строго наблюдалась домохозяйственная право-и-трудоспособность участниковъ дѣлежа, такъ что принципъ распределеннн ея былъ поколѣнно-трудовой. Поэтому родители во всѣхъ разсматриваемыхъ раздѣлахъ, будучи уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, вовсе не взяли себѣ земли,—ни надѣльной, ни выкупленной, братья же дѣлили между собою ту и другую землю всегда поровну, независимо отъ того, велико ли у каждаго изъ нихъ было семейство.

Въ распределеннн скота между родителями и дѣтьми къ хозяйственному принципу присоединялся иногда и поколѣнный. Такъ, отецъ съ матерью, отдѣлившись трехъ сыновей и отказавшись отъ земли, оставили себѣ однако лошадь и корову; въ другомъ случаѣ на долю младшаго брата, съ которымъ захотѣли жить и родители, дана была лишняя противъ старшаго корова,—очевидно на отца и на мать; за то въ другихъ двухъ раздѣлахъ ни отецъ, ни мать не взяли себѣ изъ скота ничего. Между братьями скотъ дѣлился поколѣнно, поровну: отдѣльно лошади, коровы и овцы. На каждое хозяйство во всѣхъ разсматриваемыхъ раздѣлахъ досталось по лошади и не менѣе, чѣмъ по одной, коровѣ и по двѣ овцы.

Изъ зерноваго хлѣба и принадлежностей крестьянскаго хозяйства только въ одномъ случаѣ назначена была на долю родителей особая часть, — тогда, когда они отдѣлили отъ себя троихъ сыновей; въ остальныхъ раздѣлахъ хлѣбъ, земледѣльческія орудія, экипажи и под. дѣлились между одними братьями,—поровну, безразлично отъ того, съ кѣмъ изъ нихъ будетъ жить отецъ, или мать, или тотъ и другая.

Одежда и обувь оставялась за каждымъ членомъ семейства та, какую кто носилъ или какую кто себѣ самъ завелъ.

Въ Вохтомской волости, самой глухой и самой маленькой изъ всего уѣзда, состоящей всего только изъ двухъ сельскихъ обществъ, раздѣльныя книги имѣются для каждаго общества отдѣльно, но ни одного приговора въ нихъ не записано. Незаконныхъ раздѣльныхъ актовъ въ волостномъ правленіи также нѣтъ, такъ что никакихъ документальныхъ свѣдѣній объ условіяхъ раздѣловъ въ этой волости нельзя было получить. По словамъ мѣстныхъ жителей, приговоры сельского схода при раздѣлахъ вообще тамъ не пишутся, а заключаются только, и то не всегда, письменныя условія самими дѣлящимися сторонами, даже безъ участія старосты. Раздѣлы, конечно, существуютъ и здѣсь, и даже раздѣлы совершенно самовольные, когда дѣти уходятъ отъ отца безъ позволенія послѣдняго. Въ этихъ случаяхъ родители иногда ничего не даютъ отдѣлившимся дѣтямъ; напротивъ, послѣднія еще обязываются обществомъ платить за отца подати и выдавать ему ту или другую ежегодную сумму на пропитаніе.

Количество раздѣловъ въ Вохтомской волости удалось выяснитъ за періодъ времени съ 1894 г., изъ сравненія наличнаго, сообщеннаго волостнымъ старшиной, числа домохозяевъ каждой деревни въ 1898 г. съ тѣмъ, какое было въ 1894 г. и какое обозначено въ раскладочныхъ приговорахъ этого года, содержащихъ число дѣйствительныхъ домохозяевъ того времени. Оказалось, что по Яковлевскому обществу было за это время до 30 раздѣловъ, а по Долговскому до 17-ти, всего—около 47,—почти по 12 раздѣловъ на каждый годъ, что для такой малолюдной и для такой глухой волости нельзя не признать числомъ сравнительно очень значительнымъ.

Въ Идской волости книга для записи раздѣловъ существуетъ, но въ ней не записано ничего. Въ волостномъ правленіи сохранилось однако 11 раздѣльныхъ приговоровъ, написанныхъ на особыхъ листахъ и, очевидно, представленныхъ въ свое время въ правленіе для засвидѣтельствованія. Изъ нихъ 1 относится къ 1887 году, 7—къ 1889 г., 1—къ 1890 г. и 2—къ 1891 г. Послѣднимъ годомъ, очевидно, закончились всякія попытки представленія приговоровъ въ правленіе, и послѣ этого, по словамъ мѣстныхъ жителей, раздѣлы происходятъ уже съ формальной точки зрѣнія исключительно незаконные. Ихъ бываетъ въ волости будто бы только 2—3 въ годъ, и производятся они самими заинтересованными сторонами, при свидѣтеляхъ и сельскомъ старостѣ. Письменныя условія при этомъ не всегда заключаются, а если заключаются, то къ нимъ подписывается староста и свидѣтели. Сыновья, отходя отъ отца, часто обязуются платить за него подати или выдавать ему извѣстную сумму на пропитаніе.

Изъ указанныхъ 11-ти раздѣльныхъ приговоровъ пять засвидѣтельствованы сельскимъ старостой и волостнымъ правленіемъ, такъ что въ первой инстанціи

носили на себѣ все признаки законности. Но четыре изъ нихъ восходили на разсмотрѣніе высшей власти, которая по разнымъ причинамъ не утвердила ни одного, такъ что только одинъ семейный раздѣлъ,—между братьями Осиповыми изъ дер. Строева, и является здѣсь болѣе или менѣе законнымъ.

Все четыре неутвержденныхъ раздѣла относятся къ 1889 году, и, можетъ быть, такое, такъ сказать, повально-отрицательное отношеніе къ нимъ уѣзднаго Присутствія, не оставшееся, безъ сомнѣнія, неизвѣстнымъ въ населеніи, вселило въ послѣднемъ убѣжденіе въ серьезной и даже непреодолимой трудности раздѣловъ, если производить ихъ по всемъ правиламъ недавняго закона. Не будетъ, слѣдовательно, невѣроятнымъ предположеніе, что именно по этой причинѣ прекратились вскорѣ всякія попытки къ заключенію законныхъ раздѣловъ, такъ какъ сравнительное обиліе представленныхъ въ 1889 году въ правленіе раздѣльныхъ актовъ доказываетъ, что вначалѣ населеніе не имѣло особаго предубѣжденія противъ того пути къ раздѣламъ, который указанъ закономъ 18 марта 1886 года.

Въ трехъ случаяхъ причиною неутвержденія уѣзднымъ Присутствіемъ раздѣльныхъ приговоровъ послужило то обстоятельство, что старшиною не было произведено установленнаго Наказомъ губернскаго Присутствія мѣстнаго разслѣдованія о правильности раздѣла, а также, что въ самыхъ приговорахъ не обозначено было количества крестьянъ, бывшихъ на сходѣ, и числа всехъ домохозяевъ общества. Присутствіе требовало только дополненія раздѣльныхъ актовъ, но волостное правленіе и сами крестьяне, очевидно, сочли возможнымъ обойтись и безъ его утвержденія, такъ что оставили приговоры, какъ они были первоначально написаны. Четвертый раздѣльный актъ по жалобѣ отца и по отзыву непремѣннаго члена Присутствія былъ вовсе отмѣненъ послѣднимъ, такъ какъ былъ заключенъ вопреки правиламъ закона 1886 г., требующимъ согласія на раздѣлъ главы семейства, и такъ какъ происходилъ не въ тотъ срокъ, который установленъ для раздѣловъ въ Чухломскомъ уѣздѣ.

Изъ 6-ти раздѣльныхъ актовъ, которые не свидѣтельствованы волостнымъ правленіемъ, одинъ представляетъ изъ себя только заявленіе матери сельскому старостѣ, чтобы сходъ произвелъ раздѣлъ ея дѣтей; остальные же пять не были засвидѣтельствованы правленіемъ вѣроятно потому, что ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ ни подписи, ни печати сельскаго старосты, хотя онъ въ двухъ случаяхъ несомнѣнно былъ на сходѣ, такъ какъ это упомянуто въ самыхъ приговорахъ; да и на прочихъ раздѣлахъ сельскій староста, вѣроятно, также былъ, потому что они происходили на сходахъ, и къ раздѣльнымъ актамъ подписались бывшіе на сходѣ крестьяне.

Объ объемѣ власти сельскаго схода и самихъ заинтересованныхъ лицъ на раздѣлъ вообще можно судить на основаніи 9-ти раздѣльныхъ актовъ. Въ

одномъ, какъ уже выше было упомянуто, мать просила сельскаго старосту проинвестировать раздѣлъ ея дѣтей на сходѣ и такимъ образомъ признавала за послѣднимъ полную въ этомъ отношеніи власть. Самаго раздѣла здѣсь однако не указано, и потому нельзя узнать, какъ отнесся сходъ къ предоставленному ему праву и какъ подчинились его власти дѣти.— Два другіе приговора, относящіеся къ 1889 и 1891 гг., представляютъ въ сущности только формальное утвержденіе сходомъ раздѣловъ, фактически состоявшихся уже нѣсколько лѣтъ ранѣе, по добровольному согласію сторонъ, такъ что въ этихъ случаяхъ сходу пришлось ограничиться весьма, напротивъ, незначительнымъ участіемъ въ раздѣлѣ. Точно также и въ другихъ четырехъ случаяхъ раздѣловъ центр тяжести ихъ лежалъ не на сходѣ, а на самихъ дѣлвшихся семействахъ, потому что здѣсь прежде поступленія дѣла на сходъ раздѣлъ происходилъ въ семьѣ, и тамъ же заключалось особое письменное условіе, которое сходъ только признавалъ и переписывалъ. Эти домашніе раздѣльные акты были представлены въ правленіе вмѣстѣ съ приговорами схода, и изъ нихъ видно, что иногда раздѣлъ происходилъ исключительно въ предѣлахъ семьи, такъ что и подписывались къ акту только заинтересованныя стороны (въ одномъ случаѣ даже только отецъ); иногда, напротивъ, здѣсь присутствовали свидѣтели: крестьяне-сосѣди, крестьяне другихъ деревень и даже разъ—только двѣ крестьянки-сосѣдки. Наконецъ, въ одномъ случаѣ приговору сельскаго схода о раздѣлѣ отца съ сыномъ предшествовало духовное завѣщаніе отца, а потомъ обоюдная, данная сельскому старостѣ росписка отца и сына въ ихъ взаимныхъ обязательствахъ. На основаніи этой росписки сходъ произвелъ подробный между ними раздѣлъ и составилъ отдѣльный приговоръ, который приводили въ исполненіе черезъ 10 мѣсяцевъ старшина и староста съ окольными людьми. При этомъ они не выдали отцу сполна всего, что ему назначено было, и потому онъ принесъ жалобу непрѣмному члену уѣзднаго Присутствія, и послѣднее, какъ уже выше сказано было, отмѣнило самый приговоръ, какъ незаконный.

Предѣлы вѣднія схода въ самомъ распредѣленіи или только въ утверженіи распредѣленія между сторонами общаго ихъ имущества сравнительно широкіе. Между десятью раздѣльными приговорами, въ которыхъ есть подробности этого распредѣленія, нѣтъ ни одного, ограничивающагося раздѣломъ только указаннаго въ законѣ 1886 года имущества: вездѣ къ этому имуществу, т. е. къ строеніямъ, домашнему скоту, надѣльной землѣ, хлѣбу и необходимымъ принадлежностямъ крестьянскаго хозяйства, присоединяется что-нибудь лишнее. Такъ, въ одномъ случаѣ была раздѣлена собственная земля, въ двухъ—общіе долги, въ семи—одежда, въ четырехъ—вообще все домашнее обзаведеніе, безъ указанія отдѣльныхъ его вещей, а въ нѣсколькихъ случаяхъ перечислены и такіе предметы, какъ самоваръ, часы, бревна, посуда, тесь, бересто, овчины,

кадки, лари, шкафы, столы, ухваты, ковши, топоры, чугуны, стулья, мохъ, шерсть, лодка, кровать и даже одинъ разъ—кринка масла. По сравненію съ раздѣльными приговорами предыдущихъ волостей, здѣсь между прочимъ въ двухъ актахъ упомянуто о раздѣленіи навоза, но послѣдній, можетъ быть, собственно говоря, отнесенъ къ необходимымъ принадлежностямъ крестьянскаго хозяйства, такъ что долженъ бы и всегда подлежать вѣдѣнію сельскаго схода.

Права и власть отца при раздѣлахъ внѣшнимъ образомъ выражаются въ томъ, что раздѣльный приговоръ пишется по большей части отъ его имени, такъ что, если изъ семьи отдѣляется одинъ изъ сыновей, а прочіе остаются, отецъ и оставшіяся дѣти какъ будто даютъ уходящему члену семейства, что сами находятъ нужнымъ; если же отецъ, находящійся уже въ престарѣлыхъ годахъ, даетъ раздѣлъ всеи своимъ дѣтямъ, онъ представляется какъ будто бы полновластнымъ распредѣлителемъ между ними общаго имущества, и потому, напримеръ, при раздѣлѣ кр-на дер. Пуповатаго Александра Яковлева съ сыномъ, по духовному завѣщанію его, сказано въ завѣщаніи, что отецъ награждаетъ сына такимъ-то и такимъ-то имуществомъ. Въ самомъ распредѣленіи общаго имѣнія отецъ однако получаетъ на себя и на жену, если она у него жива, гораздо меньшую часть, чѣмъ его дѣти, такъ какъ главнымъ соображеніемъ при этомъ служитъ хозяйственная работоспособность и будущность каждаго члена семьи, имѣющаго право на общее имущество. Когда отецъ послѣ раздѣла остается жить съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, на него иногда даже вовсе не указывается особой части — въ землѣ, въ посѣянномъ хлѣбѣ, въ строеніяхъ и въ хозяйственныхъ и домашнихъ принадлежностяхъ, дается же обыкновенно что-нибудь определенное въ зерновомъ хлѣбѣ и въ скотѣ: въ хлѣбѣ по большей части равная съ дѣтьми часть, а въ скотѣ меньшая, такъ какъ ему уже нѣтъ надобности въ лошади. Однако, въ одномъ случаѣ раздѣла дѣтей при отцѣ послѣднему выдѣлено было въ каждомъ полѣ по 10 загоновъ земли, хотя онъ и долженъ былъ жить со старшимъ сыномъ; относительно этой земли оговорено было въ приговорѣ, что послѣ смерти отца она поступаетъ въ раздѣлъ между всеми братьями по равнымъ частямъ. Въ остальномъ имуществѣ подобной оговорки не было ни разу, и нужно думать, что оно поступало тому сыну, съ которымъ отецъ жилъ. — Объ обязанности дѣтей давать родителямъ пропитаніе послѣ раздѣла раздѣльные акты обыкновенно не упоминаютъ. Только въ одномъ случаѣ сынъ былъ обязанъ выдавать на пропитаніе отца по 15 рублей ежегодно,—это, когда сынъ у него былъ единственный. Такимъ же образомъ мать, просившая сходъ о раздѣлѣ своихъ дѣтей, представила ему подписку сына объ ежегодной уплатѣ ей 3-хъ рублей, съ условіемъ не препятствовать выдачѣ паспорта. Такимъ образомъ дѣти, которыя послѣ раздѣла начинали жить

отдѣльно отъ родителей, очевидно, освобождались тѣмъ самымъ и отъ обязанности кормить ихъ.

При матери дѣти дѣлились въ 6-ти случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ, какъ уже упомянуто было, мать просила старосту произвести раздѣлъ дѣтей на сельскомъ сходѣ и такимъ образомъ сама не признавала за собой никакой власти въ распредѣленіи общаго имущества. Изъ другихъ подобныхъ раздѣльныхъ приговоровъ въ одномъ, между крестьянкою дер. Заболотья Марьей Прокофьевой и дѣтьми, дѣло представлено въ такомъ видѣ, какъ бы мать раздаетъ сыновьямъ и невѣсткѣ общее имущество по собственному усмотрѣнію; въ прочихъ же приговорахъ раздѣлъ производится собственно между братьями, что, надо думать, бывало обыкновенно и на самомъ дѣлѣ. Ни въ одномъ случаѣ мать не уходитъ отъ дѣтей совсѣмъ, а всегда остается жить вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ: по двумъ раздѣльнымъ актамъ—со старшимъ сыномъ, а по тремъ—съ младшими. Особой части на нее не выдѣлено было въ одномъ приговорѣ, по которому она живетъ съ двумя младшими сыновьями и который собственно только формально узаконялъ раздѣлъ, фактически существовавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ прочихъ случаяхъ мать получала всегда: избу безъ надворныхъ построекъ, корову или телушку, одинъ разъ—овцу, два раза—нѣкоторое количество зернового хлѣба, не въ равной долѣ съ дѣтьми, и одинъ разъ—одежду, какая на нее была шита. Остальное имущество дѣлилось только между дѣтьми, и мать не получала въ немъ никакой части, такъ что при этихъ раздѣлахъ преобладало хозяйственное основаніе, а не поколѣнное. Платежъ общихъ долговъ также не распространялся на мать, а о судьбѣ назначеннаго ей имущества послѣ ея смерти не говорится нигдѣ ничего. Обязанность дѣтей, съ которыми мать по раздѣльному приговору осталась жить, кормить ее упомянута только въ одномъ случаѣ,—когда на мать не было выдѣлено и указано особаго имущества.

Между братьями безъ родителей было два раздѣла, и въ обоихъ случаяхъ общее имѣніе раздѣлено было на нихъ поровну, такъ что принципы хозяйственный и поколѣнный здѣсь совпадали. Приэтомъ, когда дѣлились братья Павелъ Сергѣевъ и Иванъ и Максимъ Михайловы изъ дер. Строева, младшаго брата не было дома,—онъ служилъ въ солдатахъ,—и дѣлежъ произошелъ безъ него.—Въ раздѣлѣ же братьевъ при родителяхъ, по одному приговору старшій братъ получилъ больше младшихъ въ надѣльной землѣ,—вѣроятно потому, что съ нимъ осталась жить мать. Въ четырехъ остальныхъ раздѣльныхъ актахъ, въ которыхъ части братьевъ и родителей указаны съ точностію, части эти были совершенно равны, независимо отъ состава семейства у каждаго брата.

Семья умершаго брата участвовала въ двухъ раздѣлахъ. Въ одномъ свекровь даетъ невѣсткѣ на дѣтей ея часть земли, равную съ той, какая была

назначена среднему сыну, и зернового хлѣба втрое болѣе, чѣмъ ему; а какъ дѣлилось остальное имущество, не извѣстно, потому что семейства эти жили врозь еще за нѣсколько лѣтъ до составленія приговора. Въ другомъ случаѣ подобныхъ раздѣловъ о той долѣ имущества, которую далъ снохѣ свекоръ, отдѣляя отъ себя еще сына, также не сказано почти ничего и даже не видно, были ли у этой снохи дѣти.

Причины раздѣловъ указаны въ трехъ приговорахъ,—во всѣхъ семейныя несогласія, причемъ въ одномъ изъ этихъ случаевъ разладъ между отцомъ и сыномъ дошелъ до такой степени, что, по заявленію отца, онъ опасался за свою жизнь.

При распредѣленіи отдѣльныхъ частей общаго имущества жилища постройки дѣлились поколѣбно, считая за особое колѣно родителей. Только въ одномъ случаѣ отецъ съ матерью просто перешли на жительство къ старшему сыну, не получивши повидимому никакой части въ строеніяхъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда они должны были жить вмѣстѣ съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, имъ указывалась опредѣленная часть жилой постройки,—именно изба, тогда какъ сыну, съ которымъ они соединялись, отводилась другая половина дома, дворъ или даже полдвора. Приэтомъ только одинъ разъ мать и младшій сынъ получили новую избу съ дворомъ на словъ, чтобы построиться на другомъ мѣстѣ; въ прочихъ—мать оставалась въ старомъ домѣ и на старой дворинѣ. Отецъ ушелъ изъ стараго дома также въ одномъ случаѣ,—когда отдѣлялъ отъ себя единственнаго сына. Между ними сначала рѣшено было получить отцу съ сына 770 руб. за старшій домъ и черезъ два года выстроиться на новомъ мѣстѣ, а до того времени жить у сына; но сынъ векорѣ выгналъ отца, и тотъ построилъ себѣ отдѣльный домъ, такъ какъ имѣлъ собственный капиталъ. Между братьями далеко не всегда можно было раздѣлиться такъ, чтобы каждому доставался совершенно отдѣльный и вполне устроенный домъ: часто приходилось отламывать только часть дома или же оставаться нѣкоторое время всѣмъ подъ одной крышей. Такъ, одинъ разъ, напримѣръ, старшій изъ трехъ братьевъ получилъ старую избу и клѣтъ, средній—старый дворъ и бревна, а младшій—новую избу: послѣдніе двое должны были 2 года жить вмѣстѣ, а всѣ трое это же время жили подъ одной кровлей и разгородили только на общій счетъ сѣни. Въ другомъ случаѣ старую избу и полдвора беретъ старшій братъ, младшій же съ матерью должны были отломать полдвора и новую избу и перейти на другое мѣсто. Или: мать со старшимъ сыномъ остается на старомъ мѣстѣ въ передней избѣ, заднюю же отламываетъ средній сынъ, а младшій получаетъ отдѣльную новую избу и 300 бревенъ. Или: отецъ со старшимъ сыномъ переходятъ въ новый домъ, средній же и младшій сыновья дѣлятъ старшій домъ такъ, что новую избу съ крыльцомъ и сѣнями получаетъ

первый, а второй долженъ отломать старую избу съ дворомъ и подволокой и переселиться на новое мѣсто. Вообще полного обезпеченія всѣхъ дѣлившихся сторонъ жилыми постройками не было ни разу, а всегда кому-нибудь нужно было или жить до времени въ старомъ домѣ, или отламывать отъ него только нѣкоторую часть, или же строиться на новомъ мѣстѣ уже послѣ раздѣла, имѣя пока одни только срубы.

Хозяйственныя постройки распредѣлялись обыкновенно по хозяйствамъ, и потому родители, оставшіеся жить съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, не получали изъ нихъ ничего. Но и дѣти по большей части имѣли въ своемъ распоряженіи для раздѣла весьма небольшое количество этихъ построекъ, такъ что, распредѣляя ихъ по возможности такимъ образомъ, чтобы каждый получилъ хоть что-нибудь въ этомъ родѣ,—то амбаръ, то сарай, то мякинницу,—принуждены были чаще всего оставлять нѣкоторыя изъ строеній,—на время или навсегда,—въ общемъ пользованіи. Напримѣръ: три брата пользуются сообща овиномъ, амбаромъ, погребомъ и банею; два брата—амбаромъ, овиномъ и мякинницею; два брата—овиномъ, который согласились даже сообща перестроить; два брата—амбаромъ втеченіе года и овиномъ навсегда; отецъ, сынъ и сноха—овиномъ и сараемъ, и т. под.

Лошади всегда дѣлились по хозяйствамъ, такъ что родители, не составлявшіе послѣ раздѣла отдѣльнаго хозяйства, никогда ихъ и не получали. Но лошадь такое цѣнное имущество въ крестьянскомъ обиходѣ, что и на каждое хозяйство не всегда приходилось дать особую лошадь, хотя, впрочемъ, здѣсь число раздѣловъ, при которыхъ всѣмъ хозяйствамъ досталось по лошади, сравнительно значительное,—пять. Въ прочихъ раздѣлахъ или одна лошадь давалась на два хозяйства; или выражалось согласіе сторонъ сообща пользоваться въ цѣлое лѣто лошадью, доставшеюся одному хозяйству; или, наконецъ, лошадь замѣнялась при раздѣлѣ чѣмъ-нибудь другимъ: въ одномъ случаѣ—коровою, а въ другомъ—двумя хорошими сбруями. Остальная скотина, какъ необходимая не столько для веденія крестьянскаго хозяйства, сколько вообще для пропитанія семьи, дѣлилась поколѣнно, и потому одна корова, а если возможно, то и овца, назначались родителямъ, а прочее дѣлилось поровну между младшими поколѣніями,—такъ, что, когда не доставало на всѣхъ по коровѣ и по овцѣ, корова уравнивалась телушками или овцами. Ни которому хозяйству не досталось ни коровы ни овцы только одинъ разъ,—при раздѣлѣ трехъ братьевъ, крестьянъ дер. Строева Павла Сергѣева и Ивана и Максима Михайловыхъ, 12 ноября 1889 года.

На дѣльная земля дѣлилась похозяйственно, и потому только одинъ разъ отецъ взялъ на себя часть ея, по 10 загоновъ въ каждомъ полѣ, къ одному мѣсту,—въ виду того вѣроятно, что, хотя онъ и остался жить съ

сыномъ, но былъ еще въ силахъ,—59-ти лѣтъ. Притомъ же, послѣ его смерти земля эта должна была поступить опять въ раздѣлъ между его дѣтьми поровну, и такимъ образомъ хозяйственный принципъ дѣлежа возстановлялся сполна. Изъ остальныхъ указанныхъ въ приговорахъ распредѣленій надѣльной земли неравнобѣрность раздѣла ея между самыми хозяйствами случилась одинъ разъ,—когда старшій братъ, оставшись съ матерью, получилъ тягло огородной земли, а два другихъ брата по полтяглу. — Въ раздѣлахъ собственной земли, бывшихъ только по двумъ приговорамъ, однажды мать, оставшись жить съ двумя младшими сыновьями, взяла на свое хозяйство 27 десятинъ, а другому сыну и дѣтямъ умершаго сына дала только по 6¹/₂ десятинъ. Въ другомъ случаѣ собственная земля подѣлена была поровну между братьями, и мать, жившая съ однимъ изъ нихъ, не получила этой земли ничего.

Хлѣбъ въ зернѣ дѣлился обыкновенно поколѣнно, и на родителей выдѣлялась или равная съ дѣтьми часть, или же только нѣкоторое количество, за вычетомъ котораго все остальное поступало въ раздѣлъ дѣтей поровну. Въ двухъ однако раздѣлахъ на отца съ матерью и на мать не было назначено изъ зернового хлѣба ничего, а весь онъ пошелъ на сыновей.—Хлѣбъ въ землѣ дѣлился только одинъ разъ и вполне похозяйственно, такъ что отецъ, отдѣляя старшаго сына и самъ оставаясь съ младшимъ, далъ первому изъ посѣяннаго хлѣба половину.

Отступленія отъ похозяйственного распредѣленія сбруи, экипажей и земледѣльческихъ орудій встрѣчаются два раза:—когда въ одномъ случаѣ отецъ, отдѣляясь отъ сына и не составляя особаго хозяйства, взялъ себѣ хомуть, шлею, сани, молотило, косу и колоколець, и когда въ другомъ раздѣлѣ матери досталась вмѣсто полшубка дуга и хомуть.

Изъ одежды поступало обыкновенно каждому члену семьи то, что было шито на него или что онъ завелъ себѣ самъ, а посуда и домашнія принадлежности дѣлились по хозяйствамъ. Въ одномъ впрочемъ раздѣлѣ самоваръ поступилъ въ общее пользованіе раздѣлившихся братьевъ.

Платежъ общихъ долговъ распредѣлялся въ двухъ приговорахъ: по одному долгъ должны были заплатить только братья, безъ участія матери, поровну, а по другому—одинъ изъ братьевъ взялся заплатить долгъ младшаго брата, бывшаго на военной службѣ.

Въ раздѣльную книгу Каликинской волости вписано три приговора: одинъ—въ 1894 г. и два—въ 1898 г. Волость эта большая, въ 3032 надѣльныхъ души, и состоитъ изъ 13-ти сельскихъ обществъ. Очевидно, что указанные раздѣлы должны быть только весьма незначительной частью всѣхъ вообще раздѣловъ. О приблизительномъ числѣ ихъ за 1894—1898 гг. и за

1886—1898 гг. можно до нѣкоторой степени судить изъ представляемой ниже таблицы, которая показываетъ, съ одной стороны, наличное число домохозяевъ по раскладочнымъ вѣдомостямъ 1894—1898 гг., заключающимъ въ себѣ всякій отдѣльный дворъ, независимо отъ того, по законному или незаконному раздѣлу онъ образовался, и, съ другой, формально-законное число домохозяевъ по выборнымъ приговорамъ 1898 г., въ которые не должны были вноситься съ 1886 г. домохозяева, не получившіе надлежащаго утвержденія своихъ раздѣловъ. Поэтому разница между числами раскладочныхъ вѣдомостей должна бы показать приблизительное количество всѣхъ семейныхъ раздѣловъ въ каждомъ обществѣ особо и во всей волости вмѣстѣ по отдѣльнымъ годамъ и за весь періодъ времени 1894—1898 гг., а разница между цифрою раскладочныхъ вѣдомостей за 1898 г. и цифрою домохозяевъ по выборнымъ приговорамъ этого года должна обозначить приблизительное число всѣхъ семейныхъ раздѣловъ въ каждомъ обществѣ и въ волости за періодъ времени съ 1886 по 1898 гг. Цифры эти, конечно, не могутъ показать дѣйствительнаго числа раздѣловъ, потому что увеличеніе и уменьшеніе количества крестьянскихъ хозяйствъ происходятъ и отъ другихъ, кромѣ раздѣловъ, причинъ, — приписки къ обществамъ отдѣльныхъ семействъ со стороны и выписки на сторону, а также вымиранія семей, — но причины эти производятъ настолько незначительное измѣненіе въ числѣ хозяйствъ, что дозволяютъ считать цифры разницы другъ съ другомъ наличныхъ хозяевъ и цифры разницы этихъ же чиселъ съ числами законныхъ домохозяевъ за весьма близкія къ дѣйствительнымъ цифрамъ семейныхъ раздѣловъ. Но нужно замѣтить, что приводимая ниже таблица не можетъ быть вполне точною и совершенно полною еще и потому, что раскладочныя вѣдомости сохранились въ волостномъ правленіи не всѣ, а въ выборныхъ приговорахъ не всегда обозначено общее число домохозяевъ: для этой цифры оставлено иногда тамъ одно только мѣсто, такъ что въ подобныхъ случаяхъ для общихъ итоговъ она заимствована нами изъ выборныхъ приговоровъ какого-либо предшествующаго года, начиная съ 1894-го, тѣмъ болѣе, что измѣнялась она вообще очень рѣдко и весьма незначительно.

Вотъ эта таблица:

ОБЩЕСТВА.	Раскладочныя вѣдомости.					Выборные приговоры 1894—1898 года.	Число сем. раздѣловъ.	
	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.		1894—1898 гг.	1886—1898 или 1861—1898 года.
Аксеновское	373	383	380	377	378	270	5	108
Горловское	нѣтъ.	91	нѣтъ.	88	97	82	не менѣе 6	15
Григоровское	64	64		68	70	42	6	28
Дорковское	38	38		36	36	23	—	15
Климовское	98	нѣтъ.		101	101	82	3	19
Липихинское	92	90		91	90	91	74	—
Макаръинское	нѣтъ	65	65	65	62	55	—	7
Мальгинское		94	нѣтъ.	93	91	62	—	29
Мелехинское	45	49	48	51	53	52	8	1
Наталинское	363	365	нѣтъ.	376	383	250	20	133
Никулиновское	89	90	90	90	91	90	2	1
Сывинское	46	47	46	46	48	26	2	22
Федяевское	54	54	53	54	53	52	—	1
Вся волость	—	—	—	—	—	—	около 52	396

Количество раздѣловъ за періодъ времени 1894—1898 гг. явилось здѣсь изъ сравненія чиселъ раскладочныхъ вѣдомостей 1898 г. съ числами тѣхъ же вѣдомостей за 1894 годъ. Въмѣсто послѣднихъ цифръ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ за 1894 г. раскладочныхъ вѣдомостей не оказалось, взяты вѣдомости 1895 г., а когда числа 1898 г. оказались равными или даже меньшими чиселъ 1894 г., предполагалось, хотя конечно и не съ полнымъ основаніемъ, что семейныхъ раздѣловъ тутъ за весь разсматриваемый періодъ времени совсѣмъ не было. Въ общей сложности во всей волости оказалось такимъ образомъ за это время около 52 раздѣловъ или, среднимъ числомъ, по 13 раздѣловъ въ годъ.

Количество раздѣловъ за 1886—1898 гг. получилось изъ сличенія раскладочныхъ вѣдомостей 1898 г. съ выборными приговорами за тотъ же годъ; но такъ какъ общая и годичныя цифры оказались приэтомъ настолько значительными, что въ среднемъ приходилось бы на всю волость не менѣе 33-хъ раздѣловъ въ годъ, а на періодъ времени за 1886—1894 гг. и еще

болѣ несообразное число ($396 - 52 = 344 : 8 = 43$), то нужно думать, что и здѣсь, какъ и въ Бушневской волости, количество домохозяевъ въ выборныхъ приговорахъ почти не измѣнялось, можетъ быть, съ самаго начала волостной жизни, съ 1861 года. При такомъ предположеніи средняя цифра ежегодныхъ раздѣловъ равнялась бы почти 11-ти, а это настолько близко подходитъ къ средней и очень вѣроятной цифрѣ за 1894—1898 гг., что указанное предположеніе должно считать довольно близкимъ къ дѣйствительности.

Обращаясь къ раздѣламъ, записаннымъ въ волостную книгу, видимъ, что два изъ нихъ происходили между братьями при жизни матери, и одинъ— только между братьями. Въ первыхъ двухъ случаяхъ у обоихъ братьевъ были уже до раздѣла особыя осѣдлости и особыя дома съ хозяйственными строеніями, такъ что раздѣлы здѣсь состояли собственно въ выдѣлѣ нѣкоторой части имущества матери. Въ одномъ случаѣ старшій братъ даже не присутствовалъ при раздѣлѣ, а, «находясь на промышленности», нотаріально передалъ свои права сыну. Мать осталась при этомъ въ старомъ домѣ со старшимъ сыномъ и получила на себя корову и 10 мѣръ хлѣба, а все остальное раздѣлено было между братьями поровну. Въ другомъ раздѣлѣ точно также мать рѣшилась жить со старшимъ сыномъ, и точно также ей дана была корова и 10 мѣръ хлѣба, а прочее пошло поровну на братьевъ, такъ что и собственная земля раздѣлена была только между ними же.—По третьему раздѣльному приговору двое братьевъ разошлись въ разные дома: старшій остался въ прежнемъ домѣ, а младшій ушелъ въ новый. Все хозяйство и надѣльную землю они раздѣлили между собою на двѣ равныя части, причемъ у обоихъ у нихъ оказалось по лошади, и вообще они были снабжены всѣмъ необходимымъ для хозяйства въ достаточномъ количествѣ.

Причины раздѣловъ указаны въ двухъ случаяхъ: въ одномъ—многолюдство, а въ другомъ—семейныя несогласія.

Въ Коровской волости на каждое сельское общество существуетъ особая раздѣльная книга, но записано въ этихъ книгахъ съ 1886 г. только три приговора: два по Ермаковскому обществу и одинъ по Маланьинскому. Раздѣлы эти были: въ 1887 г., 1889 г. и 1898 г. Книги прочихъ четырехъ обществъ совершенно пустыя.

Такъ какъ въ волостномъ правленіи имѣются раскладочныя приговоры, составленные особо для каждой деревни въ 1894 и 1895 гг., по закону 8 июня 1893 г., на 12 лѣтъ, и, такъ какъ, съ другой стороны, тамъ же есть списки домохозяевъ каждаго общества, также по отдѣльнымъ деревнямъ, составленные къ 1 января 1896 г., то здѣсь возможно было составить изъ сличенія цифръ тѣхъ и другихъ списковъ приблизительное представленіе о числѣ семейныхъ раздѣловъ съ 1886 по 1894—1895 гг. Раскладочныя

приговоры несомненно представляют наличное число отдѣльных крестьянскихъ хозяйствъ ко времени ихъ составленія, т. е. по однимъ деревнямъ къ 1894-му, а по другимъ къ 1895 году. Но общая сумма этихъ чиселъ не можетъ выражать количества всѣхъ хозяйствъ волости, такъ какъ по нѣкоторымъ деревнямъ раскладочные приговоры находились у земскаго начальника, и потому относительно обществъ, къ которымъ эти деревни принадлежать, приходится ограничиться цифрою домохозяевъ меньшей, чѣмъ въ дѣйствительности. Списки же домохозяевъ хотя и составлены были къ 1896 году, т. е. позже, чѣмъ писались раскладочные приговоры, однако число хозяйствъ въ нихъ поставлено менѣе, чѣмъ по раскладкамъ, и слѣдовательно въ нихъ вносились не всѣ отдѣльные дворы, а вѣроятно только такіе, которые образовались по законнымъ семейнымъ раздѣламъ. Приэтомъ, числа списковъ разнятся отъ цифръ раскладочныхъ приговоровъ не особенно значительно, и можно поэтому думать, что они остались неизмѣнными не съ 1861-го, а съ 1886 года. Вслѣдствіе этого, разниа между тѣми и другими должны дать приблизительное минимальное число семейныхъ раздѣловъ за 1886—1894—1895 гг., потому что увеличеніе и уменьшеніе хозяйствъ отъ другихъ, помимо раздѣловъ, причинъ всегда бываетъ очень незначительнымъ. Сопоставленіе цифръ раскладочныхъ приговоровъ и списковъ домохозяевъ по каждому обществу представляетъ слѣдующая таблица:

	О Б Щ Е С Т В А.						В С Я ВОЛОСТЬ.
	Брѣ- новское.	Бсаков- ское.	Малан- инское.	Рязанов- ское.	Селива- новское.	Трясов- ское.	
Списки домохозяевъ въ 1896 г.	242	41	90	42	62	42	519
Раскладочн. приговоры въ 1894 или 1895 году.	болѣе 264	43	болѣе 94	болѣе 44	болѣе 68	45	болѣе 558
Приблизительное число семейн. раздѣловъ въ 1886—1894— 1895 г.	22	2	4	2	6	3	болѣе 39

Въ среднемъ, такимъ образомъ, на всю волость приходится въ годъ не менѣе четырехъ или пяти семейныхъ раздѣловъ, и число это при сравнительной незначительности волости является довольно вѣроятнымъ.

Изъ записанныхъ въ раздѣльныя книги приговоровъ два касаются раздѣловъ между братьями при жизни одного и обоихъ родителей и одинъ—только между братьями.

8 февраля 1887 г. раздѣлился крестьянинъ дер. Баршадина Иванъ Власовъ съ двумя сыновьями вслѣдствіе семейныхъ несогласій и многолюдства.

Здѣсь любопытно то, что раздѣлились между собою не одни дѣти, но и родители, такъ какъ отецъ остался жить со старшимъ сыномъ, а мать съ младшимъ. Въ раздѣльный приговоръ внесены доли каждой стороны только въ строевнѣхъ, скотѣ, хлѣбѣ и земледѣльческихъ орудіяхъ, — остальное же имущество было раздѣлено по домашнему полюбовному акту, предъявленному сходу, но не записанному въ его приговоръ. Изъ того имущества, которое дѣлилось на сходѣ, родители получили по нѣкоторой, хотя и не равной съ дѣтьми, части въ строевнѣхъ и скотѣ, а все прочее раздѣлено было чисто похозяйственно, поровну между братьями, такъ что отцу досталась изба, горница, сарай и корова, а матери — горница и корова, между тѣмъ какъ братья взяли себѣ по двору, по сараю, амбару, по лошади, коровѣ, овцѣ съ ягнятами и т. д. Относительно имущества отца сказано, что послѣ его смерти оно переходитъ къ старшему сыну и дѣтямъ его.

При раздѣлѣ крестьянина дер. Гузина Ивана Миронова съ двумя сыновьями въ приговоръ внесены доли каждого участника дѣлежа не только въ строевнѣхъ, скотѣ, хлѣбѣ, землѣ и земледѣльческихъ орудіяхъ, но и въ одеждѣ, иконахъ, самоварахъ, посудѣ и часахъ, а относительно остальной движимости сказано, что она должна быть раздѣлена между братьями поровну и мирно. Отецъ (65 лѣтъ) остался жить съ младшимъ сыномъ на старомъ мѣстѣ, и доставшееся ему имѣніе должно послѣ его смерти перейти въ пользу этого сына, который обязанъ кормить и поить его до смерти. На долю его была два изба, корова, телушка, два поросенка, нѣкоторыя иконы, самоваръ, треть чайной посуды и треть зернового хлѣба и корма для скота, такъ что только это имущество и дѣлилось поколѣнно, а хозяйственныя постройки, лошади, хлѣбъ въ землѣ, самая земля и земледѣльческія принадлежности раздѣлены были на два хозяйства между братьями, поровну. Въ общемъ владѣніи остались баня и овинъ, а одежда оставлена каждому члену семьи та, какая на немъ была. Самый раздѣлъ произошелъ влѣдствіе семейныхъ несогласій и многолюдства.

По третьему приговору отдѣлялся 20 марта 1898 года изъ 6-ти братьевъ старшій. Но такъ какъ у него былъ уже до этого времени собственный домъ и полное хозяйство, а усадебная и полевая земля значилась на немъ отдѣльно еще по раскладочному приговору 1894 года, то, очевидно, этотъ раздѣлъ существовалъ фактически ранѣе, и раздѣльный приговоръ только давалъ ему законную форму.

Въ Мирохановскомъ волостномъ правленіи сохранилось только четыре раздѣльныхъ приговора, составленныхъ на сельскихъ сходахъ, подписанныхъ участниками схода и сельскими старостами, но почему-то не засвидѣствованныхъ волостнымъ правленіемъ и не записанныхъ въ книгу, такъ что и

раздѣлы эти являются въ сущности не вполне законными. Одинъ изъ нихъ относится къ 1892 г., два—къ 1897-му и одинъ къ 1898 году.

Не подлежащее вѣдѣнію сельскаго схода имущество упомянуто здѣсь только въ одномъ приговорѣ,—когда между деверемъ и невѣсткой дѣлилось не только то, что составляетъ необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства, но и иконы, самовары, столы, шкафы, лари и отцовскіе частные долги. О согласіи родителей на раздѣлъ упомянуто во всѣхъ трехъ приговорахъ, производившихся при ихъ жизни; въ одномъ изъ нихъ это согласіе шло даже, какъ отъ главы семейства, отъ матери, потому что отца уже не было въ живыхъ.

Особая часть имущества была выдѣлена отцу только въ одномъ случаѣ, а въ двухъ остальныхъ родители просто оставались жить съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, и отдѣльной доли общаго имѣнія на нихъ не указывалось; братья же, равно какъ и деверь со всей семьей невѣстки, вездѣ пользовались одинаковыми правами на распредѣлявшееся между ними похозяйственно и поровну имущество. Что касается отца, хотя и оставшагося жить вмѣстѣ съ сыномъ, но взявшаго себѣ особую долю, то послѣдняя заключалась въ строеніяхъ, скотѣ и зерновомъ и посѣянномъ хлѣбѣ. Слѣдовательно, только это имущество и дѣлилось поколѣнно, а все остальное, такъ же какъ и имущество въ прочихъ раздѣлахъ, дѣлилось по отдѣльнымъ хозяйствамъ, независимо отъ состава семействъ.

Въ жилыхъ постройкахъ не всегда возможно было каждому хозяйству имѣть готовое и вполне отдѣльное отъ другихъ помѣщеніе, такъ что въ одномъ случаѣ два младшіе брата получили со старшаго вмѣсто своей части общаго дома деньги, а въ другомъ—хотя младшій братъ и сталъ жить въ своемъ домѣ, но послѣдній былъ пристроенъ къ старому,—сади. Родители во всѣхъ трехъ случаяхъ остались жить съ тѣми дѣтьми, которыя получили старыя дома: въ двухъ раздѣлахъ со старшими и въ одномъ—съ младшимъ сыномъ.

Изъ хозяйственныхъ строеній въ общемъ владѣніи по всѣмъ четыремъ раздѣламъ остались овины; кромѣ этого, по одному раздѣлу раздѣлившіяся семейства должны были пользоваться сообща мякинницей, погребомъ и баней, а по другому—амбаромъ, сараемъ и баней.

По особой лошади и даже по коровѣ не получили братья въ одномъ раздѣлѣ: отецъ взялъ себѣ здѣсь со старшимъ сыномъ лошадь и двухъ коровъ, а старшему и младшему сыновьямъ достались,—одному теленокъ, другому—телушка.

Причины раздѣловъ указаны въ двухъ случаяхъ: въ обоихъ много-семейность.

Въ Муравьищенской волости не записано въ книгу ни одного семейнаго раздѣла. Но тамъ сохранилось въ волостномъ правленіи 11 раздѣльныхъ актовъ, составленныхъ на сельскихъ сходахъ и представленныхъ сельскими

старостами въ правленіе для засвидѣтельствованія. Изъ нихъ 6 актовъ относятся ко времени до 18 марта 1886 г., начиная съ 1873 г., а 5 къ послѣдующему времени, именно: 3 къ 1887-му и 1 къ 1897 году. Кромѣ того, волостнымъ старшиною было указано мнѣ еще 5 раздѣловъ, бывшихъ въ волости за 1886—1898 гг., такъ что всѣхъ раздѣловъ за эти 12 лѣтъ было здѣсь только 10, что объясняется, можетъ быть, незначительностью самой волости, состоящей лишь изъ 5 сельскихъ обществъ, а, можетъ быть, и тѣмъ, что волость эта сравнительно глухая, и отхожіи промыслы развиты здѣсь нѣсколько менѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ.

По своей формѣ раздѣльные приговоры до и послѣ 1886 года ничѣмъ существеннымъ не отличаются, такъ что, очевидно, законъ 18 марта несколько не повліялъ ни вообще на условія, какими раздѣлы сопровождались здѣсь ранѣе, ни, въ частности, на участіе, какое принималъ въ нихъ сельскій сходъ и общество. Волостнымъ правленіемъ засвидѣтельствованы три приговора: два до 18 марта 1886 г. (одинъ въ 1875-мъ, другой въ 1877 г.) и одинъ 5 декабря 1897 года, почему-то не занесенный въ раздѣльную книгу. Изъ остальныхъ раздѣльныхъ актовъ на нѣкоторыхъ подписались бывшіе на сходахъ крестьяне и сельскій староста, который иногда прикладывалъ, а иногда не прикладывалъ своей печати; на другихъ—только крестьяне, безъ старосты; а въ одномъ случаѣ раздѣлъ происходилъ, очевидно, домашнимъ порядкомъ, такъ какъ къ приговору подписались лишь дѣлившіяся стороны. Значитъ, вообще участіе схода въ семейныхъ раздѣлахъ здѣсь не всегда признавалось обязательнымъ, и раздѣлы могли совершаться помимо общества. Самъ сходъ признавалъ это возможнымъ по крайней мѣрѣ въ распредѣленіи дѣлимаго имущества и, напримѣръ, при раздѣлѣ крестьянъ дер. Ноговицына Ильиныхъ, въ мартѣ 1875 г., ограничился однимъ дозволеніемъ раздѣла вообще, поручивши произвести его старостѣ съ окольными людьми. Точно также въ декабрѣ 1885 г. сходъ особымъ приговоромъ дозволилъ произвести раздѣлъ между крестьяниномъ дер. Бочкова Павломъ Сергѣевымъ и его неродной матерью съ малолѣтними дѣтьми въ присутствіи опекуна, сельского старосты и окольныхъ людей.

Что касается того, какого рода имущество записывалось въ приговоры и, слѣдовательно, подвергалось вѣдѣнію сельского общества, то по большей части оно ограничивалось только необходимыми для веденія крестьянскаго хозяйства предметами, а иногда и другими, болѣе или менѣе цѣнными вещами. Такъ, въ трехъ раздѣльныхъ приговорахъ упомянуто распредѣленіе одежды и обуви, въ двухъ—одежды, въ одномъ—долговыхъ обязательствъ, а въ нѣкоторыхъ—такихъ предметовъ, какъ: самоваръ, чайная посуда, коверъ, лари, шкафы и карманные часы.

Отецъ и сынъ дѣлились между собою только по одному приговору, и

отецъ надѣлялъ имуществомъ сына, какъ хотѣлъ, такъ что и въ раздѣльномъ актѣ было сказано, что онъ «награждаетъ» сына такимъ-то и такимъ-то имѣніемъ. Что оставилъ тутъ отецъ себѣ, изъ приговора не видно, но сына онъ надѣлилъ повидимому достаточно и даже отдалъ ему не только лошадь, корову, 2-хъ овецъ, избу сбоку и земледѣльческія орудія, но и весь посѣянный хлѣбъ, выдѣливъ себѣ изъ зернового хлѣба двѣ трети,—очевидно, на себя и жену. Такимъ образомъ онъ, хотя и «наградилъ» сына, однако считалъ себя вправѣ взять на свою долю только то, что необходимо было ему для пропитанія, а не для веденія самостоятельнаго хозяйства.

Сыновья при матери раздѣлялись въ трехъ случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ мать даетъ отдѣляющемуся отъ нея и отъ младшаго брата и сестры сыну также что хочетъ, оставляя однако въ своемъ домѣ изъ зернового и посѣяннаго хлѣба только половину и тѣмъ самымъ не признавая за собой и дочью равныхъ съ сыномъ на этотъ хлѣбъ правъ. Въ другомъ случаѣ мать, отъ которой отдѣлился неродной сынъ съ двумя своими сестрами, получила часть общаго имѣнія только на своихъ малолѣтнихъ дѣтей; а въ третьемъ было оговорено, что, если мать вздумаетъ отойти отъ сына, съ которымъ согласилась жить, то послѣдній обязанъ выдать ей избу и корову. Значить, и въ отношеніи къ матери, какъ и къ отцу, вообще право признавалось не на все имущество, а только на то, которое необходимо для жизни ея, но не для отдѣльнаго хозяйствованія.

Права тестя относительно раздѣла имѣнія между нимъ и принятымъ въ домъ зятемъ болѣе широкія и опредѣляются вполне его волею. Такъ, когда зять, проживши съ тестемъ мирно 9 лѣтъ, началъ на десятомъ притѣнять его, тотъ попросилъ сельскій сходъ вывести зятя изъ дому, и сходъ удалилъ его къ родной матери, а изъ имѣнія постановилъ выдать ему только за работу его минувшимъ лѣтомъ 5 мѣръ озимаго хлѣба, 3 мѣры ячменя и 10 мѣръ овса. Въ другомъ случаѣ тесть, принимая зятя въ домъ, заблаговременно составляетъ съ нимъ раздѣльный актъ, по которому въ случаѣ раздѣла подписываетъ ему половину всего имущества и оговариваетъ, что, если онъ, тесть, «по милости Божіей» помретъ, то его доля имѣнія должна пойти зятю, за выдѣломъ только коровы старшей дочери. Съ своей стороны, зять обязуется за это кормить тестя до смерти.

Свекоръ, раздѣляя между собой и снохою съ двумя ея малолѣтними сыновьями скотину, а также зерновой и посѣянный хлѣбъ, счелъ себя вправѣ взять изъ скота половину, а изъ хлѣба только третью часть. Въ другомъ раздѣлѣ свекровь беретъ себѣ изъ имущества умершаго сына, вдова котораго, оставшись съ малолѣтнею дочерью, хочетъ снова выйти замужъ, всю постройку, а невѣстку «награждаетъ» скотиной и всѣмъ зерновымъ хлѣбомъ.

Братъ, отъ котораго уходитъ «въ келью» сестра, также «награждаетъ»

ее по собственному усмотрѣнію. Онъ берется поставить ей изъ бани келью, даетъ право безпрепятственно рубить въ его полосѣ лѣсъ для отопленія и снабжаетъ ее двумя шубами и сапогами, а также 10-ю мѣрами ржи, предупреждая однако, что послѣ этого она должна кормиться сама.

Братья безъ родителей дѣлились одинъ разъ и оба получили по равной части во всемъ имуществѣ. Точно также и при матери они получали себѣ совершенно равныя части, независимо отъ состава семейства у каждаго. Только убогій братъ при раздѣлѣ кр-нки дер. Быкова Феклы Сергѣевой съ неродными дѣтьми получилъ гораздо большую часть, чѣмъ его братья и сестры: все имущество здѣсь было точно оцѣнено, и половина его отдана была убогому, а другую половину раздѣлили на 5 частей,—поровну на трехъ сестеръ и двухъ братьевъ.

Доля зятя, какъ уже было ранѣе видно, опредѣляется или волею тестя или особымъ съ нимъ договоромъ. Когда тесть подписывалъ зятю половину имущества, онъ оговаривалъ также и то, кому эта половина пойдетъ послѣ смерти зятя: если тотъ «по милости Божіей» помретъ, все должна наследовать его «хозяйка».

Право сестеръ на общее съ братьями имѣніе тоже было видно выше: въ одномъ раздѣлѣ сестра получила только то, чѣмъ «наградилъ» ее братъ, а въ другомъ тремъ сестрамъ, правда малолѣтнимъ, были выдѣлены, по точной оцѣнкѣ, совершенно равныя съ братьями части.

Причины раздѣловъ указаны въ двухъ случаяхъ: въ одномъ семейныя ссоры, а въ другомъ—притѣсненіе зятемъ тестя.

Общая оцѣнка всего дѣлимаго имущества, безъ указанія цѣнности отдѣльныхъ предметовъ, производилась два раза, и въ обоихъ отдѣлившіеся братья получили свои доли деньгами съ тѣхъ, которые остались жить въ родительскомъ домѣ. Въ третьемъ раздѣльномъ приговорѣ, уже упомянутомъ выше, оцѣнена была подробно каждая вещь, и сообразно этому разсчитана точно доля каждаго участника дѣлежа.

При распредѣленіи построекъ не всегда случалось, чтобы отдѣльныя хозяйства были обеспечены жилыми помѣщеніями. Такъ, въ двухъ раздѣлахъ уходившія изъ дому стороны не получили въ этомъ отношеніи совсѣмъ ничего, а въ двухъ братья взяли свои части деньгами, такъ что одному брату негдѣ было жить, и въ раздѣлѣ выговорено было право прожить ему 2 года въ избѣ старшаго брата, хотя въ этомъ же самомъ случаѣ мать, оставшаяся жить со старшимъ сыномъ, взяла себѣ избу, такъ что поколѣнный принципъ раздѣла имѣлъ здѣсь большее значеніе, чѣмъ похозяйственный. По двумъ другимъ раздѣльнымъ актамъ раздѣлъ вовсе даже не касался построекъ,—ни жилыхъ, ни холостыхъ,—и раздѣлившіяся стороны должны были жить въ одной избѣ

и послѣ раздѣла, какъ и до него. Затѣмъ, въ одномъ случаѣ отдѣлившейся отъ отца сынъ хотя и получилъ себѣ избу, но она была пристроена сбоку къ избѣ отца и не имѣла даже особыхъ сѣней; въ раздѣлѣ было сказано, что сынъ можетъ не отламывать этой избы до своей «исправы», т. е. до тѣхъ поръ, пока не соберется съ силами, чтобы поставить особый домъ. Когда же отдѣлялись члены семьи, не имѣвшіе возможности образовать отдѣльное хозяйство, — напримѣръ, вдова, выходящая вновь замужъ, — имъ въ постройкахъ совсѣмъ не давали части.

Относительно хозяйственныхъ строеній еще менѣе можно было ожидать, чтобы дѣлившіяся семьи были снабжены ими каждая отдѣльно въ достаточномъ количествѣ. Поэтому, здѣсь по большей части оставались и послѣ раздѣла въ общемъ владѣніи такія постройки, какъ овинъ, баня и другія. Овинъ, напри- мѣръ, остался въ общемъ владѣніи въ четырехъ случаяхъ, баня — въ двухъ, а амбаромъ рѣшено было однажды пользоваться сообща до «исправы» одной изъ дѣлившихся сторонъ.

Домашнею скотиною дѣлившіяся семьи тоже не могли быть снабжены всегда въ достаточномъ числѣ. Такъ, въ двухъ раздѣлахъ уходящія на новое хозяйство семьи оказались безъ всякаго скота; въ двухъ рѣшено было пользо- ваться сообща лошадыю и послѣ раздѣла, — на одно лѣто и навсегда; въ одномъ — отдѣлившаяся семья уходила безъ лошади, такъ какъ та осталась въ старомъ домѣ; а въ одномъ, напротивъ, уходящей въ новое замужество невѣсткѣ дана была и лошадь, и корова, и три овцы.

Зерновой хлѣбъ дѣлился иногда поколѣнно, — поровну, иногда — похозяй- ственно, а иногда по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ. Такъ, свекоръ, напри- мѣръ, беретъ себѣ треть, а двѣ трети отдѣляетъ снохѣ съ двумя ея малолѣтними сыновьями; въ другомъ случаѣ отецъ на себя и жену взялъ двѣ трети, а от- дѣлившемуся сыну далъ треть; въ третьемъ — старшему сыну, ушедшему отъ матери, брата и сестры, дана была половина, а другая осталась всѣмъ про- чимъ членамъ семьи; въ четвертомъ, наконецъ, единокровные, но неедино- утробные братья и сестры взяли каждый поровну, а матери не было предоставлено ничего.

Посѣянный хлѣбъ обыкновенно дѣлился похозяйственно, такъ что роди- тели, не составлявшіе послѣ раздѣла особаго хозяйства, не получали и хлѣба въ землѣ. Даже въ томъ случаѣ, когда все прочее имущество, за выдѣломъ половины на убогаго брата, дѣлилось между единокровными братьями и се- страми поровну, хлѣбъ въ землѣ раздѣленъ былъ на двѣ половины, и одну изъ нихъ дали малолѣтнимъ брату и сестрѣ, отдѣлившимся съ матерью, а другую взялъ старшій братъ, принявшій къ себѣ убогаго брата и двухъ сестеръ. Впрочемъ, похозяйственный принципъ дѣлежа въ двухъ случаяхъ и здѣсь былъ.

выдержанъ не совсѣмъ; въ первомъ свекорѣ взялъ себѣ хлѣба въ землѣ треть, а другія двѣ отдалъ снохѣ съ двумя малолѣтними сыновьями; въ другомъ— уходившей въ новое замужество невѣсткѣ съ малолѣтней дочерью дали цѣлую половину посѣяннаго ея мужемъ хлѣба.

Обруч и земледѣльческія орудія дѣлились по хозяйствамъ; одежда давалась какая кому шита, а обувь распредѣлялась «по ногамъ».

Въ Судайской волости не записано въ книгу ни одного раздѣльнаго приговора. Точно также нѣтъ въ волостномъ правленіи ни одного и неутвержденнаго акта за все время послѣ 18 марта 1886 года. По словамъ волостного писаря, мѣстнаго старожила, въ настоящее время раздѣлы тамъ часты, но крестьяне будто бы не составляютъ при нихъ никакихъ приговоровъ, такъ какъ старостамъ объяснена незаконность подобнаго рода документовъ. Поэтому совсѣмъ нельзя судить, какъ происходятъ въ этой волости раздѣлы теперь: принимаютъ въ нихъ какое-либо участіе общество въ лицѣ сельскаго схода и старосты, или же все дѣло ограничивается предѣлами семьи и свидѣтелями иль сосѣдей.

За то за время, предшествующее 18 марта 1886 года, въ волостномъ правленіи сохранились на отдѣльныхъ листахъ приговоры о семейныхъ раздѣлахъ, начиная съ 1871 года. Такихъ приговоровъ 38; къ 1887 году относятся 3, къ 1872—8, къ 1873—4, 1874—6, къ 1875—5, къ 1880—1, къ 1881—2, къ 1882—4, къ 1883—1, къ 1884—2, къ 1885—1 и къ неизвѣстному году—1.

Три изъ этихъ приговоровъ представляютъ собою простое дозволеніе сельскаго схода раздѣлиться тѣмъ или другимъ лицамъ, безъ всякихъ подробностей и условій раздѣла, такъ что вѣроятно самый дѣлежъ общаго имущества происходилъ здѣсь домашнимъ порядкомъ. Затѣмъ, въ трехъ приговорахъ совершенно не обозначено, при комъ производился раздѣлъ, и нѣтъ никакихъ подписей у приговора: ни старосты, ни свидѣтелей, ни даже самихъ дѣлившихся лицъ, хотя изъ приговоровъ и видно, что раздѣлы эти происходили не семейнымъ порядкомъ, а на сельскомъ сходѣ, или же при крестьянахъ деревни, къ которой принадлежали дѣлившіеся. Одинъ раздѣльный актъ 1871 г. былъ признанъ волостнымъ правленіемъ незаконнымъ, такъ какъ раздѣлъ происходилъ безъ участія старосты. У трехъ другихъ актовъ также нѣтъ ни подписи, ни печати сельскаго старосты, а существуютъ только подписи свидѣтелей, почему и можно думать, что эти раздѣлы происходили не на сельскихъ сходахъ, а болѣе частнымъ порядкомъ. Далѣе, къ 14-ти приговорамъ подписался или приложилъ свою печать староста, и подписалось еще по нѣскольку свидѣтелей, такъ что, можно думать, эти раздѣлы производились только съ общаго разрѣшенія схода, старостами и свидѣтелями, безъ участія схода въ самыхъ под-

робностяхъ распредѣленія дѣлимаго имущества. Даже вѣроятно, что иногда не требовалось отъ схода и разрѣшенія на раздѣлъ вообще, а послѣдній сначала производился со старостой и свидѣтелями и потомъ уже представлялся на утвержденіе схода или волостного правленія. Такой именно порядокъ раздѣла виденъ въ трехъ приговорахъ сельскаго схода, утверждавшихъ заранѣе составленные, при участіи старосты и свидѣтелей, раздѣльные акты; а также въ приговорѣ 30 іюня 1872 г. о раздѣлѣ между братьями Григорьевыми, кр-нами дер. Маркова. Этотъ послѣдній приговоръ есть собственно представленный старостой въ волостное правленіе при особомъ рапортѣ протоколъ произведеннаго имъ при свидѣтеляхъ раздѣла. Въ немъ содержится отчасти и самый процессъ дѣла: кр-нъ Матвѣй Григорьевъ пожаловался старостѣ, что его братъ увезъ къ себѣ неподѣленный между ними отцовскій гуменный сарай; староста отправился въ деревню и пригласилъ на раздѣлъ свидѣтелей и братьевъ; Александръ Григорьевъ не явился, и раздѣлъ произведенъ былъ безъ него, а о всемъ изложенномъ и составленъ настоящій «актъ». Были однако же раздѣлы, сполна производившіеся на сельскихъ сходахъ, такъ какъ, напримѣръ, раздѣлъ между братьями Григорьевыми, кр-нами дер. Аленушкина, 5 февр. 1875 г., заключенъ въ формальномъ приговорѣ сельскаго схода. Иногда еще раздѣлъ совершался не при старостѣ, а по предложеніямъ и при участіи волостного старшины. Правда, это было одинъ только разъ, и то, можетъ быть, потому, что дѣлились кр-не собственники, дер. Сельца Старога братья Никифоровы, самое имущество которыхъ находилось не только въ деревнѣ, но и въ Петербургѣ, гдѣ у нихъ была собственная мастерская. Раздѣлъ между ними совершенъ былъ при волостномъ старшинѣ и «третьихъ» людяхъ.

Наконецъ, было нѣсколько раздѣловъ, произведенныхъ по предписаніямъ волостного правленія, уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, непремѣннаго члена Присутствія и мирового посредника.

Одно изъ предписаній волостного правленія послѣдовало велѣдствіе рѣшенія волостного суда, и раздѣлъ (между братьями и матерью) произведенъ былъ сельскимъ старостой со всѣми домохозяевами деревни. Объ участіи послѣднихъ въ двухъ раздѣлахъ, также произведенныхъ по приказу волостного правленія, въ раздѣльныхъ приговорахъ не сказано ничего, а только замѣчено, что раздѣлы эти произошли безъ споровъ, «добровольно и по любви». Затѣмъ, въ 1874 г. волостнымъ правленіемъ предложено было сельскому старостѣ возобновить старый раздѣлъ между братьями Дмитріемъ и Макаромъ Корниловыми, крестьянами дер. Савина, раздѣлившимися еще въ 1863 году. По словамъ Макара, ему досталась тогда передняя половина двора, которую онъ, уходя на военную службу, добровольно уступилъ на время брату, а теперь требуетъ возвращенія ея, а также и другихъ вещей, оставленныхъ имъ въ то время

отцу, перешедшему жить къ Дмитрію, гдѣ послѣ его смерти онѣ и остались. Сельскій староста пригласилъ на сходъ тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые присутствовали при раздѣлѣ 1863 г., и ими тогдашній раздѣлъ былъ дѣйстви-тельно возстановленъ. Наконецъ, также по просьбѣ одной изъ заинтересован-ныхъ сторонъ, волостное правленіе распорядилось производствомъ раздѣла въ 1885 году. Крестьянинъ дер. Макарова Иванъ Русовъ прислалъ тогда изъ Москвы въ правленіе прошеніе, въ которомъ «всепокорнѣйше» просилъ сообщать ему: «почему законной женѣ моей Настасьѣ Ивановой Русовой не отдѣ-ляютъ принадлежащую мнѣ землю, такъ какъ я постоянно, что съ меня тре-буется подушные подати плачу всегда исправно каждый годъ и потому покор-нѣйше прошу правленіе сдѣлать распоряженіе безъ всякаго препятствія съ моей стороны о выдачѣ принадлежащей мнѣ земли женѣ моей вышеписанной». Волостное правленіе передало это прошеніе старостѣ для исполненія, а тотъ сдѣлавъ съездъ, возстановившій раздѣлить надѣльную землю между просителемъ и его отцомъ, возложилъ.

До уѣзднаго Присутствія раздѣлъ восходилъ только въ одномъ случаѣ. Въ 1881 г. крестьянинъ дер. Филипповскаго Лаврентій Кузьминъ отпустилъ отъ себя сына Александра, взявши съ него обязательство платить за него по-дати за 1 тягло и выдавать ему съ матерью по 35 руб. сжегодно на про-кормленіе. Раздѣлъ этотъ былъ произведенъ въ присутствіи сельскаго старосты и постороннихъ свидѣтелей, а затѣмъ утвержденъ въ тотъ же день особымъ приговоромъ сельскаго схода и такимъ образомъ имѣлъ повидимому признаки совершенной законности. Но въ январѣ 1882 г. Александръ Лаврентьевъ началъ жалобу въ уѣздное Присутствіе: онъ говорилъ, что отецъ его ведетъ развратную жизнь, пропивая посылаемыя имъ деньги, и выгналъ его съ семьей изъ дому, на устройство котораго Александръ Лаврентьевъ истратилъ будто бы до 700 рублей; правда, онъ согласился на раздѣлъ съ отцомъ, но раздѣлъ этотъ—семейный и не имѣетъ никакой законной силы. Присутствіе, потребовавъ отъ волостнаго правленія объясненій, постановило передать дѣло сельскому сходу. Сходъ собрался въ мартѣ 1882 г., призналъ обвиненіе сы-новъ отца въ нетрезвости ложнымъ, объяснилъ, что Александръ Лаврентьевъ самъ ушелъ отъ отца къ тещѣ, и постановилъ снова утвердить раздѣлъ 1881 г., прибавивъ, что, если Александръ Лаврентьевъ не станетъ высылать отцу денегъ, то не давать ему раздѣла и вовсе. Въ іюль 1882 г. угроза эта была приведена въ исполненіе, и сходъ, по предписанію волостнаго правленія, постановилъ не давать Александру Лаврентьеву, за грубости его отцу, озимо-вого хлѣба съ даннаго ему въ 1881 г. тягла. Тогда 1 октября 1883 г. Александръ Лаврентьевъ снова жалуется уѣздному Присутствію и проситъ его передать дѣло волостному или третейскому суду, такъ какъ раздѣлъ 1881 г.

былъ будто бы вынужденъ у него невыдачей паспорта и такъ какъ принятое имъ тогда по отношенію къ отцу денежное обязательство непосильно для него. Присутствіе почему-то признало раздѣлъ 1881 г. миролюбивымъ соглашеніемъ, которое не подлежитъ обжалованію, и предписало волостному правленію согласить тяжущихся миромъ. Въ январѣ 1884 г. правленіе донесло Присутствію, что оно исполнило это предписаніе: между Александромъ Лаврентьевымъ и его отцомъ состоялось соглашеніе, по которому отецъ удовлетворился ежегодной выдачей ему 20 руб. и оплатой за него душевого надѣла.

По предписанію мирового посредника раздѣлы произведены были два раза. Въ 1871 г. крестьянинъ дер. Гришнева Иванъ Кондаковъ жаловался въ волостное правленіе, что, когда въ 1863 г. онъ взятъ былъ въ солдаты, жена его ушла къ своимъ родителямъ, и у брата его Никиты осталось ихъ общее имущество. Теперь, когда онъ вернулся со службы, невѣстка не пускаетъ его въ домъ, а братъ живетъ въ Петербургѣ. Старшина распорядился переписать имѣніе и сдать его подъ росписку жившей у Никиты матери Кондаковыхъ. Въ февралѣ 1872 г. дѣло разбиралось на волостномъ судѣ, который выдѣлилъ матери седьмую часть имущества, а остальное подѣлилъ между братьями поровну. Тогда Никита пожаловался мировому посреднику, указывая, что братъ, уходя въ солдаты, взялъ на свою часть 100 бревенъ и что теперь, если ужъ дѣлить между ними имущество, то дѣлить только то, которое было 10 лѣтъ назадъ, а не то, которое сейчасъ,—приумноженное трудами его одного. Посредникъ предписалъ волостному правленію дать разъясненіе по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла и склонить стороны къ мирному соглашенію. 18 марта 1872 г. это соглашеніе было достигнуто, и между братьями произошелъ раздѣлъ. Другой случай былъ въ 1874 г., когда крестьянинъ дер. Зорина Василій Гавриловъ жаловался посреднику, что въ 1855 г., когда онъ былъ на богомольѣ въ Кіевѣ, братья его раздѣлились, утаили отъ него раздѣльный актъ и выдали ему только телушку, 8 мѣръ ржи, 4 мѣры овса и избу. Посредникъ приказалъ произвести дознаніе, по которому оказалось, что Василію выдѣлена была еще, кромѣ упомянутаго имъ имущества, треть овина и амбара и что онъ, возвратившись въ томъ же году домой, согласился на раздѣлъ и написалъ раздѣльный актъ; но такъ какъ онъ ничего не заплатилъ за написаніе акта писарю, то послѣдній и оставилъ актъ у себя. Теперь староста вмѣстѣ съ братьями Василю произвелъ оцѣнку амбара и овина; братья выдали затѣмъ причитающуюся Василю треть деньгами, а обо всемъ этомъ написали раздѣльный актъ, который и подписали вмѣстѣ со старостой.

Непремѣннымъ членомъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія приказано было произвести раздѣлъ въ 1882 г., между крестьянкой села Шартанова Марьей Померанцевой и сыномъ ея Лавромъ, въ имуществѣ, отказан-

номъ Марьѣ мужемъ ея по духовному завѣщанію. Раздѣлъ, названный миролюбивымъ, произошелъ въ присутствіи старшины, который подписался къ акту вмѣстѣ со сторонними свидѣтелями, и самый актъ былъ потомъ засвидѣтельствованъ въ волостномъ правленіи.

Имущество, заносившееся въ раздѣльные акты и, слѣдовательно, подлежавшее вѣдѣнію тѣхъ, кто присутствовалъ при раздѣлѣ, было не всегда одинаково. Въ трехъ случаяхъ его не было записано въ приговоръ совѣсмъ, такъ какъ послѣдній представлялъ собою только общее дозволеніе на раздѣлъ, оставляя подробности его самимъ дѣлвшимся сторонамъ. Затѣмъ, одинъ приговоръ упоминаетъ только о строеніяхъ и о выдачѣ дѣтми ежегоднаго пропитанія отцу; одинъ—только о землѣ и о хлѣбѣ; два—о строеніяхъ, скотѣ и о хлѣбѣ; и одинъ—о строеніяхъ, скотѣ, срубѣ и хлѣбѣ. За то въ 28-ми другихъ раздѣльныхъ актахъ, кромѣ имущества, составляющаго необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства, упоминается многое иное, что этой необходимости не имѣетъ, но считается почему-либо особенно цѣннымъ въ крестьянскомъ быту вообще или въ данныхъ случаяхъ въ частности. Такъ, навозъ упомянутъ въ 5-ти приговорахъ; платежи по долговымъ обязательствамъ—въ 11-ти, причемъ недоимки въ податяхъ и хлѣбные долги по запаснымъ магазинамъ были только въ 5-ти случаяхъ, а прочее представляли частныя обязательства; одежда—въ 11-ти; обувь—въ 1-мъ, а разныя другія домашнія и хозяйственныя принадлежности—въ 17-ти приговорахъ, причемъ онѣ иногда обозначались однимъ общимъ именемъ «рухляди», «утвари» и под., а иногда подробно указывались и самые эти предметы, какъ-то: иконы, самовары, чайная посуда, стѣнные и карманные часы, зеркала, шкафы, лари, подносы, перины, подушки, столы, котлы, безмѣны, чугуны, жернова, стулья, книги, говядина, сковорода, сковородникъ, косарь и т. д. Въ трехъ случаяхъ дѣлились также купленные земли; въ одномъ—доходъ съ отданныхъ въ наемъ лавокъ; въ одномъ—арендованная земля, и въ одномъ—мастерская въ Петербургѣ.

При жизни отца и матери или одного отца раздѣлы происходили въ 10-ти случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ отнoсительно участія и власти отца въ раздѣлѣ не сказано ничего, потому что раздѣльный приговоръ представляетъ только дозволеніе схода на раздѣлъ. Изъ другихъ случаевъ въ одномъ сынъ, уже упомянутый выше Русовъ, просилъ о раздѣлѣ волостное правленіе, такъ что отецъ его, очевидно, не давалъ ему просимой надѣльной земли добровольно. Въ нѣкоторыхъ раздѣльныхъ приговорахъ, напротивъ, отецъ отпускаетъ отъ себя дѣтей миролюбно, съ Божиимъ или родительскимъ благословеніемъ, и «награждаетъ» ихъ такимъ-то имуществомъ. Если же сынъ уходитъ отъ отца противъ воли послѣдняго, отецъ имѣлъ право не давать ему почти ничего. Такъ, при раздѣлѣ между крестьянами дер. Филипповскаго Лаврентіемъ Кузь-

минымъ и сыномъ его Александромъ, доходившемъ не одинъ разъ до уѣзднаго Присутствія, отецъ далъ сыну только земли на одно тягло и взялъ съ него обязательство оплачивать подати за его, отца, собственное тягло и выдавать ему и матери, по смерти ихъ, 35 руб. ежегодно на прокормленіе. И сходъ, какъ мы видѣли, не только утвердилъ эти условія раздѣла, но еще прибавилъ, что, если сынъ будетъ продолжать оказывать отцу грубости, то не нужно давать ему и вовсе раздѣла. Такимъ же образомъ ежегодной выдачи на пропитаніе себѣ потребовалъ отецъ и въ другомъ раздѣлѣ, взявши обязательство съ каждаго изъ своихъ трехъ сыновей выдавать ему всякій годъ: по 5 руб., по 6 мѣръ ржи и по 3 мѣры овса. Далѣе, крестьянинъ дер. Оедосова Назаръ Епифановъ, дозволяя въ 1872 г. своему сыну Петру раздѣлъ «отъ всѣхъ сдоровъ и отъ несогласія», надѣлилъ его «добровольно» всякимъ имѣніемъ и, оставивши себѣ поллуши надѣльной земли, обязалъ сына оплачивать подати за эту землю до смерти его, «для прокормленія». Въ остальныхъ случаяхъ отцы не брали себѣ земли, а оставляли обыкновенно избу или домъ съ дворомъ и нѣкоторую часть хлѣба въ землѣ и зернѣ. Изъ посѣяннаго хлѣба отецъ взялъ себѣ въ трехъ случаяхъ по равной части съ дѣтьми; въ одномъ—болѣе на треть,—вѣроятно потому, что работалъ онъ, а сынъ жилъ въ Москвѣ; и въ одномъ—болѣе вдвое въ озимовомъ хлѣбѣ и весь посѣянный овесъ.—Изъ прочаго имущества доля отца указана только въ одномъ раздѣльномъ приговорѣ, когда отецъ получилъ поровну съ сыновьями въ навозѣ, сбуруѣ и домашней посудѣ. Судьба отцовской части имущества послѣ его смерти оговорена была также въ одномъ случаѣ: изба съ дворомъ должна была остаться его женѣ, такъ какъ та выстроила ее на свой счетъ; ей же пойдеть клѣтъ и гуменный сарай.

Раздѣлы дѣтей съ матерью или при матери заключаются въ 15-ти приговорахъ, при чемъ въ 10-ти изъ нихъ мать остается послѣ раздѣла съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, а въ 5-ти ей повидимому дается совершенно отдѣльная часть, для отдѣльнаго жительства. На власть и права матери относительно раздѣла вообще и распределенія самаго имущества здѣсь указываютъ иногда выраженія что мать «даетъ» раздѣлъ своимъ дѣтямъ и «награждаетъ» ихъ тѣмъ-то и тѣмъ-то, а себѣ «беретъ» то-то и то-то. Но что она всетаки не является совершенно полновластной распорядительницей раздѣла и не можетъ не дать сыну никакой части, видно между прочимъ изъ упомянутаго выше раздѣла между крестьянской села Шартанова Марьей Померанцевой и ея сыномъ, когда самый раздѣлъ произошелъ по предписанію непремѣннаго члена и касался имущества—въ томъ числѣ и не принадлежащаго къ крестьянскому надѣльному хозяйству,—оставленнаго Померанцевой мужемъ ея по духовному завѣщанію.—Относительно дальнѣйшихъ обязательствъ дѣтей кормить мать упоминается въ трехъ приго-

всѣхъ: по одному мать, отпуская отъ себя сына, отказавшагося отъ всего отцовскаго имущества, и оставаясь съ другимъ сыномъ и дочерью, въ свою очередь дала подписку не спрашивать съ отдѣленнаго сына на свое пропитаніе никогда и ничего; по другому—сынъ, съ которымъ мать осталась жить, долженъ кормить ее, не касаясь ея части, до смерти; по третьему—сынъ, отдѣлившійся отъ матери, которая осталась съ двумя несовершеннолѣтними сыновьями, обязался выдавать ей ежегодно по 10 руб., когда одного изъ братьевъ отдадутъ въ солдаты, а другой еще не будетъ совершеннолѣтнимъ. Кому должно идти имущество матери послѣ ея смерти, сказано въ двухъ случаяхъ: въ одномъ только тѣмъ дѣтямъ, съ которыми мать будетъ жить, а въ другомъ—поровну между всѣми дѣтьми, хотя жила она у одного сына. Между прочимъ, при раздѣлѣ крестьянъ дер. Плоскова, братьевъ Ивановыхъ, матери дана была изба, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она ее не продавала, а давала въ ней жить тому сыну, съ которымъ пожелаетъ.—Что касается самой доли общаго имущества, принадлежавшей матери, то въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя вовсе отдѣлилась отъ дѣтей, она брала себѣ помѣщеніе для жилья,—избу, хотя бы дѣтямъ ея это жилье и не вѣзмъ доставалось. Изъ скота ей давалась въ каждомъ случаѣ корова и овца, иногда съ теленкомъ и ягнятами. Земля дана была только одинъ разъ, полтягла, причемъ дѣти взяли себѣ по тяглу. Изъ хлѣба—въ двухъ случаяхъ поровну съ дѣтьми, а въ двухъ другихъ—въ полтора и въ два раза меньше, чѣмъ каждому сыну. Изъ прочаго имѣнія матери дано было въ одномъ случаѣ всего по равной съ дѣтьми части и въ другомъ—только ларь; въ остальныхъ же раздѣлахъ, гдѣ ея часть обозначена явно, никакого другаго имущества ей не назначалось. Въ раздѣлахъ, послѣ которыхъ мать оставалась жить съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, ей въ одномъ случаѣ дана была только изба; въ двухъ—только нѣкоторое количество зерноваго хлѣба; въ четырехъ—изба или горница и корова съ овцой, теленкомъ, курицами, или только одна корова; и въ одномъ—кромѣ предыдущаго ей дана была еще равная съ сыновьями часть хлѣба.

Раздѣльныхъ приговоровъ между братьями безъ родителей—8. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчено, что раздѣлы эти—«миролюбные», «добровольные», а въ нѣкоторыхъ видно, что при нихъ не всегда признавалось необходимымъ участвовать тому или другому изъ братьевъ, или не всегда требовалось согласіе на раздѣлъ всѣхъ братьевъ. Такъ, уже выше упоминалось, что однажды раздѣлъ происходилъ въ то время, когда одинъ изъ братьевъ былъ на богомольѣ въ Києвѣ. Въ другой разъ при раздѣлѣ былъ только одинъ братъ, а вмѣсто другого присутствовала жена его по довѣрительному письму. Былъ даже такой случай, что сначала подѣлились между собою жены братьевъ, въ отсутствіе своихъ мужей, а потомъ уже окончательно раздѣлились и эти послѣдніе. Во

время отсутствія одного изъ братьевъ произошелъ однажды раздѣлъ между остальными также и при жизни отца, но братъ этотъ всетаки особымъ письмомъ далъ свое согласіе на раздѣлъ. Напротивъ, когда одинъ изъ братьевъ отказался придти, по приглашенію старосты, на раздѣлъ отцовскаго гуменнаго сарая, раздѣлъ былъ произведенъ безъ него, старостою съ другимъ братомъ и посторонними свидѣтелями. Когда, затѣмъ, въ одномъ случаѣ между дѣлвившимися были малолѣтніе братья и сестры, раздѣлъ сдѣланъ былъ полный, и сельскій сходъ рѣшилъ отдать части малолѣтнихъ тому изъ старшихъ братьевъ, который согласится взять ихъ къ себѣ. Въ противномъ случаѣ постановлено было избрать изъ среды общества опекуна, чтобы онъ впослѣдствіи обществу же отдалъ въ своемъ опекунствѣ отчетъ. Избирать опекуна изъ среды общества однако не оказалось нужнымъ, такъ какъ малолѣтнихъ братьевъ согласился взять одинъ изъ старшихъ, которому и отдано было ихъ имущество подъ росписку, опекуномъ же назначенъ былъ другой братъ, хотя онъ и долженъ былъ жить отдѣльно отъ нихъ.

При самомъ распредѣленіи общаго имущества братья по большей части получали себѣ равныя другъ съ другомъ части, такъ что раздѣлъ между ними производился обыкновенно поколѣнно, независимо отъ возраста ихъ, семейнаго положенія и того, отдѣльныя ли хозяйства образуются изъ семьи каждаго изъ нихъ, или нѣсколько братьевъ, соединяясь, образуютъ общее хозяйство. Но были однако раздѣлы, гдѣ эта равномерность соблюдалась не вполне, а тотъ или другой братъ почему-либо получалъ въ какомъ нибудь отношеніи болѣе прочихъ братьевъ. Такихъ раздѣловъ было 8. Въ однихъ изъ нихъ неравномѣрность распредѣленія общаго имущества зависѣла отъ хозяйственныхъ соображеній, и такимъ образомъ получались, напримѣръ, такія сочетанія: сынъ, отдѣляясь отъ матери и двухъ младшихъ братьевъ, получаетъ цѣлую половину посѣяннаго хлѣба; средній сынъ, также отдѣлившійся отъ матери и двухъ братьевъ, беретъ себѣ половину овина, земледѣльческихъ орудій и навозу, а двое малолѣтнихъ братьевъ, оставаясь съ матерью, не получаютъ ничего изъ скота, — вѣроятно потому, что уже корову и овцу получила жившая съ нимъ мать. Въ другихъ случаяхъ на неравное распредѣленіе между братьями дѣлимаго имѣнія вліяло количество труда, вложеннаго каждымъ изъ нихъ на пріобрѣтеніе его, такъ что старшій братъ получаетъ, напримѣръ, вдвое болѣе младшаго въ хлѣбѣ; въ другомъ раздѣлѣ доля старшаго брата болѣе, чѣмъ младшихъ, лошадыю и коровой. Иногда къ трудовому соображенію присоединялось еще семейное. Вслѣдствіе этого старшій братъ получаетъ не одну, а двѣ трети хлѣба потому, что у него дѣти и что онъ обрабатывалъ тягло 8 лѣтъ; онъ же беретъ себѣ болѣе младшаго брата лошадыю, двумя коровами, теленкомъ, овцою и одной частью всей домашней утвари. Были и другія причины нерав-

наго раздѣла между братьями. Такъ, въ одномъ случаѣ старшій братъ получилъ себѣ всю жилую стройку потому, что обязался выкормить и выпойть двухъ малолѣтнихъ братьевъ, на которыхъ особой доли не было дано; въ другомъ раздѣлѣ одинъ изъ братьевъ взялъ себѣ безъ дѣлежа гуменный сарай, такъ какъ построилъ его самъ, и въ томъ же раздѣлѣ два брата не допустили третьяго къ участию въ дѣлежѣ сруби, посуды и одежды, — вѣроятно потому же, что завели это безъ него.

Семейство умершаго брата участвовало въ раздѣлѣ въ двухъ случаяхъ и въ обоихъ получило на себя одинаковую часть съ частями живыхъ братьевъ, такъ что и здѣсь раздѣлъ былъ чисто поколѣнный. На малолѣтнюю сестру братъ, принявшій ее къ себѣ, взялъ равную съ братьями часть хлѣба, а изъ всего остального имущества не получилъ на нее ничего. По другому раздѣльному приговору мать получила на свою малолѣтнюю дочь изъ имущества умершаго отца нѣкоторую часть домашней скотины, зернового хлѣба, одежды и книгъ, и была назначена ея опекуницей. Наконецъ, одинъ разъ въ раздѣлѣ нѣсколькихъ братьевъ участвовала ихъ тетка, которой дана была только теплая горница.

Причинами раздѣловъ изъ восьми указанныхъ въ приговорахъ случаевъ въ 7-ми были семейныя несогласія и раздоры, а въ одномъ — многолюдство.

Особыя жилища помѣщенія предоставляются для каждаго новаго хозяйства только по 8-ми раздѣльнымъ приговорамъ, и не всегда эти помѣщенія являлись вполне устроенными и готовыми: иногда одной сторонѣ достается только одна изба безъ двора; иногда дворъ дѣлится на двѣ части, а иногда избу нужно еще перевезти на другую дворину и поэтому жить нѣкоторое время и послѣ раздѣла вмѣстѣ. Совершенно безъ всякой части въ жилыхъ помѣщеніяхъ оставалось какое-либо изъ отдѣлившихся семействъ въ 16-ти случаяхъ, въ двухъ изъ которыхъ были взяты въ возмѣщеніе за домъ съ той стороны, которая въ концѣ оставалась, деньги, а въ трехъ дано было нѣкоторое количество бревенъ для будущей собственной постройки. Въ 7-ми другихъ раздѣлахъ уходившему семейству приходилось довольствоваться только какою-нибудь частью стараго дома въ отломъ, — сейчасъ или же спустя нѣкоторое время; можно было даже иногда остаться въ старомъ домѣ, — только въ отдѣльной половинѣ его. Такимъ образомъ отдѣлившіяся семейства получали: полдома и полдвора, одинъ конецъ дома, дворъ и срубы для избы, полдвора, дворъ, избу съ сѣнями и т. под. Все это приводило къ тому, что въ раздѣльныхъ актахъ довольно часто встрѣчается условіе, по которому и послѣ раздѣла устанавливалось на нѣкоторое время совместное жительство раздѣлившихся семей, или же опредѣлялся срокъ, ранѣе котораго нельзя было принуждать уходившую на новое мѣсто семью отнимать доставшуюся ей часть прежняго дома. Такъ, одинъ разъ опредѣ-

лено было жить вмѣстѣ въ избѣ и дворѣ 2 года, въ двухъ раздѣлахъ - полтора года (въ одномъ было поставлено условіе—«жить тихо, смирно»), въ пяти—годъ, и въ двухъ—полгода. Условлено было въ одномъ случаѣ не гонить на новую дворину 20 лѣтъ, а въ другомъ—2 года.

Хозяйственныя постройки дѣлились по возможности такъ, чтобы каждому отдѣльному хозяйству достался или сарай, или мякинница, или амбаръ, или погребъ и т. под. Поэтому постройка извѣстнаго рода, доставшаяся одному семейству, замѣнялась для другой семьи постройкою какого-либо другого рода. Но иногда одну и ту же постройку дѣлили на нѣсколько частей, такъ что дѣлившимся доставалось, напримѣръ, по полсарая, по одной трети овина и амбара, по одной пятой овина, по польовину и по полбанѣ и т. д. Съ другой стороны, нерѣдко случалось, что послѣ раздѣла у какого-нибудь одного или двухъ хозяйствъ и вовсе не оказывалось хозяйственныхъ строеній въ отдѣльное пользованіе. Такихъ раздѣловъ было 17. Понятно поэтому, что въ отношеніи хозяйственныхъ построекъ, такъ же какъ и въ отношеніи жилыхъ, нерѣдко приходилось оставлять старый порядокъ общаго ими пользованія, тѣмъ болѣе, что въ такихъ постройкахъ, какъ напримѣръ гуменныя, поводовъ къ взаимнымъ ссорамъ бываетъ немного. Велѣдствіе этого мы видимъ, что въ 13-ти случаяхъ рѣшено владѣть сообща овиномъ безсрочно, а въ одномъ—3 и въ одномъ—2 года; гуменными постройками вообще—одинъ разъ условлено пользоваться навсегда и одинъ—на годъ; банею—въ двухъ случаяхъ—навсегда; погребомъ—въ одномъ случаѣ—тоже навсегда, а клѣтью,—въ одномъ раздѣлѣ—на нѣкоторое время, до постройки особой.

Безъ всякаго домашняго скота новое хозяйство уходило изъ стараго дома въ 4-хъ раздѣлахъ, причемъ въ трехъ случаяхъ это были отдѣлы сыновей отъ родителей противъ воли послѣднихъ, а въ четвертомъ—вся скотина двухъ братьевъ и матери состояла изъ коровы и лошади, оцѣненной въ 3 рубля. Лошадь досталась одному изъ братьевъ, а корову отдали матери,—съ условіемъ, чтобы она не продавала ее, а давала пользоваться семейству того сына, съ кѣмъ останется жить. Не досталось лошади какому-либо изъ новыхъ хозяйствъ въ 15-ти случаяхъ, въ которыхъ этотъ недостатокъ долженъ былъ возмѣщаться другою скотиною: коровами и овцами. Затѣмъ, въ 6-ти другихъ раздѣлахъ хотя также не хватало каждому хозяйству по особой лошади, но въ нихъ это обстоятельство уравнивалось уже не скотиною, а нѣкоторою суммою денегъ, выдававшаяся безлошадному хозяйству той стороною, которая взяла изъ стараго хозяйства лошадь. Кому при этомъ нужно было брать лошадь, рѣшалось иногда жеребьемъ. Такъ, когда дѣлились крестьяне дер. Лобанова, братья Григорій и Филиппъ Евстафьевы, то относительно лошади въ раздѣльномъ актѣ было сказано, что нужно было бы кинуть жеребій о томъ,

шину ее отдать, но такъ какъ у Филиппа, все одно, денегъ на выдачу Григорію нѣтъ, то пусть возьметъ лошадь послѣдній и выдастъ за нее двумя рублями болѣе, чѣмъ слѣдовало бы по оцѣнкѣ. Наконецъ, въ 8-ми раздѣлахъ каждое новое хозяйство получило по отдѣльной лошади, причемъ два хозяйства оказались даже съ двумя, а одно съ тремя лошадьми. Иногда еще въ раздѣльныхъ приговорахъ оговаривалось, что лошадыю можетъ пользоваться нѣкоторое время и хозяйство, не получившее ее. Такъ, въ одномъ случаѣ отецъ выговаривалъ себѣ право взять у сына лошади на 10 дней; въ другомъ—одна лошадь дана была на два хозяйства; и въ третьемъ—отецъ позволяетъ сыну на своей лошади запахать и заборонить въ первое послѣ раздѣла лѣто. Прочие скотина дѣлилась по возможности такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ хозяйствѣ была корова или по крайней мѣрѣ телушка; однако, и тутъ было 4 раздѣла, послѣ которыхъ въ одномъ или даже въ двухъ хозяйствахъ не было ни одной коровы. Безъ овецъ оставалось то или другое хозяйство, или оба вместе, въ 4-хъ случаяхъ.

Посѣянный хлѣбъ дѣлился въ 13-ти раздѣлахъ. Между отцомъ и отдѣлившимся отъ него сыномъ онъ былъ подѣленъ въ двухъ случаяхъ поровну; въ одномъ—отецъ взялъ себѣ двѣ трети, а сыну далъ треть; и въ одномъ—три четверти озимового хлѣба и весь посѣянный овесъ достались отцу, а сыну только четверть озимового хлѣба.—Когда дѣлились дѣти при матери, то получившая въ двухъ раздѣлахъ не получила изъ хлѣба въ землѣ ничего; въ одномъ—она взяла на себя и дочь равную часть съ сыномъ; въ одномъ—ей дана была одинаковая доля съ сыновьями; и въ двухъ раздѣлахъ мать получила посѣянаго хлѣба вдвое менѣе каждаго сына.—Братья, а равно и деверь съ невесткою, дѣлившіеся между собой и съ матерью, только въ одномъ случаѣ получили изъ хлѣба въ землѣ неравныя части,—когда старшій братъ, отдѣлившись отъ двухъ младшихъ, взялъ себѣ половину этого хлѣба, раздѣлившая его чисто похозяйственно.

Изъ зернового хлѣба отецъ, отдѣляя отъ себя сына, обыкновенно давалъ ему по собственному усмотрѣнію нѣкоторую часть, а прочее оставлялъ себѣ, такъ что, въ какомъ отношеніи стояли эти части другъ къ другу, нельзя видѣть. Только въ одномъ случаѣ отецъ, оставшись жить съ сыномъ и отпустивъ другого, раздѣлил хлѣбъ на три части: двѣ трети оставилъ въ своемъ землѣ, а одну отдалъ ушедшему сыну.—Матери, при раздѣлѣ сыновей, одинъ разъ не было дано никакой части зернового хлѣба; другой разъ для нея выдѣлено было нѣкоторое количество, а остальное дѣти раздѣлили поровну между собой; въ четырехъ раздѣлахъ она получила равную часть съ сыновьями, хотя только въ двухъ изъ этихъ раздѣловъ должна была жить отдѣльно отъ дѣтей; въ одномъ—ей дана была вдвое, а въ другомъ въ полтора раза меньшая

часть, чѣмъ каждому сыну, и, наконецъ, въ одномъ раздѣлѣ мать, отдѣляя сына и оставаясь съ дочерью, взяла на себя и дочь: половину ярового хлѣба, половину муки и двѣ трети ржи.—Братья обыкновенно дѣлили между собою, а также между собой и семьей умершаго брата общій или оставшійся за выдѣломъ родителямъ хлѣбъ поровну и поколѣнно, независимо отъ того, вмѣстѣ или порознь они будутъ жить. Только въ двухъ случаяхъ старшій братъ взялъ себѣ вдвое болѣе младшаго,—вѣроятно потому, что болѣе и работалъ надъ этимъ хлѣбомъ.—Малолѣтняя сестра одинъ разъ получила равную съ братьями часть зернового хлѣба, а въ другой—ей была выдѣлена послѣ умершаго отца нѣкоторая, но неизвѣстно которая, доля.

Распредѣленіе надѣльной земли указано только въ 4-хъ раздѣльныхъ приговорахъ,—вѣроятно потому, что оно вообще зависитъ болѣе отъ сельскаго общества и по рѣшенію послѣдняго можетъ измѣняться въ какое угодно время, а не только при раздѣлахъ. Отпуская сына, отецъ въ одномъ раздѣлѣ взялъ себѣ «для прокормленія» полдуши, обязавъ сына платить за эту землю подати; въ другомъ случаѣ земля была раздѣлена между отцомъ и сыномъ поровну; а въ третьемъ отецъ, оставшись съ однимъ сыномъ, далъ другому цѣлую половину земли.—По четвертому раздѣлу мать, раздѣлившись съ двумя сыновьями, взяла себѣ полтягла земли, а дѣти ея по тяглу.—Относительно собственной земли въ одномъ раздѣлѣ, между матерью и сыновьями, сказано, что она пойдетъ «законнымъ порядкомъ наслѣдства»; въ другомъ—два брата должны были владѣть лѣсомъ и пашнею пополамъ; въ третьемъ случаѣ мать съ дочерью и сынъ должны были засѣвать эту землю сообща; если же мать не станетъ почему-либо сѣять, то сынъ имѣетъ право засѣять всю землю одинъ.

Экипажи, земледѣльческія орудія и сбруя упоминаются въ 16-ти раздѣльныхъ приговорахъ, но выяснитъ болѣе или менѣе точно основанія ихъ распредѣленія между дѣлившимися сторонами невозможно, такъ какъ сравнительная цѣнность ихъ изъ документовъ не видна. Несомнѣнно только то, что здѣсь не было одного,—хозяйственнаго или поколѣннаго,—принципа, а дѣйствовали и тотъ и другой, хотя и съ преобладаніемъ перваго. Такъ, на хозяйственныя соображенія указываетъ то обстоятельство, что по пяти приговорамъ, ни мать, ни отецъ, не составляя изъ себя особаго хозяйства, хотя иногда и совершенно отдѣляясь отъ дѣтей, не получали ничего изъ этихъ принадлежностей хозяйства. Напротивъ, когда мать въ одномъ раздѣлѣ взяла себѣ полтягла надѣльной земли, ей были даны андрецъ и колеса. Точно также по хозяйственнымъ, очевидно, интересамъ средній сынъ, отдѣлившійся отъ матери, которая осталась со старшимъ и младшими сыновьями, получилъ себѣ не третью часть земледѣльческихъ орудій, а половину. Наоборотъ, на поколѣнное

навоза дѣла указывает тотъ случай, когда старшій изъ братьевъ, отдѣлившись отъ второго брата, оставшагося съ тремя малолѣтними братьями и сестрой, получилъ не половину экипажей и сбури, а только пятую часть; точно также отецъ, отдѣлившись отъ себя одного сына и оставшись съ другимъ, далъ первому изъ сбури одну треть, а двѣ трети оставилъ у себя дома.—Раздѣловъ, послѣ которыхъ какое-либо изъ новыхъ хозяйствъ вовсе не получало недвижимыхъ орудій, было — 3.

Общія долги въ трехъ случаяхъ раздѣловъ между братьями, образовавшими каждый самостоятельныя хозяйства, распределены были поровну. На мать вдовца была равная съ сыновьями часть хлѣбнаго долга только въ томъ раздѣлѣ, по которому она взяла себѣ полтягла земли и слѣдовательно стала главнѣйшимъ собственникомъ хозяйства; въ четырехъ же другихъ случаяхъ, когда матери не брали земли, и общія долги распределены были только между сыновьями—двоемъ или тремя: въ двухъ раздѣлахъ поровну и въ двухъ не поровну. Въ одномъ изъ послѣднихъ взялся уплатить общій долгъ старшій сынъ, потому что онъ получалъ всю домашнюю движимость, кромѣ скота и одежды; во второмъ раздѣлѣ два брата согласились, что недоимку въ 33 руб. 9½ коп. уплатитъ тотъ изъ нихъ, которому не придется идти въ солдаты, или же, если республика оберетъ ихъ обоихъ,—тотъ, кому это выпадетъ по жребію. Наконецъ, въ трехъ раздѣлахъ сыновья взяли на себя уплату родительскаго долга какъ бы въ видѣ вознагражденія за дозволеніе отдѣлиться. Первому, напхирѣ, сыну, отойдя отъ матери съ сестрой, выплатилъ отцовскій долгъ въ 60 руб. и недоимку за годъ; другой сынъ, отдѣлившись отъ матери и брата съ сестрой, взялъ на себя недоимку отца въ 34 р. 3 к.; третій, раздѣлившись съ отцомъ, долженъ былъ,—также безъ возмѣщенія въ какое-либо другое имущество,—уплатить вмѣсто отца недоимку за два года, въ наличествѣ 45 р. 32 к.

Навозъ дѣлился и поколѣнно и похозяйственно. Такъ отецъ, отдѣлившись отъ сына и оставшись съ другимъ, далъ первому треть навоза; старшій братъ, отдѣлившись отъ матери, которая вмѣстѣ съ двумя младшими сыновьями образовала одно хозяйство, получилъ также треть навоза,—въ этихъ случаяхъ раздѣлъ былъ, очевидно, поколѣнный. Наоборотъ, когда мать, не получая земли, не имѣетъ части и въ навозѣ, или когда два брата, оставшись съ матерью взяли себѣ только половину навоза, а другую отдали отдѣлившемуся брату,—здесь, безъ сомнѣнія, имѣлись въ виду основанія чисто хозяйственнаго характера.

Изъ трехъ случаевъ раздѣла корма для скота, въ одномъ дѣлились два брата и взяли себѣ поровну, въ двухъ же другихъ случаяхъ матери, не составлявшей отдѣльнаго хозяйства, дана была въ кормѣ равная часть съ

сыновьями, такъ какъ ей досталась скотина, которую нужно было кормить. Раздѣлъ здѣсь былъ, значить, болѣе поколѣнный, чѣмъ похозяйственный.

Одежда въ двухъ раздѣлахъ дана была каждому члену дѣлившейся семьи, какая на него заведена, въ прочихъ же перечислялись вѣроятно только тѣ одежды, которыя были болѣе или менѣе общими въ семействѣ. Какими именно основаніями руководились въ распредѣленіи этихъ одеждъ, изъ раздѣльныхъ актовъ невозможно видѣть.

Въ распредѣленіи домашней «рухляди», насколько объ этомъ возможно судить на основаніи тѣхъ раздѣльныхъ приговоровъ, въ которыхъ указываются доставшіяся дѣлившимся сторонамъ опредѣленные ея части, а не отдѣльные предметы, руководились и хозяйственными и поколѣнными и трудовыми соображеніями. Такъ, когда старшій сынъ, отдѣляясь отъ матери и младшихъ братьевъ, получаетъ изъ домашнихъ вещей только то, что даетъ ему мать, имѣются въ виду интересы хозяйственные. Когда же отецъ, отдѣляя одного сына и оставаясь съ другимъ, даетъ первому треть въ домашней посудѣ; или когда средній сынъ, раздѣляясь съ матерью, при которой остаются старшій и младшій сыновья, получаетъ на себя не половину, а только треть домашней посуды; или когда, наконецъ, старшій братъ, отдѣлившись отъ второго брата, взяшаго къ себѣ троихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестру, получилъ только пятую часть домашнихъ вещей,—во всѣхъ этихъ раздѣлахъ, очевидно, руководились поколѣнными, а не хозяйственными основаніями. А тѣ и другія соображенія совпадали другъ съ другомъ въ тѣхъ (четырёхъ) случаяхъ раздѣловъ братьевъ или деверя съ невѣсткой, въ которыхъ участники дѣлежа, образовавши каждый особое хозяйство, взяли изъ домашнихъ принадлежностей равныя другъ съ другомъ части. То же самое было и при упоминавшемся ранѣе раздѣлѣ матери съ дѣтьми, когда она получила лично на себя полтягла земли и потому взяла изъ мелкихъ домашнихъ вещей равную долю съ сыновьями.—Наконецъ, въ одномъ раздѣлѣ старшій братъ, раздѣлившись съ младшимъ, получилъ на себя двѣ трети домашней утвари, вѣроятно, потому же, почему онъ получилъ двѣ трети и хлѣба: онъ обрабатывалъ тягло въ продолженіе 8-ми лѣтъ, и кромѣ того у него было болѣе, чѣмъ у младшаго, дѣтей.

Такимъ образомъ, ни сколько-нибудь приблизительнаго количества семейныхъ раздѣловъ за тотъ или другой промежутокъ времени по всему Чухломскому уѣзду, ни совершенно единообразныхъ, точныхъ и опредѣленныхъ правилъ, по которымъ бы эти раздѣлы происходили по уѣзду всегда и вездѣ, нельзя установить, такъ какъ какую-либо регистрацію раздѣловъ, а слѣдовательно и статистику ихъ сдѣлалъ невозможно законъ 18 марта 1886 г.,

косвеннымъ образомъ поставившій въ число незаконныхъ почти всѣ совершенныя теперь раздѣлы; условія же, при которыхъ эти раздѣлы происходятъ, бываютъ настолько разнообразны и сопровождаются такими различными обстоятельствами, что почти каждый раздѣлъ имѣетъ собственную фizioномію, и черты, принадлежащія имъ всѣмъ, имѣютъ поэтому очень общій и отвлеченный характеръ. Законъ 18 марта 1886 г. не сдѣлался рамкой, въ которую бы укладывались всѣ крестьянскіе раздѣлы, и нисколько не послужилъ къ сокращенію ихъ; вопреки своей цѣли, онъ фактически только изыалъ раздѣлы почти изъ всякаго вѣдѣнія учреждений, стоящихъ надъ сельскимъ обществомъ. Но, являясь въ настоящей дѣйствительности какъ бы несуществующимъ, законъ этотъ въ рукахъ усерднаго крестьянскаго начальства, которое бы рѣшилось примѣнять его во всей его строгости, способенъ послужить къ немалому разстройству семейныхъ отношеній, а въ рукахъ недобросовѣстныхъ лицъ изъ самихъ крестьянъ можетъ сдѣлаться иногда благовиднымъ предлогомъ для уклоненія отъ платежа разнаго рода повинностей, такъ какъ по этому закону крестьянскіе дворы, образовавшіеся помимо его, должны считаться въ отношеніи отбыванія всякихъ казенныхъ повинностей за одинъ дворъ, и «всѣ члены такого семейства несутъ общую отвѣтственность за исправное выполненіе сихъ обязанностей»; значить, недоимка, накопившаяся на одномъ изъ образовавшихся послѣ раздѣла хозяйствъ, должна взыскиваться со всѣхъ этихъ хозяйствъ, а не съ одного его.

Ө. Покровскій.

ПЕРМЯКИ.

I.

Мѣстность, занимаемая пермяками.—Ихъ языкъ.—Сохранившіеся остатки языческихъ вѣрованій (лъшій, икоты, кикиморы, сусѣдка, водяной, полудница, чугунная баба).— Характеръ пермяка.—Бытовья и санитарныя условія (грахома, чосотка).— Домашнія средства лѣченія (черъ-эшванъ, челнанъ, вѣжливецъ; оспа, лѣкарство отъ запоя).—Заговоры, кабала.—Внѣшній типъ пермяка и одежда.—Возвръненіе его на семейную жизнь.

Пермяцкая народность проживаетъ, главнымъ образомъ, по правую сторону рѣки Камы, но нѣкогда несомнѣнно владѣла не только обоими ея берегами, а и частью Заволжья. Оба берега рѣки Инвы, такъ называемый Инвинскій край, почти сплошь заселены пермяками. Инвинскій край раскинулся и въ ширь и въ даль довольно далеко; онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія чисто пермяцкія волости: Ошибскую, Егвинскую, Архангельскую, Карповскую, Юсьвинскую, Верхъ-Юсьвинскую, Верхъ-Нердвинскую (Шитеевскую), Верхъ-Инвинскую, Кувинскую, Бѣлоевскую, Кудымкорскую и Тиминскую. Кромѣ перечисленныхъ, здѣсь же имѣются слѣдующія волости, заселенныя пермяками только отчасти: Купросекая, Нердвинская, Майкорская (Никитинская). Помимо бассейна р. Инвы пермяки сохранились еще по теченію р. Косы, Чердынскаго уѣзда, да въ Зюздинской (Аванасьевской) и Гординской волостяхъ Вятской губерніи (Глазовскаго у.). Собственно въ Инвинскомъ краѣ пермяковъ насчитываютъ приблизительно 70³/₄ тысячи, а всего съ Чердынцами и Зюздяками до 99 тысячъ. Одинъ изъ казанскихъ профессоровъ, при производствѣ раскопокъ одного изъ многочисленныхъ здѣсь «городищъ», нашелъ, что нынѣшніе пермяки, по сложенію черепныхъ костей, значительно отличаются отъ ранѣе обитавшихъ здѣсь жителей. Сами себя пермяки, какъ и зыряне, называютъ: «коми-мортъ» (камскій человѣкъ). Эта однородность въ названіи народовъ, живущихъ по Камѣ и Двинѣ характерна и наводитъ на мысль о связи этихъ финскихъ племенъ.

Почти все пермяки, кромѣ своего родного языка, говорятъ еще и по-русски, разумѣется, сильно коверкая послѣдній. Такъ, напримѣръ, твердое окончаніе мужского рода они замѣняютъ женскимъ и, наоборотъ; напримѣръ, «дѣдъ обѣдала», «жена обѣдалъ». Затѣмъ, х замѣняется к: корошо, вмѣсто хорошо; ф

замѣняется п: Пилипъ, вмѣсто Филиппъ; ц—ч или с, напр., саръ, сарича, вмѣсто царь, царица; л—в: свава, вмѣсто слава. Фразу: «дѣдъ Филиппъ не сталъ обѣдать, а побѣжалъ посмотрѣть на царя и царицу и видѣлъ ихъ, а бабка сидѣла обѣдала и никого не видала», по-пермяцки слѣдовало бы сказать такъ: «дѣдъ Пилипъ не става обѣдать, а побѣжава посмотрѣть на саря и саричу и видѣва ихъ, а бабка сидѣву, обѣдалъ и никого не видѣуль». Звукъ л въ концѣ слова нельзя передать на бумагѣ, онъ представляетъ изъ себя переходъ отъ «ель» къ «уль» и къ «оль». Приведенная выше фраза считается въ нашихъ мѣстахъ (въ центрѣ Инвинскаго края) за чисто русскую, на самомъ же дѣлѣ и такъ правильно пермяки не могутъ говорить.

Языческія вѣрованія сохранили до сихъ поръ среди пермяковъ всю свою силу и ими признаются открыто. Такъ пермяки вѣрятъ, что въ лѣсу проживаетъ лѣшій; правда, его за бога не почитаютъ, но увѣрены, что всѣ думы лѣшаго только и направлены къ тому, какъ бы напакоститъ, какъ бы устроить какую-либо мерзость доброму человѣку. Лѣшій не прочь поугаты, кричить, хохочетъ, а иной разъ даже и украдетъ у человѣка дорогу. Въ этомъ случаѣ, какъ бы хорошо ни зналъ человѣкъ дорогу, онъ пропадетъ, если только, по оплошности своей, не приметъ должныхъ мѣръ. Спорить съ лѣшимъ можно—стоитъ только снять свою верхнюю одежду и надѣть ее на выворотъ, и онъ отступится. Бабы въ этихъ случаяхъ должны вывернуть на изнанку свои шамшуръ (особый головной уборъ); если же это не помогаетъ, то надо тотчасъ же вывернуть на изнанку всю одежду и не ограничиваться при этомъ только верхней. Между пермяками найдете немало людей, по ихъ увѣренію, не только выдавшихъ лѣшаго, но и гостившихъ у него. Лѣшій, по словамъ такихъ очевидцевъ, большого роста, выше каждаго высокаго дерева; старикъ, съ сухими ушами, за плечами у него всегда имѣется сумка. Обыкновенно лѣшіе живутъ въ большихъ болотистыхъ лѣсахъ, гдѣ имѣютъ свои домики; домики эти всегда деревянные и всегда новенькіе. Но и между «сухоухими дядями», какъ называютъ лѣшихъ пермяки, боящіеся назвать ихъ настоящимъ именемъ, попадаются такіе, что не прочь заняться и торговлей. Такой лѣшій, принявъ на себя малый ростъ, отправляется въ Казань за товаромъ, и узнать и отличить его отъ простаго смертнаго можно лишь по бровямъ; если ихъ у торговаго нѣтъ—это не торговецъ, а лѣшій. Каждому взшедшему въ избу лѣшему, выбратся изъ нея трудненько. Но иногда, особенно колдуновъ, «сухоухій дядя» и самъ выведетъ на правильную дорогу. Особенно часто бываетъ онъ любезенъ къ тѣмъ молодымъ колдунамъ, которые приходятъ въ лѣсъ, чтобы продать ему свою душу. Послѣ этого колдуны получаютъ даръ: наводятъ порчу. Вообще же говоря встрѣча съ лѣшимъ ничего путнаго не предвѣщаетъ, даже и въ лучшихъ случаяхъ: либо самъ, встрѣтившій, чѣмъ-либо захвораетъ, либо кто

изъ его семьи помреть, либо скотина падеть. Словомъ можно положительно сказать: «такая встрѣча не къ добру». Въ дѣсахъ же живутъ «икоты» и «кикиморы». Хотя сами пермяки считаютъ первыхъ людьми больными, но на самую болѣзнь смотрятъ какъ на происшедшую отъ «духовъ» и, кромѣ того, каждый, страдающій икотой, становится какъ это здѣсь дознано-дедолголѣтней практикой, съ момента заболѣванія колдуномъ; къ такимъ больнымъ охотно идутъ ворожить всё тѣ, у кого потерялась лошадь, заболѣла корова и т. д. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ спрашиваютъ: «гдѣ найти потерю»? На что и не замедлитъ послѣдовать обстоятельный отвѣтъ: «ищи на солнцевосходѣ» и т. п. Колдуновъ этого рода развелось немало, такъ какъ дѣло ворожбы совсѣмъ не безвыгодное. Въ присутствіи одержимыхъ этою болѣзnią отнюдь нельзя курить: икота табаку не любитъ; по увѣреніямъ больныхъ, отъ табачнаго дыма они даже во снѣ начинаютъ корчиться. Мнѣ впрочемъ приходилось куривать при больныхъ, даже и днемъ, безъ всякихъ для нихъ дурныхъ послѣдствій, ожидаемаго результата я не получилъ. Тотъ, кто видѣлъ меня курящимъ, говорилъ: «своо знаетъ, потому и не дѣйствуетъ». Кикиморы у пермяковъ, какъ и у насъ, русскихъ, также принадлежатъ къ категоріи злыхъ духовъ и приносятъ населенію немало неприятностей; чаще же всего они доятъ коровъ. Изъ духовъ наиболѣе виднымъ признаютъ «сусѣдку» (домового). Сусѣдка представляетъ изъ себя, по вѣрованіямъ пермяковъ, неотъемлемую принадлежность каждаго жилого помѣщенія и, хоть до нѣкоторой степени, благоустроеннаго дома. Постоянная резиденція сусѣдки — подполье (голубецъ). Каждый благоразумный хозяинъ и хозяйка почитаютъ и холятъ его. Впрочемъ сусѣдка и не взыскателенъ — слѣдуетъ только ему ни въ чемъ не мѣшать. По характеру своему, сусѣдка доброе существо; онъ не пугаетъ людей, и если его и побаиваются, то все же божескихъ почестей ему не воздаютъ, а просто задабриваютъ его, кто чѣмъ можетъ. Такъ ставятъ въ подполье не покрытую сметану, чтобы сусѣдка могъ поѣсть ее. Повидимому, онъ дѣлаетъ это съ удовольствіемъ, такъ какъ положенное исчезаетъ вскорѣ. Одно только можно сказать про сусѣдку съ полной увѣренностью: коли сусѣдка не въ ладахъ съ хозяиномъ или просто чѣмъ-нибудь недоволенъ, дѣла пойдутъ плохо. Скотина, какъ ее ни корми, все худѣетъ, у бабъ хлѣбъ не удается, пряжа не спорится, и т. д. За то когда сусѣдка доволенъ, тогда онъ и самъ угодить старается: скотина здорова и въ гривахъ ея онъ налететь такихъ косъ (особенно у тѣхъ лошадей, что больше любитъ), какихъ не сплести и самой искусной бабѣ. Если же сусѣдка совсѣмъ покинетъ домъ, тогда все домоводство прахомъ пойдетъ: все равно старайся — не старайся, а толку не будетъ. Вывести сусѣдку изъ себя можно, напр. тѣми же хитро сплетенными косами — стоитъ только ихъ расчесывать, такъ сказать, браковать

его работу. Мнѣ лично приходилось видѣть подобныя косы въ головѣ и бородѣ у иныхъ стариковъ. Сами старики да и окружающіе ихъ смотрѣли на нихъ съ полнымъ благоговѣніемъ, какъ на явное доказательство сусѣдской любви. Людямъ сусѣдка показывается весьма рѣдко; видятъ его, а по большей части слышатъ, когда онъ съѣсть муку. Это совсѣмъ маленькій и сѣдинный старичекъ. Иной разъ онъ зажигаетъ маленькій, синенькій огонекъ, а иной разъ, когда особенно разшалится старый, возьметъ да и начнетъ давить соннаго человѣка. Нечего его бояться. Напротивъ, надо лишь спросить: «къ худу или къ добру давишь», и сусѣдка скажетъ къ чему; а такъ какъ онъ духъ вѣрный, то въ зависимости отъ отвѣта и слѣдуетъ ждть добра или худа.

Въ каждой рѣчкѣ, по вѣрованію пермяковъ, имѣется свой водяной (Самсъ-кульнянь); лично онъ не злой, но во всякомъ случаѣ явленіе его не къ добру. При постройкѣ мельницъ онъ непременно требуетъ себѣ въ жертву голову; въ противномъ случаѣ, какъ только придется проѣзжать его свадьбѣ черезъ мельницу, онъ ее пронесетъ, какъ крѣпко ее ни устраивай. Какую голову давали водяному въ старь—покрыто мракомъ неизвѣстности; теперь же ограничиваются пѣтушиной, и водяной не заявляетъ неудовольствія: мельницы проносятся рѣдко. Каждый мельникъ знакомъ съ водянымъ, какъ съ своимъ непосредственнымъ и ближайшимъ начальствомъ, и по первому его требованію выпускаетъ воду изъ мельничныхъ прудовъ, для безпрепятственнаго прохожденія своего начальника. Ни одинъ изъ пермяковъ, проходя черезъ воду (бродомъ или по лавѣ), не забудетъ одарить водяного, а если у такого прохожаго ничего нѣтъ съ собою, то онъ хоть нитку изъ гасника (поясокъ у брюкѣ) выдернетъ и броситъ въ рѣку. Водяного видали многіе; онъ является въ видѣ совершенно нагой женщины, которая расчесываетъ свои длинные волосы, засѣвъ гдѣ-нибудь между живыми кустами. Стоитъ водяному завидѣть кого-нибудь, онъ тотчасъ же бросается въ воду, причемъ бросается въ нее такъ ловко, что ни круговъ, ни пузырьковъ отъ его паденія не происходитъ. Изрѣдка водяной показывается и въ видѣ ребенка съ удлиненной къ затылку головой, усеянной короткими, мягкими волосами. Всѣ водяные живутъ въ домахъ; правда, самыхъ домиковъ никто не видывалъ, но многіе пермяки вытаскивали изъ воды солому, которая не могла быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ крышей водяного. Солома эта собирается водяными, когда бросаютъ въ воду солому, на которой обмывали покойника. Водяные не прочь и утащить къ себѣ человѣка; особенно часто это продѣлывается ими въ крещенское гаданье, когда дѣвушки приходятъ слушать, что дѣлается въ проруби. Всѣхъ водяныхъ можно заперать во время крещенской заутрени, вплоть до обѣдни. Сдѣлать это легко; стоитъ только положить крестъ на крестъ палочки и повернуть ихъ рукой съ права на лѣво, какъ

запирають замокъ. Такой замокъ или запоръ называется по пермячки «Йертанъ», очевидно исковерканное слово Гердань.

«Православный» пермякъ вѣруеть въ множество другихъ второстепенныхъ духовъ. Между духами попадаются и совсѣмъ добрые, но, духи по преимуществу, злые. Въ полѣ живутъ «полудницы» ¹⁾. Въ рудникахъ и штольняхъ обитаетъ «чугунная бабушка». Увидать ее—добра не ждаты.

Понятія пермяковъ объ Единомъ Истинномъ Богѣ весьма скудны. Большая часть изъ нихъ увѣрена, что каждая часовня построена въ честь особаго бога. Каждаго святого они считаютъ также за отдѣльнаго бога, требующаго, помимо молитвъ, и болѣе существенныхъ приношеній. Такъ наприм., на Марію Голендуху, слывшую за куринаго бога, въ подлежащую часовню приносятся куры, индѣйки и проч.; на праздникъ Флора и Лавра—«скотьяго бога» особенно въ «Кочѣ», Чердынскаго уѣзда, приводятся «невинные» быки, бараны и др. Въ ночь на названный праздникъ, особенно чтимый пермяками, приводятъ скоть изъ разныхъ мѣстъ, вереть за сто и болѣе. Не имѣющимъ лишняго скота не возбраняется принесеніе мяса. Часть приготовленнаго для жертвоприношенія мяса идетъ въ пользу нашего духовенства, т. е. православнаго, каковое и совершаетъ въ этотъ день молебствія. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ отношеніи пермяковъ къ иконамъ, таинствамъ и проч. укажу на факты. Къ одному изъ волостныхъ писарей пришелъ съ иконой св. Николая Чудотворца почтенный старикъ Ошибской вол. и спрашиваетъ: «Какого Бога купилъ?»—«Николая Чудотворца», отвѣчаетъ писарь. «Какъ Чудотворца?» вполношился старикъ и тотчасъ же побѣжалъ къ священнику, которому и повторилъ свой вопросъ. Послѣдній успокоилъ: «ты купилъ образъ святителя Николая». «То-то, удовлетворился старикъ» а то писарь сказалъ «Чудотворца» купилъ; это чтобы онъ въ избѣ-то чудесъ натворилъ!?... Вотъ какъ святитель, я поставлю его въ уголокъ—пусть святить. Чудотворца, говоритъ, купилъ! Я и на базарѣ-то, какъ выбиралъ, видѣлъ, что басенькій (красивый, хорошій, приглядный) старичекъ!» Въ 1895 г., въ Юсьвинской вол. одна изъ женщинъ, пріобщившись св. Таинъ, спросила священника: «А когда исповѣдаться-то будешь». Тамъ же въ 1899 г. пришелъ въ церковь во время причащенія (дѣло было великимъ постомъ) какой-то крестьянинъ и идетъ причащаться. «Ты зачѣмъ, говоритъ ему священникъ, вѣдь ты не говѣлъ?» «Нѣтъ,

¹⁾ Въ самое недавнее время въ полдни т. е. въ то время, когда выходитъ «полудница», ни одинъ человекъ не смѣлъ приняться за работу на открытомъ мѣстѣ. Обаяніе «полудницы» было велико, хотя еще и теперь рѣдкій ребенокъ войдетъ въ огородъ въ полуденную пору. «Полудница», по виду, здоровенная баба, всегда одѣтая въ вывороченную на выворотъ шубу. Ровно въ полдень она выходитъ изъ земли позавтракать и тогда ей не попадается—въ припадкѣ злости она можетъ съѣсть всякаго; въ остальное время она существо безобидное.

Батюшка, меня къ тебѣ съ пакетомъ изъ волости послали, да ты все не отходишь, вотъ я и пошелъ отъ скуки съ другими». Въ Кочѣ записана слѣд. записка: «Егорій храбрый, Микова Мивостивый, темные лѣса, лѣсные звѣри, свяжите и сохраните меня; матушка вода не прогвоти, а будь мивостива!» Подвоя дѣтей къ св. причастію, каждая мать старается не причастить своего ребенка первымъ или послѣднимъ: «это нездорово». При такомъ взглядѣ пермякъ на это таинство, во время причащенія, иной разъ происходятъ крупныя недоразумѣнія. Если матери покажется, что ея ребенку дали мало «счастья» или, если ребенокъ боленъ, то она или сама, когда много причастниковъ, или черезъ посредство своей родни и знакомыхъ, отправляетъ дитя за полученіемъ «счастья» во второй разъ; да и сами-то взрослые, великимъ постомъ, если приобщаются не къ одному, а изъ двухъ-трехъ придѣловъ, не прочь получить причастіе у каждаго изъ священниковъ. Во время молебновъ духовенству за частую приходится получать записки такого рода: «О здравіи Ильи, Петра, пестрой коровы, Авфисы, курять» и т. п. Духовенству приходится иногда считаться и съ просьбами такого рода: «Батюшка, отслужи молебенъ о здравіи рабы Агаіи», а потомъ, черезъ день-два: «батюшка, разслужи молебенъ, что и назначала». Эта просьба ясно указываетъ на происшедшую между пріятельницами размолвку. Уважая и почитая, по своему, Бога, пермяки требуютъ отъ Бога уваженія и къ себѣ, и къ своимъ трудамъ. Духовенство особымъ уваженіемъ среди пермяковъ не пользуется. Въ исполненіи разнаго рода и даже иногда языческихъ обрядахъ духовенство, усматривая себѣ пользу, пермякамъ не отказывается, но самага населенія, вѣроятно, въ виду его косности,—чуждится, забывая, что въ этой косности далеко небезвинно и оно само.

Характеръ пермяка странный. Еще весьма недавно пермяки не могли высказать на своемъ родномъ языкѣ чувство благодарности; да и теперь, если они говорятъ «спасибо», то лишь потому, что переняли это слово отъ русскихъ. Слово «здравствуй», «прощай» у нихъ также нѣтъ. Пришелъ, сунуль руку для рукопожатія—значитъ поздоровался; продѣлалъ тоже самое и ушелъ—значитъ простился. Еще болѣе замѣчательно то, что нѣтъ пермяцкаго слова, выражающаго понятіе о чистой любви. Напротивъ, что касается словъ, относящихся до любви нечистой, то въ нихъ пермяки перешеголяли насъ, русскихъ. Боровство—общій всенародный бичъ, распространено среди пермяковъ весьма сильно и за порокъ почти не считается: «у сосѣда есть, а у меня нѣтъ, а почему бы не наоборотъ»? Есть деревни, въ которыхъ не воры лишь тѣ, что лежатъ въ люлькахъ. Гостепримны пермяки въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Рѣзительно каждаго пришедшаго, даже совсѣмъ незнакомаго, а по праздникамъ и недруга, угощаютъ брагою и «кумышкою», впрочемъ послѣдняя, по нынѣшнему «монопольнымъ» временамъ, предлагается лишь хорошимъ знакомымъ.

Въ домѣ пермяка гостямъ и каждому встрѣчному прделается все, что имѣется въ печкѣ. Пермяки, по природѣ, отнюдь не злы, но до крайности скрытны и мстительны.

Было время, когда и пермякъ былъ вольнымъ и свободнымъ человѣкомъ, но вотъ въ 1564 г. появляется грамота: «И язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи Григорія Анникѣва сына Строганова пожаловаль, велѣлъ еси ему на томъ пустомъ мѣстѣ, ниже Великія Перми (города Чердыни) за восемьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по праву сторону Камы рѣки съ усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пызноскіе курьи, внизъ по обѣ стороны по Камѣ до Чюсовы рѣки, на черныхъ лѣсѣхъ городокъ поставити (разумѣется Орель) и около-бъ того городка ему по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни около того городка роспахивати, и дворы ставити, и людей ему въ тотъ городокъ неписменныхъ и нетяглыхъ называти» («Пермская старина» А. Дмитріева). Въ числѣ пустыхъ мѣстъ и рѣчекъ попали къ Строганову и рѣки Иньва, Обва и Коса, по теченію которыхъ жили пермяки. На основаніи грамоты они, какъ поселившіеся по рѣчкамъ, съ этого момента отъ вершинъ своихъ, пожалованныхъ Строганову, попали въ его полную зависимость, а въ силу повторнаго указа имп. Петра I въ 1700 г., 1 іюля («Указъ разнымъ бургомистрамъ объ утвержденіи за Григоріемъ Дмитр. Строгановымъ погостовъ по Обвѣ, Инвѣ и Косвѣ») отошло за него людей 14.003 чел. (Ф. Водегова), т. е. все жители окончательно попали въ полное и потомственное владѣніе Строгановыхъ. За крѣпостничествомъ пермякамъ дана была воля; за это время произошелъ такъ назыв. «караванный» бунтъ, описаніе котораго мною здѣсь помѣщается.

Понятіе о патриотизмѣ у пермяковъ совершенно отсутствуетъ, но за свое старое, насиженное мѣстечко, онъ постоятъ съумѣетъ. Впрочемъ, жители Юсвинской волости, по совѣту нѣсколькихъ своихъ однообщественниковъ, построили въ минувшее царствованіе Императора Александра III одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храмовъ во всей Пермской губерніи «въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости»; причемъ, не считая работы натурой, потратили на постройку этого храма почти 90 тысячъ рублей лишь на однѣ стѣны.

Главный родъ занятій пермяковъ—хлѣбопашество. Зимой, когда весь хлѣбъ съѣденъ, пермякъ идетъ на самыя трудныя, почти каторжныя работы, притомъ за безцѣнокъ. Однакоже и въ этомъ трудѣ за безцѣнокъ непригодность пермяка даетъ себя знать весьма чувствительно и заставляетъ его терпѣть многія бѣды отъ нанимателя—заводчика. Живутъ пермяки, по сравненію съ нашими крестьянами, зажиточно. Такъ, въ каждомъ домѣ найдете не одну лошадь или корову, а нѣсколько; въ достаточномъ же количествѣ

живется и другого мелкаго скота и разной домашней птицы до индюшек включительно, по никакой практической пользы ни отъ чего пермякъ не получаетъ. Коровы и слишкомъ мелки и мало удоины. Оно и не мудрено: кормятъ ихъ всю зиму яровой соломой, а весной, лѣтомъ и осенью—подножнымъ кормомъ. Что же касается сѣна, то его пермяцкія коровы не видятъ; въ зимнее время, въ добавокъ къ этому, коровъ не доятъ, такъ какъ пермянки говорятъ: «рукамъ ководно». Лѣтомъ доеніе коровъ тоже не въ лучшемъ положеніи, но это происходитъ отъ того, что скотъ пасется совсѣмъ безъ присмотра. Придетъ корова домой—подоить, не придетъ—искать стануть, и не сразу-то ее найдуть. Вообще рогатый скотъ содержится только для удобренія,—для навоза, а не какъ доходная статья. Всю мелочь: овецъ, куръ, индюковъ, утокъ, телятъ и проч. пермяки кушаютъ сами; для русскаго крестьянина такая роскошь едва ли даже понятна.

Умѣя брать для пищи вкусные продукты, пермякъ умѣетъ ихъ, въ добавокъ къ этому, еще и вкусно приготовить; однакоже грязь, грязь во всемъ его обиходѣ, грязь непролазная, грязь невѣроятная, зачастую и въ голодь, заставляетъ отвернуться отъ ихъ наиболѣе лакомыхъ кушаній. Такъ, въ Юмской и Зулинской волостяхъ Чердынскаго уѣзда у многихъ, даже очень богатыхъ домохозяевъ бражныя корчаги совсѣмъ не моются. Брага—питье, мучное, и густое; чтобы оно было крѣпче, его держатъ на печкѣ. Когда вся брага на исходѣ и корчага замѣтно опустѣла, въ ту же корчагу подливаютъ вновь заготовленный растворъ, на завтра тоже и т. д. Кто живаль въ деревняхъ, тотъ, вѣроятно, знаетъ, какое по истинѣ невѣроятное количество мухъ встрѣчается въ любой крестьянской избѣ. Вотъ эти-то мухи изо дня въ день ползаютъ по не промываемому, загрязненному липкими и тягучими остатками браги горшку. Мухи усердно несутъ свои яички въ подсыхающее и теплое тѣсто, а изъ нихъ въ самое непродолжительное время выходятъ малюсенькіе червячки. Эти червячки быстро растутъ, становятся прежирнѣйшими. Попали въ кружку,—ковырнулъ перстомъ, и нѣтъ досадника! Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Ошибской волости и кой-гдѣ въ Чердынскомъ уѣздѣ скотъ по зимамъ живетъ въ жилыхъ избахъ вмѣстѣ съ хозяевами, причемъ нечистоты (какъ скота, такъ и малолѣтнихъ дѣтей) не выбрасываются до Пасхи. Зато къ первому дню Свѣтлаго Христова Воскресенія вся грязь «тщательно» выскребается лопатой. Повсемѣстно посуда не моется не только между кушаньями, но и по нѣсколько дней. Вода изъ вонючихъ кадокъ не выливается до тѣхъ поръ, пока кадка годна для своего употребленія—отстой ила и разной другой дряни бываетъ непомѣрно великъ. Умывается пермякъ больше чѣмъ рѣдко. Да и въ то время, когда онъ умывается, глядя со стороны, и не подумаешь, что онъ продѣлываетъ именно эту операцію: плеснуть изо рта воды на руки, а съ

нихъ на лицо и—конецъ. Мыла для умыванія вовсе не употребляется и очень мало при стиркѣ бѣлья. Бѣлье носится обоими полами по долгу, а иной разъ и до тѣхъ поръ, пока держится на плечахъ, и носится такъ отнюдь не по бѣдности; моется же во всякомъ случаѣ крайне рѣдко и въ чуть теплой водѣ. Прямыми послѣдствіями такой невѣроятной грязи являются: трахома, тифъ, чесотка и милліарды паразитовъ. Половина пермяковъ поражена въ болѣе или менѣе легкой формѣ трахомой. Кажется большаго числа слѣпыхъ, какъ здѣсь, нигдѣ не найти. У одного отъ рожденія слѣпого пермяка, женившася на точно такой же женщинѣ, родился четвертый слѣпорожденный ребенокъ, и по закону нельзя слѣпорожденному воспрепятствовать вступать въ бракъ съ таковыми же. Не жестокъ ли законъ?

Распространенная здѣсь въ ужасающей степени чесотка не поддается описанію. Въ школахъ существуетъ правило о временномъ удаленіи чесоточныхъ дѣтей. Еслибы такое правило примѣнить къ пермяцкимъ школамъ, то всѣ онѣ должны бы и притомъ навсегда закрыться, такъ какъ нечесоточныхъ дѣтей не водится. Всѣмъ извѣстно, что лучшимъ средствомъ противъ чесотки слѣдуетъ считать чистоту; зная это, пермяки стараются соблюсти ее, но только, къ сожалѣнію, по своему. Невыносимый зудъ заставляетъ ихъ, въ концѣ концовъ, идти въ свои курныя бани, гдѣ они и парятся до одуренія. Грязныя бани грязи безъ мыла не смываютъ, а скорѣе прибавляютъ ея, хотя временно, подъ влияніемъ жара, зудъ и стихаетъ; за то, спустя нѣсколько часовъ, чесоточный зудъ еще быстрѣе прокладываетъ свои ходы подъ размягченной жарою кожей и, обезумѣвшій отъ зуда, пермякъ бѣжитъ вновь париться въ баню. Мученія чесоточнаго становятся наконецъ до такой степени нестерпимыми, что больной или отправляется въ больницу за лѣкарствомъ или самъ покушаетъ себя въ ближайшей лавочкѣ «чесоточную мазь». Снадобье это на видныхъ мѣстахъ стали выставять еще совсѣмъ недавно во всѣхъ магазинахъ пермяцкаго края и расходуетъ оно въ громадномъ количествѣ. Всѣ остальные заразныя и эпидемическія болѣзни, разъ только онѣ заберутся въ наши мѣста, собираютъ обильную жатву. Оспенная эпидемія 1895—6 годовъ дала смертность 537 ч. только въ одной Юсьвинской волости, на 348 человекъ родившихся въ ней за это же время. Сама борьба съ эпидеміями представляетъ немало затрудненій всегда и вездѣ, но у насъ въ пермякахъ этихъ затрудненій еще больше. Головная вошь считается пермяками за необходимую и неотъемлемую принадлежность каждаго человѣка, и ими не вычесываются; наоборотъ, еслибы таковыя насѣкомыя въ силу какихъ-то непоятныхъ условій, перевелись, то ихъ разводять, беря съ головы болѣе богатыхъ этими насѣкомыми. Не имѣтъ вшей не къ добру. При обрядѣ свадебномъ расплетенія косы, на полу, зачастую, вшей словно пшена насыпано. А вѣдь всѣ эти свадебныя обряды происходятъ

на глазахъ у всѣхъ: при молодомъ, при побъзжанахъ, и вопіющая грязь нибѣмъ не осуждается.

Начало борьбы со всякаго рода недугами начинается съ домашнихъ средствъ. Средства эти иной разъ заслуживаютъ полнаго вниманія врачей, а иной разъ они крайне наивны и весьма вредны. Къ числу домашнихъ средствъ нельзя не отнести «черъэшванъ» (вѣшаніе топора; черъ — топоръ и эшванъ — вѣсить, вѣшаніе. Къ черъэшвану прибѣгаютъ при разнаго рода недугахъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ, напримѣръ: при ревматизмахъ, коликахъ, головныхъ боляхъ, сыпяхъ и т. п. все равно имѣются ли они у людей или у домашнихъ животныхъ. Собственно говоря, черъэшванъ даже и не лѣкарство, а скорѣе заклинаніе, при помощи котораго можно вполне достоверно узнать: какой богъ или какой покойникъ нашелъ на больного (значить, недоволенъ и наказываетъ больного), кто, говоря по-пермяцки, устроилъ «мыжвись». Каждый святой, по пермяцкому вѣрованію, представляетъ изъ себя отдѣльнаго бога,—вотъ его-то именно и находятъ при помощи заклятія. Прежде всего, желая прибѣгнуть къ лѣченію при посредствѣ черъэшвана, берутъ «челпанъ» (коврига чернаго хлѣба), кладутъ его на столъ, зажигаютъ огарокъ восковой свѣчки и ставятъ ее передъ образами; къ образамъ же кладутъ щепотку хмѣля, завязаннаго въ какую-нибудь тряпку. Всѣ эти манипуляціи носятъ названіе: «вязать черъэшванъ». Помолясь передъ образами, вязущій черъэшванъ, беретъ съ божницы узелокъ съ хмѣлемъ и обводитъ имъ вокругъ больного мѣста или вдоль его у себя или животнаго. Если онъ занемогъ весь, то узелокъ обводится вокругъ всего тѣла и вокругъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ его. Въ это же время больной читаетъ извѣстныя ему молитвы. Наконецъ больной вновь кладетъ узелокъ къ хлѣбу, гаситъ огарокъ восковой свѣчки и кладетъ ее на божницу; затѣмъ туда же кладется и лежащій до сихъ поръ на столѣ челпанъ и узелокъ съ хмѣлемъ. Все положенное остается лежать на божницѣ до слѣдующихъ сутокъ. Чрезвычайно важно, чтобы все вышесказанное было произведено самимъ больнымъ. Разумѣется, если онъ ужъ черезчуръ плохъ, то тоже самое за него долженъ продѣлать кто-либо другой. По прошествіи сутокъ черъэшванъ (узелокъ съ хмѣлемъ, огарокъ восковой свѣчки и челпанъ) уносится къ черъэшванницѣ, которая принимаетъ всѣ эти вещи только у себя на дому. Если черъэшванъ принесенъ къ черъэшванницѣ рано утромъ, такъ что она до принесенія его еще не успѣла ничего ни попить, ни поѣсть, то она тотчасъ же приступаетъ къ дѣлу; въ противномъ случаѣ черъэшванъ оставляется у нея до слѣдующаго утра и, принесшій его, приходитъ узнавать о результатѣ на слѣдующій день. Личное присутствіе въ данномъ случаѣ никакой роли не играетъ. Самый обрядъ вѣшанія черъэшвана заключается въ слѣдующемъ. Черъэшванница затапливаетъ печь самымъ ран-

нимъ утромъ на тощакъ и закрываетъ ее такъ, чтобы въ печи оставались еще горящіе уголья. Затѣмъ, она беретъ изъ принесеннаго узелка огарокъ свѣчки и зажигаетъ его передъ иконами, къ образамъ же кладется и челпанъ съ хмѣлемъ, хотя чаще послѣдніе ставятся на столъ подъ образами. Продѣлавъ все это, знахарка долго и усердно молится Богу, шепча какія-то молитвы. Перебравъ ихъ, она гаситъ свѣчку и, положивъ огарокъ вмѣстѣ съ хмѣлемъ, высыпаетъ и хмѣль и огарокъ на горящіе уголья. Хмѣль при горѣніи начинаетъ слегка потрескивать. Это-то потрескиваніе и означаетъ, что, дѣйствительно, никто иной и ничто иное, а именно какой-то богъ «нашелъ» на больного (мызвись или мыжь). Пока въ печкѣ происходитъ сгораніе хмѣля и воска, знахарка приступаетъ къ самому важному дѣйствию—къ вѣшанію топора, приготовленному еще до молитвы. Вѣшаніе черъэшвана производится такъ: берется обыкновенный топоръ и подвѣшивается обыкновенно къ полатамъ такъ, чтобы топориче было въ положеніи равновѣсія, т. е., чтобы топоръ висѣлъ горизонтально по отношенію къ полу. Подойдя къ подвѣшенному такъ обр. топору и давъ ему время совершенно успокоиться, черъэшванница начинаетъ, все время не спуская глазъ съ топора и читая молитвы, перебирать имена всѣхъ тѣхъ святыхъ, какихъ только она сама знаетъ, напримѣръ: «Элекеѣя, Божьяго чемовѣка—Егвенской, Егорей—Крабвой Юсьвинской, Щиницинскій—Илья пророкъ, Кудымкорской—Микова Мивостивый» и т. д. до безконечности, пока не истощатся всѣ знакомые ей боги или же до тѣхъ поръ, пока висящій на подвѣскѣ топоръ не колыхнется. Если во время перебирания боговъ топоръ не закачается, то знахарка начинаетъ перебирать боговъ съизнова; тоже дѣлаетъ она, когда у ней закралось сомнѣніе при имени какого бога качнулся топоръ, хотя въ послѣднемъ случаѣ она повторяетъ только имена боговъ, введшихъ ее въ сомнѣніе, а въ первомъ случаѣ всѣхъ. Перебирая имена во второй разъ, она произноситъ ихъ значительно рѣже, съ паузами. Тотъ богъ, при имени котораго качнулся топоръ и есть искомый, ему-то и надо отслужить молебень, чтобы онъ не только теперь, но и впередъ не «находилъ». Послѣ такого молебна болѣзнь должно какъ рукой снять. Иногда бываетъ и такъ, что топоръ и не думаетъ качаться, а боги перебраны уже по два раза. Это обстоятельство съ точностью устанавливаетъ тотъ фактъ, что болѣзнь происходитъ не отъ бога, а отъ кого-либо изъ покойныхъ родственниковъ больного. Удостоверивъясъ такимъ образомъ въ невинности боговъ, черъэшванница начинаетъ перебирать имена покойныхъ родственниковъ больного, и если топоръ качнулся на чьемъ-либо имени, то это уже ясно означаетъ, за кого изъ родни надо отслужить панихиду, чтобы хоть этимъ путемъ избавиться отъ нежелательныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ вниманія покойника. Бываетъ иногда и такъ, какъ ни старается черъэшванница, сколько разъ ни перебираетъ она

имена святыхъ и покойной родни, а топоръ всетаки не качается, тогда она начинаетъ задабривать и боговъ, и покойниковъ усиленными просьбами и обѣщаніями. Въ этихъ случаяхъ знахарка, помимо молебна или поминанья, обѣщаетъ поставить «нашедшему» свѣчу въ длину больного мѣста (руки, ноги), или такую, которую можно было бы обернуть одинъ или два раза вокругъ больного мѣста (головы, туловища, шеи). Въ иныхъ случаяхъ обѣщаютъ сдѣлать прикладъ въ церковь (дать въ церковь холста, льна и т. п.). Когда знахарка узнаетъ имя напавшаго бога (объ мыжѣ), она сообщаетъ объ этомъ больному. Узнавши, какой именно богъ или покойникъ напалъ на него, старается, во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ него, т. е. исполнить обѣщаніе черъэшванницы, и так. обр. убогаторивъ бога, выздоровѣтъ самому. Такъ какъ огромныя свѣчи ставить неудобно, то таковыя обыкновенно скручиваются вдвое или втрое. Въ церквахъ нерѣдко можно видѣть такія свѣчи. Свѣчи эти дѣлаются всегда изъ желтаго, домашняго, не отбѣленнаго воска и рѣзко цвѣтомъ и формой отдѣляются отъ обыкновенныхъ церковныхъ свѣчъ. Принесенный отъ больного челпанъ съ воткнутой въ него какой-либо мелкой монетою остается въ награду за труды черъэшванницѣ. Всѣ знахарки, занимающіяся этимъ дѣломъ, пользуются у пермяковъ полнымъ уваженіемъ; какъ люди, сподобившіеся откровеній, онѣ никогда не остаются безъ щедрыхъ подаваній и посильныхъ наградъ отъ исцѣленныхъ при ихъ содѣйствіи пациентовъ. По большей части дѣломъ этимъ занимаются или сироты или вдовы, словомъ народъ бѣдный.

Помимо черъэшвана у пермяковъ масса лѣкарствъ, получаемыхъ ими отъ вѣжли в це вѣ (колдуновъ). Средства эти въ большинствѣ случаевъ самыя невинныя, самыя безобидныя. Особеннымъ почетомъ и особенно славою пользуются тѣ знахари, которыхъ слѣпая судьба наградила громовою стрѣлою. Судьба такихъ людей вполне обезпечена. При лѣченіи мелкихъ болѣзней, такіе счастливыцы шепчутъ какія-нибудь молитвы на воду, налитую въ чашку по знаменитой громовой стрѣлѣ, и этой водой поятъ или натираютъ больного. При болѣе серьезныхъ заболѣваніяхъ, въ воду соскабливается чуть-чуть самой громовой стрѣлы. Само собой разумѣется, что въ случаяхъ смерти никто и не подумаетъ обвинять въ этомъ вѣжли вца. Не всѣ однакоже средства такъ безобидны.

Однимъ изъ особенно славившихся знахарей былъ нѣкто Николай, крестьянинъ Егвинской волости, долгое время служившій въ должности церковнаго сторожа и еще совсѣмъ недавно почившій въ церковной сторожкѣ отъ каждому извѣстныхъ послѣдствій сельскаго праздника. Слава о немъ прямо-таки гремѣла, и къ нему пріѣзжали лѣчиться за нѣсколько десятковъ верстъ. Способовъ для излѣченія больныхъ у него было весьма много, и нѣкоторые изъ нихъ

нельзя не признать оригинальными. Вотъ одинъ изъ нихъ. Какъ-то позднюю осенью въ самую гололедицу олинъ и по нынѣ здравствующій крестьянинъ отправился за сѣномъ; сдѣлавъ свое дѣло, онъ залѣзъ на возъ и, понукнувъ лошадь, заснулъ, а возъ-то, какъ на грѣхъ, и угораздило опрокинуться. Грянулся мужикъ на землю прямо головою, свихнувъ себѣ шею. Посмотрѣлъ на него вѣжливецъ Николай, покачалъ головой, крикнулъ разъ-другой и велѣлъ ему раздѣться, Самъ же вышелъ изъ избы на дворъ, взявъ оттуда здоровое полѣно, принесъ его въ избу, розыскалъ два трехъ-вершковыхъ гвоздя и ими прибилъ конецъ полѣна къ лавкѣ. Николай положилъ на лавку больного, крѣпко прикрутилъ его къ ней, предварительно связавъ на груди руки. Надо замѣтить, что полѣно было прибито такъ, что приходилось какъ разъ противъ шеи, но съ противоположной вывиху стороны, т. е. съ лѣвой. Покончивъ съ больнымъ, Николай взялъ крѣпкое, новое, деревенской работы, полотенце и, сдѣлавъ изъ него петлю, захватилъ этой петлей голову больного, а затѣмъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на крики и мольбы жертвы, притянулъ голову за свободный конецъ полотенца къ полѣну и, обмотавъ конецъ за свободную часть полѣна, оставилъ больного лежать часикъ-другой. Когда больного отвязали, то оказалось, что средство подѣйствовало слишкомъ сильно; голова съ правой стороны плеча перекечвала на лѣвую. До сихъ поръ никто изъ многочисленныхъ пациентовъ Николай не можетъ сказать, какъ это случилось, что онъ не могъ пограть. Правда Николай предлагалъ больному исправить, и даже бесплатно, свою ошибку, да тотъ ни за что объ этомъ и слышать не хотѣлъ. Упрямаго человѣка конечно, лѣчить трудно, зато и до сихъ поръ ходить онъ съ головой свернутой на лѣвую сторону.

При оспѣ ребятъ, даже только что увидѣвшихъ свѣтъ, по разу, а то и по два раза въ день носятъ въ жарко нагретую баню, гдѣ и подпариваютъ (почти также лѣчатъ и сифились, давая при этомъ больнымъ сулему или внутрь или при посредствѣ подкуриванія). Въ домѣ, гдѣ появился больной, съ перваго же дня заболѣванія и до конца болѣзни не только не моютъ, но и не метутъ половъ; курить въ это время въ избѣ безусловно воспрещается, «чтобы не осердить оспицу». Очевидно, и оспица принадлежитъ къ категоріи боговъ или духовъ. Лѣчимый так. обр. ребенокъ все время находится или въ страшномъ банномъ жару, или въ промозглоѣ, вонючей и до нельзя грязной избѣ, постоянно охватываемый струями холоднаго (въ зимнее время) воздуха, врывающимися въ постоянно отворяемыя и затворяемыя двери. Всякое желаніе оспеннаго больного удовлетворяется, разъ только это представляется возможнымъ. Послѣдствія такого лѣченія оспенныхъ ужасны: нѣкоторыя деревни остались совсѣмъ безъ малолѣтнихъ. Сами пермяки называютъ эту болѣзнь «божья милость». Больныхъ, быть можетъ въ виду такого высокаго

происхожденія этой болѣзни, по возможности скрываютъ, такъ какъ пермяки свято вѣрятъ, что стоитъ только начать лѣчить, и «оспица» осердится.

Лѣкарство отъ запоя представляетъ изъ себя, по своей отвратительности, не только нѣчто невозможное, невѣроятное, но и то, о чемъ громко говорить не принято. Когда у напившагося до потери сознанія начинается наступать плачевное положеніе, т. е., когда онъ начинаетъ горѣть отъ вина (острое отравленіе алкоголемъ), тогда ему ложкою или лезвіемъ ножа раскрываютъ крѣпко стиснутые зубы и мочатся прямо въ ротъ, пока его не стошнить. Эта-то тошнота—убѣжденъ пермякъ—и спасаетъ больного отъ неминуемой смерти.

Всякаго рода наговоры, заговоры играютъ въ пермяцкой жизни большую роль, чѣмъ настои изъ травъ и сами травы. Если внимательно присмотрѣться къ жизни пермяка, то нельзя не увидѣть того, что эти христіане не смѣютъ и шагу сдѣлать безъ указанія вѣжлива. Сами колдуны крѣпко хранятъ свои тайны и только случай помогаетъ узнать эти секреты—«кабалы». Кабала въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ прошеніе, а такъ какъ это прошеніе пишется и подается лѣсному царю, то подъ понятіемъ «кабала» разумѣется прошеніе къ лѣсному царю. Пишется оно въ экстренныхъ случаяхъ, когда у мужика теряется лошадь или другая крупная скотина заблудится въ лѣсу. Въ этихъ случаяхъ, потерявшій идетъ къ вѣжливу и сообщаетъ ему о своемъ несчастіи. Колдунъ беретъ кусокъ бересты и, если онъ неграмотенъ, что почти всегда бываетъ, то чертитъ на берестѣ углемъ отъ правой руки къ лѣвой какія-то непонятныя каракульки, говоря въ слухъ въ то же самое время, что именно онъ пишетъ. По словамъ г. Теплоухова, грамотный колдунъ пишетъ свою кабалу также, но приэтомъ пишетъ буквы на выворотъ, такъ что кабалу можно прочесть лишь тогда, когда ее переписать на бумагу и читать съизнанки т. е. на просвѣтъ ¹⁾. Здѣсь приведу тексты кабалы какъ Теплоуховской, такъ и моей (см. рисунки ихъ). Въ обоихъ кабалахъ большое сходство. Прошеніе въ Теплоуховской кабалѣ гласитъ слѣдующее: «Лѣсному царю Митрофану Митрофановичу, прошеніе на лошадь; потеря же стала. У насъ же лошадь сивая и рублей пятьдесятъ стоитъ; чистое раззореніе намъ пришло. У насъ лошадь вы отпустите добровольно, лѣсной ты царь, Митрофанъ Митрофановичъ. Мы прокуды ничего тебѣ не думали сдѣлать, а ты намъ сдѣлалъ. Пожалуста, намъ отпусти лошадь; за чертой ты у насъ никуда не пошелъ (?). Если ты да не отпустишь, мы будемъ тебя то же беспокоить, другое прошеніе писать. На этой сторонѣ у насъ лошадь жила, должна быть у васъ въ рукахъ. Есть у васъ ваша дорога своя, а крестьянская у насъ особенная, куда лошадь пошли. Если ты добровольно отпустишь, мы будемъ тебя подарить. Такъ вы это отпустите пожалуста намъ...» ²⁾

¹⁾ Ниже я укажу, почему я не вѣрю этому разъясненію г. Теплоухова.

²⁾ Соч. Ф. А. Теплоухова. Кабала. Пермь. 1895 г.

Экземпляръ моей кабалы написанъ человѣкомъ безусловно неграмотнымъ и означаетъ слѣдующее: «На потерю лошади—лѣсному царю просьбу; гдѣ у насъ находится лошадь, 50 рублей стоитъ; быть тобы у васъ? Дайте намъ добромъ, мы бы вамъ жеваемъ поднести $\frac{1}{4}$ водки, да рыбный пирокъ. На это вы не согласны, то иначе. . . . Дорога (на самой кабалѣ въ это время производилась черта и на ней рисовалась елка) наша. Ежели вы добромъ не даете, мы станемъ съ вами ссориться».

Кабала пишется всегда въ двухъ экземплярахъ, одна гвоздемъ, другая углемъ. Написанная гвоздемъ, сжигается въ печкѣ, самимъ подателемъ прошенія, а другая, написанная углемъ, подается непосредственно лѣсному царю ¹⁾. Самая подача прошенія лѣсному царю производится такъ. Знахарь вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ, отправляется въ лѣсъ, въ которомъ, по мнѣнію потерявшаго, заблудилась скотина. Здѣсь на перекресткѣ двухъ лѣсныхъ тропокъ знахарь передаетъ кабалу черезъ лѣвое плечо, своему спутнику. Получившій кабалу или кладетъ ее на какой нибудь пенъ или прямо бросаетъ въ кусты; и то и другое онъ дѣлаетъ лѣвой рукой. Прочтя описаніе обоихъ кабалъ, вы видите, что какъ въ той, такъ и въ другой, находится обѣщаніе со стороны подателя отдарить лѣсного царя, причемъ въ экземплярѣ моей кабалы даже указано, чѣмъ и въ какомъ размѣрѣ. Очевидно, мой вѣжливецъ былъ болѣе практичнымъ. Оно и немудрено—ему въ это время было около 65 лѣтъ. Если скотина дѣйствительно отыскивается или, проплутавъ нѣсколько дней, сама выберется изъ лѣсу и придетъ домой, то писавшій кабалу обязанъ въ точности исполнить свое обѣщаніе и принести на то мѣсто, гдѣ было имъ оставлено прошеніе, обѣщанное угощеніе. Почти всегда въ ту же ночь, какъ исполненъ обѣтъ, принесенные дары таинственно исчезаютъ, съ ними же вмѣстѣ исчезаетъ и поданное лѣсному царю прошеніе. Вотъ главнѣйшая причина, по которой почти нельзя найти кабалу въ лѣсу. Стоитъ ли говорить, что знахарь зорко слѣдитъ за исполненіемъ обѣщанія и умѣетъ использовать дары лѣсного царя. Въ случаѣ неуплаты (подобные случаи рѣдки), тѣ же знахари, воспользовавшись первою оплошностью мужика, угоняютъ его скотину снова въ лѣсъ, но уже такъ, что ее никогда не увидитъ ни самъ крестьянинъ, ни его родня. Почешетъ тогда пермякъ свою голову и рѣшитъ: «за дѣло наказалъ меня лѣсной царь—я обманулъ его!» Выдать кабалу кому-нибудь въ руки не рѣшится почти ни одинъ знахарь. Во-первыхъ, это ему не выгодно; во-вторыхъ, хотя онъ и обманываетъ народъ, но самъ тоже въ существованіе лѣсного царя вѣритъ и по-

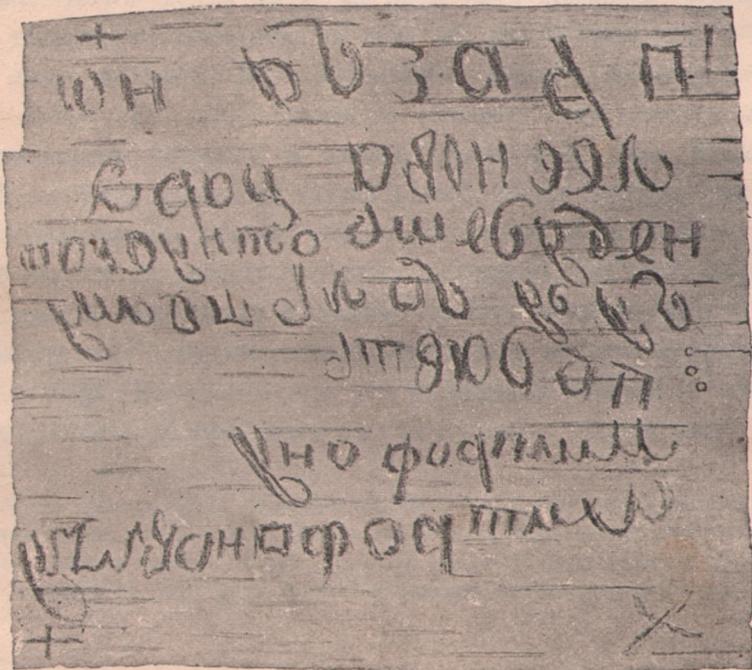
¹⁾ Это обстоятельство, очевидно, неизвѣстное г. Теплоухову, и ввело его въ заблужденіе, заставивъ думать, что у него не одна, а двѣ кабалы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, онъ имѣетъ или одну полную кабалу (какъ я) или, что мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, только половину ея, такъ какъ другая ея половина крайне подозрительна.

Кабала, принадлежащая Ф. А. Теплоухову.

№ 1.

№ 2.

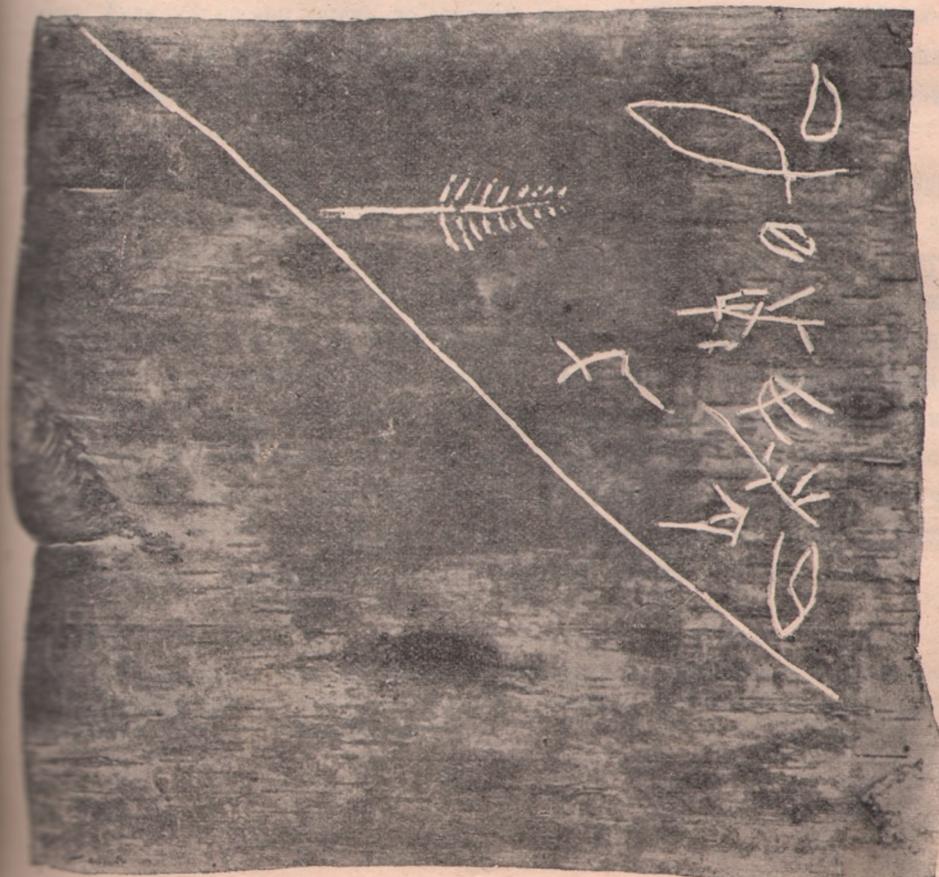

Набала, принадлежащая В. М. Яновичу.

№ 1 (писана углем).

№ 2 (писана гвоздем).

бывается его и, въ третьихъ, остальные вѣжливы, узнавъ о поступкѣ его, могутъ не только побить, но и убить его, какъ нарушителя ихъ профессиональной тайны. Найти самую кабалу въ полномъ ея видѣ невозможно: первая ея часть сжигается въ печкѣ, вторая же ея половина, оставленная въ лѣсу или уносится современемъ самимъ знахаремъ, или же первый дождь смываетъ съ бересты знаки угля. Да и гдѣ найти кусочекъ бересты въ вѣковомъ лѣсу?

Въ экземплярѣ Теплоуховской кабалы стоитъ знакъ вопроса, поставленный самимъ авторомъ, послѣ словъ: «за чертой ты у насъ никуда не пошелъ». Попытаюсь разъяснить его недоумѣніе. Подъ чертой, на концѣ которой или по срединѣ которой рисуется елка, подразумѣвается «лѣсная дорога». Подъ выше приведенной фразой надо разумѣть слѣдующее: «лошадь наша была не за чертой лѣсной дороги, у тебя есть своя дорога, есть и у насъ своя крестьянская, на ней-то и была лошадь; а разъ дѣло было такъ, то и ты не вправѣ переходить за черту своихъ владѣній». Кабала, имѣющаяся у г. Теплоухова, представляется мнѣ правильной только въ ея первомъ изображеніи; вторая же, какъ написанная слишкомъ грамотно для тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ она доставлена, можно счесть за поддѣльную. Судите сами: можетъ ли и хорошо грамотный человѣкъ—безъ очень долгой практики—писать буквы на выворотъ, да еще съ лѣвой стороны къ правой. Любопытно было бы знать: обѣ ли кабалы г. Теплоухова написаны углемъ или же одна углемъ, а другая гвоздемъ. Если обѣ писаны углемъ, то одна изъ нихъ—и несомнѣнно грамотнѣйшая—поддѣльна; если же нѣтъ, то можетъ быть я и неправъ, т. е., что у г. Теплоухова имѣются обѣ части кабалы и приэтомъ съ совершенно иными знаками, чѣмъ у той, что приобрѣтена мною ¹⁾.

Собственно кабала состоитъ изъ талона и квитанціи. Кабалу, писанную углемъ, иначе какъ квитанціей и не назовешь: вѣдь она служитъ только для опредѣленія мѣста, куда лѣсному царю за его добропорядочность принесутъ дары; талонъ же поступаетъ къ нему въ видѣ дыма. Достать всю кабалу можно только путемъ обмана, да и то не сразу. Такъ, я досталъ свою только при посредствѣ услужливаго человѣка, который, упросивъ колдуна написать кабалу на его въ то время дѣйствительно заблудившуюся лошадь, послѣ написанія наполнилъ его до безчувствія, и въ это время благополучно скрылся съ кабалою. Выкинуть эту штуку доставившій, однако же, рѣшился только потому, что черезъ нѣсколько дней долженъ былъ оставить Ошибскую волость навсегда. Также случайно, какъ удостовѣряетъ авторъ, досталась кабала и г. Теплоухову.

¹⁾ 1) Случай доставилъ мнѣ возможность убѣдиться въ справедливости моего предположенія. Колдунъ, писавшій кабалу г. Теплоухову, абсолютно неграмотный—бѣлый царь изъ Ошибской волости, по фамиліи Власовъ.

Роль знахарей не ограничивается писаніемъ кабалъ и черъэшваномъ. При описаніи крестинъ, свадебъ, похоронъ и вообще еще часто придется съ ними сталкиваться.

Перейдемъ къ описанію типа пермяковъ и ихъ одежды. По наружному виду, пермякъ чаще средняго роста и сложенія; онъ блондинъ или брюнетъ; послѣднихъ больше и лишь изрѣдка попадаются рыжіе. Глаза небольшіе, узенькіе, монгольскаго типа; у нѣкоторыхъ же субъектовъ прямо-таки не глаза, а щели. Между пермяками довольно нерѣдки случаи альбинизма, т. е. находятся люди съ красноватымъ зрачкомъ. Такой субъектъ имѣетъ замѣчательно бѣлые волосы, почему и называется «бѣлый царь». Люди эти видятъ днемъ очень слабо, и они всегда идутъ, прикрывая глаза рукой и прищуриваясь насколько возможно. Какъ пермяки, такъ и пермянки сильно скуласты. Растительность на бородѣ и усахъ развита весьма слабо, у многихъ ея почти нѣтъ. Пермяцкая одежда не затѣйливая. Женщины носятъ на головѣ шамшуръ (родъ нашего очипка) и поверхъ обвертываютъ платкомъ или шалью. Поверхъ исподней рубахи надѣвается дубасъ (среднее между юбкой и сарафаномъ) изъ домашняго синяго холста, поверхъ его фартукъ, чаще полосатый, на шеѣ накинуть платокъ, а талію охватываетъ покромка (поясокъ)—почти всегда домашней работы—красный или какой-либо другой съ кистями на концахъ. Ноги тщательно и довольно высоко обернуты онучами и обуты въ лапти. Пермяцкій лапоть отличается отъ русскаго тѣмъ, что онъ обшитъ опушкой изъ какой-либо матеріи, къ которой пришиты двѣ покромки; этими покромками придерживаются какъ сами лапти, такъ и онучи. Неимѣніе опушней и покромокъ на лаптяхъ — признакъ дурного тона и встрѣчается или у записнаго лѣвтя или у пьяницы. Поверхъ этой одежды одѣвается лѣтомъ синій холщевый шабуръ (пальто), а зимой шерстяной зицунъ; кто побогаче—носитъ и шубу. Мужская одежда, кромѣ обыкновеннаго, ничѣмъ не отличающагося отъ другихъ, платья, состоитъ еще зимою изъ холщевой накидки, представляющей изъ себя нѣчто вродѣ длиннаго фартука съ разрѣзомъ на груди, съ рукавами и широкимъ лоскутомъ, вродѣ матросскаго воротника, сзади. Этотъ фартукъ называется пермяками запономъ; запоны всегда или бѣлаго или синяго цвѣта. Шапки лѣтомъ круглыя, войлочные, киргизскаго образца, а зимой большія, самодѣльныя изъ овечьей шерсти. Рукавицы изъ собачьей или волчьей шкуры, огромныя и очень теплыя. Почему-то у пермяковъ даже и очень богатыхъ мало исподняго платья, да и дѣлается оно до-нельзя узкимъ. Послѣднее неудобство особенно сильно чувствуется пермянками. Случается, что во время беременности, рубаха у нихъ становится настолько узкой, что ее приходится разрывать отъ груди до подола. Иначе она никакъ не одѣвается, и ходитъ тогда бѣдняга въ такой рубахѣ въ замную стужу, едва защищенная отъ нея своимъ жалкимъ и, зачастую, сплошь изодраннымъ дубасомъ.

Отдѣльные части одежды называются лопотью, лопотиною; вся же одежда и бѣлье, и холсты—словомъ, все имущество—хламомъ. «Мужъ изодрава всю вопоть», говоритъ пермянка, когда у ней ея благовѣрный издеретъ одежду. «Весь хвамъ чисто-чисто и рубива»,—плачетъ она, когда пьяница-супругъ испортитъ все ея имущество. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ свои рубахи по-долгу, а порой попадаются и такіе любители, что не снимаютъ ея до тѣхъ поръ, пока она не спадетъ совсѣмъ съ плечъ. Сколько въ такихъ рубахахъ всякаго звѣрья, объ этомъ и говорить не стоитъ. Ребятъ одѣваютъ совсѣмъ попросту и у иныхъ, совсѣмъ еще малютки, бѣгаютъ не только лѣто, но и осень и даже зиму въ одной длинной рубашенкѣ сомнительной цѣлости. Повидимому, нигдѣ такъ не любятъ дѣтей, какъ среди пермяковъ, правда—по инымъ основаніямъ. Нигдѣ не встрѣтить такого множества пріемныхъ дѣтей и воспитанниковъ, какъ среди пермяковъ. Пріемышей много даже и въ такихъ семьяхъ, гдѣ бы, казалось, не только принимать, а скорѣе отдавать слѣдовало. Пермякъ не дѣлаетъ различія между родными и пріемными дѣтьми и, взростивъ ихъ совершенно одинаково, надѣляетъ изъ благопріобрѣтеннаго какъ первыхъ, такъ и вторыхъ. Бытовая черта замѣчательно гуманная. Если пермяки такъ любятъ дѣтей, то откуда же берутся воспитанники и воспитанницы?

Здѣсь вы встрѣчаете людей съ слишкомъ упрощеннымъ взглядомъ на жизнь. Понятія о цѣломудріи почти здѣсь совсѣмъ не существуетъ; непрочно и устойчива семейная жизнь. Несомнѣнно только одно: пермяки съ особеннымъ удовольствіемъ женятся на дѣвушкахъ, имѣвшихъ дѣтей, или находящихся въ послѣднемъ періодѣ беременности, и не вполнѣ довольны дѣвушками еще непорочными. «Еще когда своего наживешь—говоритъ пермякъ—а тутъ, глядишь, черезъ годъ-другой и борноволокъ есть (ребенокъ, управляющій лошадыю во время бороненья)». Братъ моего кучера долго искалъ дѣвушку съ ребенкомъ или, въ крайнемъ случаѣ, на сносяхъ. Наконецъ, судьба, повидимому, сжалилась надъ нимъ: подходящая дѣвушка нашлась. Предложеніе было сдѣлано, и родители были согласны выдать дочь, но родившагося у дочери во время переговоровъ ребенка (дѣвочку) категорически отказываются отдать. «Жениться—женись и дѣтей заживай, а эта на нашихъ хлѣбахъ выгулялась». Мнѣ какъ-то пришлось корить одну мать, пустившую свою дочь на гульбу въ болѣе, чѣмъ юномъ возрастѣ. «Вѣдь она ребенокъ еще», говорю я матери.—«А когда и погулять-то, какъ не смолоду», отвѣчала она. Рѣдкая дѣвушка выйдетъ замужъ за того шарня, отъ котораго имѣетъ ребенка: «не видала я его, что-ли», говоритъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣвица. Родители, по свидѣтельству одного изъ хѣстныхъ этнографовъ, Рогова, перваго бытописателя пермяковъ, убѣждены, что если сватаются за дочерей ихъ, то, вѣроятно, онѣ по крайней мѣрѣ въ мѣстной обществѣ, уже потеряли дѣвство. Потому-то нѣкоторые отцы, считая дочерей

своих невинными, оскорбляются сватовствомъ, бранятъ, выгоняютъ, нерѣдко колотятъ сватовщиковъ, приговаривая: «что разъ (т. е. развѣ) дочь моя пенна (отъ слова пеня, пенный—виновный), что пришелъ ты сватать»? Неимѣніе дѣтей для замужней женщины большое несчастье; ее бьютъ и корятъ все въ домѣ, а иной разъ и посылаютъ прямо-таки пригулять дитя на сторонѣ. Въ одномъ изъ мѣстныхъ волостныхъ судовъ было такое дѣло. Истецъ представилъ документъ, которымъ нижеподписавшіеся ставили условіе: истецъ отдаетъ отвѣтчику на годъ свою жену, съ тѣмъ, чтобы послѣдній, по истеченіи срока, представилъ ее обратно съ мальчикомъ; въ вознагражденіе за исполненіе условія истецъ платитъ нынѣ же отвѣтчику пять рублей. По истеченіи условнаго времени оказалось, что отвѣтчикъ хотя и возвратилъ истцу его жену и даже съ ребенкомъ, но не мужского, а женскаго пола. Истецъ, въ виду нарушенія договора вайма, проситъ присудить деньги обратно. Отвѣтчикъ не признавалъ этого иска, такъ какъ онъ старался выполнить условіе. Стороны помирились. Какъ плохо смотрятъ на честныхъ дѣвушекъ, показываетъ слѣд. совсѣмъ недавній фактъ. Къ одному изъ земскихъ начальниковъ пришла какъ-то молодая женщина пермячка съ просьбой о выдачѣ ей отдѣльнаго вида на жительство, въ виду того, что мужъ беспощадно бьетъ ее и жить ей совмѣстно съ мужемъ невозможно. — «За что же бьетъ онъ тебя. Вѣрно сама нехорошо себя ведешь», — спрашиваетъ ее земскій. — «Именно за то и бьетъ, батюшка, что съизмала себя хорошо держала». — «Какъ-такъ»? — «Да ужъ такъ. Честная я за него вышла, вотъ онъ теперь меня коритъ: даже въ дѣвкахъ была, никто на тебя не позарился; одинъ только я такой дуракъ и нашелся». На увѣщанія одного изъ священниковъ жить нравственнѣе одинъ почтенный старикъ отвѣтилъ: «да вѣдь мы, батюшка, и такъ по божьи живемъ; вѣдь Богъ-то плодиться велѣлъ, вотъ мы и плодимся, какъ умѣемъ!» Не удивительно, поэтому, что въ семьѣ пермяка рѣдко бываетъ тишь да гладь. Все семейные устои распатаны, взаимнаго уваженія и довѣрія нѣтъ и въ поминѣ. Понятія же о чистой, такъ облагораживающей семейную жизнь, любви не существуетъ даже и на языкѣ пермячкомъ. Семейныя отношенія среди пермяковъ плохи, особенно для женщинъ: побои, истощеніе отъ ранней и крайне развратной жизни, полное пренебреженіе къ охраненію организма въ предродовой и послѣродовой періоды, тяжелая работа— все это немало способствуетъ измелчанію народа. Мужчины бьютъ женщинъ сильно, бьютъ за все, порой и отъ нечего дѣлать. Жаловаться не приходится: бьютъ, вѣдь, свои домашніе; пожалуешься—еще и не такъ вздуютъ. Собственно сильныхъ побоевъ, по мнѣнію бьющихъ, не наносятъ. «Да нешто я билъ; я только ее съ полатей варовыми вожжами хлестнулъ», говоритъ супругъ, по поводу причитаній пѣжной супруги. Вообще въ дѣлахъ семейной расправы пермяки отличаются замѣчательной жестокостью, доходящей иногда до варварства. Въ силу

того, что женщина въ семьѣ не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, что на нее смотрять лишь какъ на самку, ей, какъ самкѣ, приходится выносить многое. Сожительство между родственниками сильно распространено среди пермяковъ. Снохачество—явленіе совсѣмъ заурядное; братья часто отбиваютъ женъ у своихъ братьевъ; нерѣдко даже прижитіе дѣтей отъ родныхъ сестеръ; бывають случаи и сожительства сыновей съ матерями и дочерей съ отцами. Случаи послѣдняго рода, конечно, немало способствуютъ вырожденію народа.

II.

Родины.—Крестины.— за тѣми, приемыши.—Свадебные обряды.—Угощеніе (столы, пелвнянь). — Похороны.—Помянки.—Душа покойнаго.—Заговоры отъ глазу.

Изъ дней особенно знаменательныхъ въ человѣческой жизни и особенно чтимыхъ всѣми и вездѣ, какъ именины и день рожденія, эти дни у пермяковъ наименѣе чтятся.

Родины сами по себѣ занимають послѣднее мѣсто; на нихъ смотрять небрежно. Заболѣвшую бабу уводятъ въ жарко натопленную баню, гдѣ на полу бросаютъ свѣжей соломы, а на нее и кладутъ роженицу. Къ больной приглашаютъ одну или двухъ старушекъ; иной разъ и больше; онѣ помогаютъ роженицѣ. Если, по мнѣнію этихъ лицъ, роды затягиваются слишкомъ долго, то онѣ начинаютъ мять бабѣ животъ, трясутъ ее, приподнимая то за ноги, то за руки и подвѣшиваютъ къ полку. Подвѣшиваніе производятъ или за руки, если ребенокъ идетъ правильно, или за ноги, когда ребенокъ идетъ неправильно. На совѣсти бабушекъ много не только вольныхъ, но и болѣе тяжелыхъ грѣховъ. Помимо чисто физической помощи, бабушки помогаютъ родильницѣ и употребленіемъ средствъ симпатическихъ. Къ таковымъ для облегченія родовъ относятся: расплетеніе волосъ у больной, испугъ ея и просьба, если только близко церковь, отворить царскія врата. Тотчасъ послѣ рожденія ребенка, мать или сама, если въ силахъ, или при помощи бабушекъ моется и парится, равно какъ обмываетъ и паритъ ребенка. Одна изъ бабушекъ въ тоже время отправляется къ рѣчкѣ или ключу и, зачерпнувъ тамъ пригоршнею воды, которую непременно черпаетъ не противъ теченія, а по теченію, спускаетъ ее по локтю въ туясъ (ведерко изъ бересты). Приэтомъ она нашептываетъ: «какъ вода на локтѣ не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя родильницы) ни уроки, ни призоры не держитесь». Такимъ образомъ черпается воды тридевять горстей (т. е. три раза по девяти), которыя считаются всегда съ отрицаніемъ, какъ говорится, «сзади»: «не одна, не двѣ, не три, не четыре» и т. д. до девяти. Заполучивъ такъ воды, бабушка беретъ ее въ ротъ и спрыски-

ваетъ ею съ березоваго уголька (черезъ уголь) какъ родильницу, такъ и новорожденнаго; послѣднему иногда на темя кладутъ немножко соли. Все это продѣлывается отъ «уроковъ» — отъ сглазу. Въ силу уроковъ вѣрятъ далеко не одни пермяки, а и люди весьма интеллигентные. Новорожденнаго, затѣмъ, приносятъ въ избу и передаютъ отцу, который и укладываетъ его въ люльку; роженицу же, напоивъ и накормивъ, оставляютъ въ покоѣ. Въ ближайшій праздничный день новорожденнаго несутъ въ церковь крестить. Здѣсь, послѣ обѣдни батюшка нарекаетъ одно имя для всѣхъ мальчиковъ и одно для всѣхъ дѣвочекъ, принесенныхъ къ крещенію. Отсюда иногда происходятъ недоразумѣнія. Имя, даваемое ребятамъ, чаще всего то, память чьихъ святыхъ чтится въ день крещенія. Оно бываетъ иной разъ слишкомъ мудренымъ, и кумъ или кума, возвращаясь съ ребенкомъ обратно домой, или забываютъ его или просто путаютъ. Иногда суровые батюшки даютъ незаконнорожденнымъ совсѣмъ мудреные имена, якобы въ наказаніе и назиданіе другимъ. Никакихъ празднествъ ни при рожденіи, ни при крещеніи не происходитъ, развѣ если къ случаю этому попала рыба, такъ испекутъ для кума и кумы рыбный пирогъ. Крестныхъ отца и мать и крестники, и крестницы почитаютъ иной разъ не только не меньше, но и больше своихъ родителей. Малютокъ кормятъ, если только представляется хоть сколько-нибудь возможнымъ сами матери, подбавляя молока изъ соски, а также браги, а чуть-чуть постарше, такъ съ полугода, переходятъ и на хлѣбъ. Какъ только малышъ всталъ на ноги, заботы о немъ покончились. Онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно и быть, гдѣ только пожелаетъ. Да и раньше-то уходъ невеликъ: совсѣмъ маленькій ребенокъ лежитъ въ своей люлкѣ на разномъ хламѣ и лишь изрѣдка, когда разрешается не въ мѣру, укачивается въ ней кѣмъ-либо изъ семьи. Никакой одежды младенцамъ не полагается, и даже въ церковь ихъ приносятъ завернутыми въ материнскія, порой крайне грязныя, юбки. Завертываютъ, какъ попало и въ тоже время не обращая никакого вниманія ни на крики, ни на поведеніе дитяти, матери бываютъ иногда виновницами ужаснѣйшей смерти своихъ дѣтей (напр., во время мороза). Съ достиженіемъ дѣтьми семилѣтняго возраста ребятъ начинаютъ учить. Вопросъ объ обученіи поставленъ въ настоящее время хорошо, жаль лишь одного — школь не хватаетъ.

Именины празднуютъ у пермяковъ очень рѣдко. Оно и неудивительно: мало кто знаетъ, когда онъ именинникъ, и этотъ день для нихъ положительно безразличенъ. Развѣ тотъ, кто видалъ, какъ въ другихъ мѣстахъ празднуютъ «ангела», напьется по этому случаю до-пьяна, предварительно сходявъ въ церковь, но, это бываетъ слишкомъ рѣдко.

Совсѣмъ не ту картину представляютъ свадебные обряды, они и замысловаты и своеобразно пышны. Свадьбы устраиваются чаще всего самими

родителями; вкусы жениха и невесты положительно игнорируются. Намъ извѣстенъ случай, гдѣ жениха, не пожелавшаго было жениться на избранницѣ родителей, презрѣдно выдрали, а затѣмъ и женили въ тотъ же операціонный день. О томъ же говорить и пермяцкая пѣсня:

Безъ меня, меня жонили,

Я на мельничѣ былъ.

Пріѣзжаю я домой,

Меня жавуютъ жоной.

Женятъ пермяковъ чаще всего въ самомъ раннемъ возрастѣ. Зато жены для нихъ берутся иной разъ не на одинъ десятокъ лѣтъ постарше—отгулявши свою волюшку. Поэтому, чуть не каждый пермякъ, какъ только стукнетъ ему лѣтъ тридцать—сорокъ, т. е. какъ только онъ станетъ въ разцвѣтъ силъ, становится обладателемъ предпочтеннѣйшей старушки, которая, въ силу причинъ естественныхъ, дѣлается и безусловно вѣрнѣйшей супругою. На нравственной сторонѣ семейной жизни такое положеніе вещей не можетъ не отзываться печально. Ранніе браки имѣютъ за собой только одно объясненіе: взять въ домъ, какъ можно скорѣе, здоровую работницу. Рѣдкій бракъ, заключается безъ посредства свата или свахи. Сватанье обыкновенно происходитъ такъ. Посланный родителями жениха свать или сваха, при входѣ въ домъ невесты, обращается къ родителямъ ея, предварительно помолвившись Богу, съ такого рода рѣчью: «пришелъ сватать, прошу не сердиться, водой не брызгаться, сажей не мараться, отпокомъ не кидаться (старыми лаптями), ожегомъ (палка, которой хѣшаютъ въ печи угля, отъ сгоранія она становится острой) не тыкаться. А станемъ говорить: ваша невеста, мой женихъ. Давайте-ка родню дѣлать (давайте-ка породнимся)». По обыкновенію, сватамъ сначала отказываютъ, но отказъ этотъ еще ровно ничего не значить. Сваты являются въ другой и третій разъ. Если ихъ при сватаньи напоили брагой, то, несмотря на отказъ, означаетъ, что предложеніе будетъ принято и родители невесты только куражатся. Въ противномъ же случаѣ, въ концѣ концовъ послѣдуетъ отказъ. Свать усиленно выхваливаетъ своего жениха и все его семейство; онъ увѣряетъ, что женихъ и спитъ и видитъ только одно—свою желанную невесту (это особенно бываетъ странно тогда, когда ни тотъ, ни другая другъ друга и отъ роду не видывали), что онъ исхудалъ, того и гляди помретъ, и что только это послѣднее обстоятельство, въ связи съ стариннымъ знакомствомъ съ такимъ хорошимъ человѣкомъ, да черезчуръ чувствительное сердце его, свата, и заставили его взяться изъ жалости къ жениху за совершенно незнакомое ему дѣло сватовства. Только этимъ способомъ онъ, оказывая жениху незамѣнимую услугу, докажетъ, какъ онъ цѣнитъ его прекрасныя качества. Въ свою очередь, и

родители невесты не отстают от свата и до небесъ восхваляютъ добрыя качества своей дочери. Пока сватовство не закончено, ни одинъ изъ родителей не преминетъ сказать, что лучше работающей, невиннѣйшей его дочери, хотя бы и на сносяхъ или съ борноволокнами, найти нельзя. Зато и свать, въ виду слишкомъ пылкаго чувства своего жениха, говоритъ, что за невестой ровнешенько ничего не надо. Потомъ, когда предложеніе принято, тотъ же свать уговаривается съ родителями невесты о приданомъ и тутъ уже старается урвать все, что только можно. Въ горячности дѣло, иногда, несмотря на первоначальный уговоръ, доходитъ и до драки. Сваты чаще всего прѣзжаютъ верхомъ на лошади и оставляютъ ее за воротами; какъ только дано согласіе, лошадь вводится во дворъ и ей даютъ сѣна. Въ то же время на хозяйскій столъ ставится, заботливо привезенная на случай удачи, водка. Распитіе ея составляетъ конецъ сватовства и затѣмъ идетъ просватанье. Самый фактъ этотъ въ настоящее время сводится къ небольшому: невеста потчуетъ водкою свата, а если съ нимъ женихъ, то—жениха, а потомъ и свата и, за тѣмъ, удаляется, а родители ея и свать начинаютъ рѣчь о приданомъ и подаркахъ для родни. Вопросъ этотъ весьма существенъ для обоихъ сторонъ и здѣсь то, глав. обр. и должна изощряться ловкость коварнаго свата. Подарки требуются не только всей роднѣ жениха, но и для всѣхъ поѣзжанъ; къ тому же, жениховская родня требуетъ подарки и для грудныхъ дѣтей. Дать слишкомъ много раззорительно, но страшно и мало дать. Тогда молодушку изѣдятъ покорами: нищенка! безприданница! Какъ только щекотливый вопросъ поконченъ, свать уѣзжаетъ и прѣзжаетъ обратно не позднѣе слѣдующаго дня вмѣстѣ съ женихомъ и его родственниками и поѣзжанами. Въ этотъ день совершается пропой, но не рукобитье (этого уже нѣтъ). Прѣзжаютъ возможно рано и ужъ ни въ какомъ случаѣ не позднѣе полудня. Прѣзжаютъ не съ голыми руками, а, судя по состоятельности жениха, привозятъ: четверть, полведра, а то и болѣе водки, пиво и брагу съ изюмомъ (болѣе хмѣльную и вкусную), рыбный пирогъ и прочее. Какъ только взошелъ женихъ, невеста накрываетъ на столъ, а ее родственницы устанавливаютъ на немъ все привезенное. Когда устройство стола закончено, жениха и невесту сажаютъ въ передній уголь и даютъ имъ въ руки новый платокъ. Платокъ этотъ новонарѣченные должны держать лѣвой рукой, каждый за свой уголь, до конца пропой, а конецъ этому пропою бываетъ иной разъ далеко за полночь. Къ этому надо добавить, что у пермяковъ выходить изъ-за стола до конца обѣда не принято. Во время пропой (по старому, рукобитья) женихъ угощаетъ невесту нарочно привезеннымъ для нея десертомъ: пряниками, конфектами, изюмнымъ пирогомъ и тому подобными лакомствами. Само собою разумѣется, что сугубо непраздными остаются приѣтомъ и родители, и поѣзжане.

Привезенная водка распивается чуть ли не моментально, за нею тотчас же появляется новая, приготовленная въ ожиданіи пріѣзда дорогихъ гостей родителями невѣсты, а чаще ими же сдѣланная кумышка; если же таковой въ домѣ нѣтъ, то подается или хмѣльное—прехмѣльное пиво или такая же брага. Какъ въ то, такъ и въ другую для крѣпости подливаютъ водку, спиртъ и даже ромъ. Конецъ рукобитью наступаетъ только тогда, когда всѣ поѣзжаны, а нынѣ и женихъ съ невѣстой перепились. Раньше было въ обычаѣ, что новонарѣченные держали себя съ смѣшною важностью. Теперь дѣло обходится безъ церемоній. Въ общемъ, вся картина современнаго рукобитья представляется безшабашнымъ пьянствомъ. Да и сами пермяки говорятъ: «у меня завтра пропой такой-то дочери», а не рукобитье. Впрочемъ изрѣдка употребляется еще и это выраженіе. Самый фактъ пропой или рукобитья составляетъ весьма существенное значеніе при просватаньи. Послѣ дачи слова еще можно отказаться, но послѣ пропой отказъ невозможенъ. Рукобитье—половина закона, и отказаться послѣ него значить «законъ разлучить», а это великій грѣхъ.

Свадьба назначается, по возможности, вскорѣ; вообще же просватанье и свадьба бывають въ одно промежговѣнье. Въ день свадьбы женихъ еще до сбора поѣзжанъ садится за столъ и за нимъ ожидаетъ пріѣзда гостей. Среди поѣзжанъ находится и заранѣе приглашенный вѣжливецъ, безъ котораго свадьба не обходится. Собственно говоря при совершеніи брачнаго обряда вѣжливецъ представляетъ изъ себя альфу и омегу и во всякомъ случаѣ играетъ большую роль, чѣмъ священникъ. Безъ указанія вѣжливецъ, даже безъ его позволенія, ничего и никому нельзя сдѣлать: ни встать, ни сѣсть, ни выпить, ни закусить. Онъ слѣдитъ за ходомъ всей свадьбы; отъ него точно зависитъ все счастье молодыхъ. Какъ только поѣзжаны усѣлись зимою въ сани, а лѣтомъ верхомъ (у пермяковъ какъ мужчины, такъ и женщины ѣздятъ лѣтомъ верхами, причѣмъ женщины и дѣвушки ѣздятъ по-мужски, и ѣздятъ прекрасно), вѣжливецъ обходитъ всѣхъ ихъ, треплетъ по шеѣ каждую лошадь, дуетъ ей въ уши, а о сани задѣваетъ ногой. Случись что-либо неладное въ поѣздѣ: напр., оглобля вывернись, вывалился кто-нибудь въ ухабѣ, это уже означаетъ нерадивость вѣжливецъ: видно, онъ полѣнился хорошо заговорить и, поэтому обязанъ тотчасъ же возобновить свой заговоръ. Присутствіе колдуна хотя и необходимо, но, въ тоже время, и никому нежелательно, такъ какъ онъ черезчуръ стѣсняетъ поѣзжанъ. Для постороннихъ же, т. е. не участвующихъ въ поѣздѣ, особа эта—прямо-таки наказанье. Кому, напр., охота заслонить дорогу такому чудищу. Волей-неволей приходится пермяку, зачастую съ тяжелымъ возомъ, сворачивать въ снѣжные сугробы. Да и нельзя иначе—не равно осердится и что-нибудь живо испортить. Хотя каждый вѣжливецъ и крѣпко силенъ, но все же между собою они не равны силою. Есть получше-покрѣпче, есть и по-

хуже-послабже. Разъ въ свадьбѣ принялъ руководство лучшій—сильнѣйшій вѣжливецъ въ данной мѣстности: поѣзжане чувствуютъ себя героями,—ихъ никто не испортитъ. Даже встрѣчныя свадьбы должны будутъ не только дать имъ дорогу, но и первыми поклониться. Необходимо замѣтить, что женихъ и невѣста кланяются всѣмъ встрѣчнымъ, и вопросъ о первенствѣ въ поклонахъ можетъ имѣть мѣсто только при встрѣчѣ двухъ свадебъ, да и эти тонкости свадебнаго этикета встрѣчаются лишь въ самыхъ захолустяхъ. Пока вѣжливецъ не пьянъ, онъ хоть и гость, но довольно опасный и для поѣзжанъ: всѣ боятся его и слушаютъ каждое его слово. Зато, когда колдунъ напьется до безчувствія, съ нимъ заводятъ не только ссоры, но и драки. Случается, что послѣ хорошей потасовки и самъ колдунъ отлеживается въ постели не одну недѣлю. Бьютъ вѣжливица только безобразно пьяного, такъ какъ въ это время, впредь до вытрезвленія, онъ теряетъ силу колдуна. Бьютъ же его за сдѣланный кому-нибудь до этого времени вредъ, т. е. самимъ поѣзжанамъ или ихъ родственникамъ, или ихъ знакомымъ. Такимъ несомнѣннымъ вредомъ признается порча лошади, свиньи, курицы и т. п. Грамотные пермяки (народъ болѣе развитой) потѣшаются надъ пьяными колдунами иначе: они читаютъ надъ кусочкомъ воска воскресную молитву и прилѣпляютъ этотъ воскъ къ его, колдуна, платью. Умный колдунъ, разъ онъ еще не потерялъ сознанія, замѣтивъ продѣлку, падаетъ на землю и начинаетъ ползать по ней. Онъ залѣзаетъ подъ лавки, иной разъ валится, какъ бы въ изнеможеніи. Разумѣется, всѣмъ этимъ онъ доставляетъ немалое удовольствіе окружающимъ, но въ то же время доказываетъ и то, что воскресная молитва ему не по нутру. Онъ въ близкомъ знакомствѣ съ врагами этой молитвы, съ духами нечистыми, отъ которыхъ и зависитъ всякая пакость въ Божьемъ мірѣ. Если же колдунъ ничего не замѣтилъ, то это уже какъ дважды-два доказываетъ, что онъ напился, и нечистая сила отъ него отступилась. Плохо тогда приходится бѣдному колдуну, но, въ видахъ сохраненія своего значенія, онъ безропотно подчиняется печальной въ этихъ случаяхъ участи. По возвращеніи со свадьбы, когда «начались столы» (см. ниже), оскорбленный и подвыпившій старшій вѣжливецъ завелъ съ новоявленнымъ (гость-шутникъ) споръ и доказывалъ тому свою силу. Да не на такового напалъ; шутникъ-колдунъ, съ нимъ и спорить не сталъ. «Куда, говоритъ онъ, тебѣ со мною тягаться не только въ силѣ, а и въ питьѣ: я тебя за поясъ заткну. Да что тягаться, тебѣ и стакана водки не выпить, коли я ее заклану, а ужъ если выпьешь, такъ все равно тебѣ свадьбы не выйдѣтъ». — «Не только одинъ, а два стакана выпью», кричалъ вѣжливецъ. Пospорили. Взяли по стакану, разошлись по разнымъ угламъ и стали творить надъ водкой какія-то заклятія. Потомъ подошли къ столу. Новый колдунъ взялъ отъ стараго стаканъ заговоренаго вина и однимъ махомъ выпилъ его, а, затѣмъ, подалъ ему свой стаканъ. Взялъ

его вѣжливецъ и, хотя крѣпко поморщился, всетаки весь выпилъ. Поѣзжане такъ и впились глазами въ спорящихъ. Смотрять поѣзжане—что за притча такая: мутить стараго вѣжливца, подбираетъ его, а молодой—ничего: пьетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Блѣднѣетъ старикъ и, въ концѣ концовъ, до того дошелъ, что хозяева пригласили его удалиться, такъ какъ рядомъ съ нимъ нельзя было сидѣть, а самъ онъ все еще не хотѣлъ сдаваться. Оказалось, что вмѣсто стакана водки шутникъ поднесъ колдуну цѣлый стаканъ кастороваго масла. Вѣжливецъ потерялъ всякій престижъ, а слѣд. и заработокъ. Онъ оказался шарлатаномъ, и многіе послѣ этого случая дивились, какъ они могли ошибаться. А иные прямо-таки говорили: «мы ужъ давно замѣчали, что онъ вовсе не колдунъ, а простой обманщикъ».

Самый обрядъ вѣнчанія оказывается невозможно дорогимъ: безъ освѣщенія и пѣвчихъ 8 рублей; съ малымъ освѣщеніемъ 9 руб. 50 коп.; съ большимъ освѣщеніемъ 11 руб., за пѣвчихъ, смотря по зажиточности, отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. Повѣнчанные, выходятъ изъ церкви въ церковную сторожку, гдѣ «молодой» расплетаютъ косу и расчесываютъ ее. Послѣ расчесыванія волосы молодухи заплетаются въ двѣ косы и на нихъ надѣвается шашмуръ—съ этого момента перьянка становится покрытой. По окончаніи этой церемоніи молодая достаетъ изъ запазухи рыбный пирогъ. Пирогъ этотъ во все время свадьбы лежитъ непосредственно у тѣла невесты, завернутый въ тряпицы, чтобы не простылъ. Пирогъ разламывается молодухою пополамъ; одна половина дается мужу, а другая берется себѣ. Какъ тотъ, такъ и другая обязаны съѣсть весь пирогъ тутъ же въ сторожкѣ. Только по исполненіи этихъ обрядовъ и, сообразуясь, конечно, съ указаніями вѣжливца, свадьба трогается въ обратный путь. Во время самага вѣнчанія ничего особеннаго не происходитъ, развѣ только можно отмѣтить, что платокъ, который держали вѣнчающіеся еще при рукобитии и во все время свадебнаго обряда и послѣ его до знаменательнаго ухода въ голбецъ, ни женихомъ, ни невестою не выпускается изъ рукъ. Боже упаси кому-нибудь пройти между брачующимися: этимъ онъ разлучаетъ законъ и такого, хотя бы и въ церкви, побьютъ преосновательно, отнюдь не обращая вниманіе на то, кого бьютъ. При чтеніи евангелія во время вѣнчанія невеста, разъ она правдивна, подходитъ къ аналою и кладетъ на евангеліе ленту, служащую потомъ прокладкою. Этотъ знакъ своей чистоты, называемый «красотою», невеста такъ обр. передаетъ Самому Богу. То, что обозначало раньше цѣломудріе, то, по нынѣшнимъ временамъ, стало обычаемъ. Обрядъ положенія ленты—эмблемы дѣвической красоты и чистоты вызываетъ нынчѣ сальныя улыбки и щипки. А между тѣмъ, раньше онъ вовсе не былъ такимъ дикимъ и страннымъ. Отдать, со стороны

дѣвушки, хотя бы и символически, самое дорогое, свою невинность, едва ли можетъ казаться смѣшнымъ.

Какъ только свадьба доѣдетъ до родительскаго дома, такъ начинается попойка, кончающаяся, по большей части, только на разсвѣтѣ. Никакихъ особыхъ обрядовъ при возвращеніи не соблюдается, хотя сами молодые и должны, изъ благоразумія, стережясь задѣть обо что-либо головой—это не къ добру случается. Поэтому, они всегда заходятъ въ низенькія двери пермяцкихъ избышекъ, перегнувшись чуть не пополамъ.

Какъ только новобрачныхъ покормятъ и попойтъ бражкой, то сейчасъ же ведутъ ихъ спать въ голбець (въ подполье). Обрядъ укладыванія молодыхъ просто до нельзя. Открывается голбець, куда по малюсенькой и зачастую чуть живой лѣсенкѣ спускаются въ предшествіи вѣжливца и свахъ съ шуточками и прибауточками, сначала молодые, а за ними и поѣзжане. Разсмотрѣвъ слишкомъ незатѣйливо приготовленное ложе молодыхъ и выпивъ бражки, поѣзжане уходятъ кверху, и въ голбець остаются только молодые съ вѣжливецомъ и свахами. Въ самомъ голбецѣ ставится для молодыхъ столъ, покрытый скатертью, на немъ вино, брага, кружки и рыбный пирогъ на закуску. Съ благословенія вѣжливца начинается, при помощи жены, раздѣваться молодой, а затѣмъ свахи раздѣваютъ и молодушку и укладываютъ ихъ обоихъ въ постель. Преподавъ, затѣмъ, нѣсколько необходимыхъ наставленій какъ мужу, такъ и женѣ о подчиненіи и благоповеденіи, свахи и вѣжливецъ уходятъ кверху допировывать и закрываютъ за собою подполье. Съ момента появленія вѣжливца изъ подполья, свадебная попойка доходитъ до своего зенита. Пьютъ за всѣхъ и за все; пляшутъ такъ, что кажется: вотъ-вотъ провалится полъ, и единеніе молодыхъ будетъ нарушено. Тостамъ при выпивкѣ нѣтъ числа: пьютъ за каждого гостя отдѣльно, пьютъ за горе и удачу, даже за дѣла подпольныя, въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Раннимъ утромъ еще не вытрезвившіеся поѣзжане начинаютъ будить молодыхъ. По выходѣ изъ спальни молодые отправляются въ баню почититься, т. е. помыться. Поѣзжане же во время мытья ихъ бьютъ о двери и стѣны ея разную глиняную посуду, разумѣется, уже никуда не годную. По приходѣ изъ бани молодая даритъ свою свекровку ею самую вышитою и сшитою рубашкою; рубаха эта, хотя и ночная, бываетъ роскошна. Сама же молодуха принимается за метеніе половъ въ избѣ. Гости шутятъ съ молодой и не даютъ ей мести, время отъ времени отбрасывая соръ назадъ; затѣмъ заставляя молодушку начинать свою работу съизнова. Понятно, что такое издѣвательство не проходитъ даромъ и поѣзжане время отъ времени бросаютъ на полъ кой-какую мелочь. Кто хочетъ покуражиться больше, вѣрнѣе—дольше, тотъ бросаетъ или монеты покрупнѣе или почаще. По окончаніи метенія

половь, свекровь, одѣтая въ рубашку (подарокъ молодухки) беретъ стаканчикъ или рюмку и съ нимъ пляшетъ, а гости въ это время вновь пьютъ и бьютъ нарочно для этого запасаемую и приносимую стеклянную и глиняную негодную посуду. Шутокъ и прибаутокъ въ эту пору не оберешься и «хорошей, молодой» дѣйствительно должно быть отъ нихъ тошно, но она, какъ и при метеніи пола, все должна выслушивать и переносить безропотно и встрѣчать всѣ выходки съ ласковой улыбочкой, а всѣ свои работы выполнить безукоризненно. Иные шутники во время пляски, желая подчеркнуть торжество, возьмутъ да и плеснуть на хорошую, бѣлую рубашку стаканъ краснаго или другаго вина, да бросать въ тоже время двугривенный на полъ. При видѣ такой щедрости не обижаться, а благодарить надо.

Когда оканчивается пляска, поѣзжанъ зовутъ «къ столамъ». Столы— это самое главный моментъ во всей свадьбѣ. Столами, собственно говоря, называютъ послѣ-свадебный обѣдъ. Готовить его молодуха, при помощи свахъ, родни и всѣхъ иныхъ стряпухъ. Чѣмъ больше кушаній въ смыслѣ перемѣнъ, тѣмъ богаче свадьба. Одно только мясо можетъ быть подано неоднократно: изъ шей, просто вареное, вареное съ картошкой, такое же съ капустой, мясо жареное, мясо рубленое. А какое же разнообразіе можно устроить изъ пельнянъ—традиціоннаго пермяцкаго кушанья. На свадьбѣ пьютъ рѣшительно всѣ, даже малые ребята; грудныхъ поятъ только теплой бражкой (тоже хмѣльной). Словомъ, столы устраиваются на славу, и за ними сидятъ иногда по полсутокъ, а смѣны блюдъ считаются десятками; браги, кумышки и пива истребляется столько, сколько только могутъ выпить поѣзжане. Второй день свадьбы—самый главный. Онъ называется большіе столы. У тѣхъ, кто побогаче, устраиваются и малые столы въ теченіе двухъ-трехъ дней. Разницы въ большихъ и малыхъ столахъ нѣтъ почти никакой; конечно въ послѣднихъ по меньше блюдъ и — только.

Приданое невѣсты всегда провѣряется свахами при отправленіи невѣсты въ церковь, въ присутствіи дружки съ жениховской стороны; провѣренное укладывается въ сундуки, выносятся и передается дружкѣ, который и ѣдетъ съ нею въ церковь, а оттуда, послѣ свадьбы, везетъ вещи къ молодымъ.

Такъ совершается свадьба въ заходустныхъ селеніяхъ, но въ тѣхъ изъ нихъ, что уже тронуты цивилизаціей, обряды нѣсколько измѣнились.

Попробуемъ дать возможно полную картину пермяцкой свадьбы.

Мать съ отцемъ, посоветовавшись между собой о женитьбѣ сына и, рѣшивъ, что женить его на такой-то—дѣло подходящее, пріѣзжаютъ сами или присылаютъ сваху къ родителямъ невѣсты. Тутъ снова начинается происходить вышеописанная процедура отказа и расхваливаній. Вся разница заключается въ томъ, что послѣ распитія нѣсколькихъ рюмокъ водки родители и сваты бьютъ по рукамъ, а новонарѣченные выходятъ изъ-за стола, подходятъ къ

образамъ и молятся Богу. Прослышавшія про рукобитье дѣвушки-подруженьки приходятъ послѣ богомолья въ избу и, угостившись теплой бражкой, начинаютъ пѣть невѣстину, женихову и др., хотя и подъ руководствомъ вѣжлива, но уже ломанныя русскія пѣсни.

Во время пѣнія какъ родственники, такъ и присутствующіе, по мѣрѣ силъ и возможности, подтягиваютъ хору, не переставая угощаться. Какофонія получается полнѣйшая.

Вообще почти все, что въ тѣхъ или другихъ случаяхъ поется пермяками, такъ или иначе заимствовано отъ русскихъ; только то, что сохранилось на чисто пермячкомъ языкѣ, можетъ быть, да и то только отчасти, признано за свое собственное, за чисто пермяцкое. Народнаго же пѣснетворчества, какъ оказывается по тщательнѣйшимъ розыскамъ (Роговъ, Шищенко и Дмитріевъ), слишкомъ мало, чтобы не сказать вовсе нѣтъ.

Какъ во время торжественнаго пѣнія пѣсней, такъ и послѣ, пирующіе угощаются на славу, кушая разные пироги (преимущественно рыбные). Только изрѣдка подъ слова пѣсни гости дарятъ деньгами то родителей невѣсты, то ее саму. Деньги эти моментально претворяются въ огненную воду, восполняя расходы хозяина. Подъ звуки пѣсень невѣста одариваетъ своего жениха, его родню и его присныхъ подарками, о которыхъ уговорились еще до рукобитья. Порядокъ отдариванья, какъ и всѣ прочія свадебныя обрядности отъ угощенья включительно, начинается со старшаго, т. е. со свекра и свекровки—ихъ въ большинствѣ случаевъ дарятъ самымъ дорогимъ, деньгами. При самомъ разѣздѣ съ рукобитья невѣста даритъ и жениха. Съ слѣдующаго за рукобитьемъ дня невѣста, въ сопровожденіи «вытчицы» и «дѣвокъ», начинаетъ ѣздить по гостямъ. Въ поѣздкахъ этихъ ее сопровождаютъ родственники ея и ея поѣзжане. Невѣстѣ подается, въ зависимости отъ ея благосостоянія, одна или пара или тройка лошадей, изукрашенныхъ лентами, бубенцами, колокольцами и другими побрякушками. Погостивъ у кого-либо, пріѣхавшіе, прежде чѣмъ уйти, поютъ пѣсню. Пѣсню эту сквозь елзы запѣваетъ вытчица, при чемъ не только поѣзжане и поѣзжанки, но и провожающіе со слезами поддерживаютъ ее. Пѣсню свою вытчица заводитъ не раньше, какъ встанетъ по срединѣ комнаты.

Стою я, молодешенька,
Среди столовой вашей горницы,
Среди пола дубоваго,
На бѣлокатанномъ войлочкѣ,
На сафьяновые башмачикѣ,
На бумажныя чувочки,
На свои рѣзвыя ноженьки.
Ужъ я кваняюсь моводешенька

Ниже пояса шевковаго.
Ужъ кого же я ищу-смѣкаю,
Не могу высмѣкати,
Сквозь очи сквозь туманныя,
Сквозь слезы сквозь туманныя,
Сквозь слезы горячія.
Своего родимаго батюшку
И родимую свою матушку. И т. д.

Здѣсь вытчица начинаетъ перебирать рѣшительно всѣхъ присутствующихъ, называя ихъ по имени и отчеству. Невѣста и поѣзжане становятся въ кругъ, хозяева дома благословляютъ ихъ и они уѣзжаютъ. Когда поѣздъ, въ концѣ концовъ, подѣзжаетъ обратно къ дому, то прежде чѣмъ войти въ домъ, вытчица, еще сидя въ саняхъ, снова заводитъ пѣсню, которую съ очень нетрогательнымъ единствомъ подхватываютъ нагостившіеся и наугощавшіеся поѣзжане.

На встрѣчу выходить изъ дому сестра или близкая родственница невѣсты, выносить съ собой теплую брагу или водку и подкуетъ ею невѣсту. Та низко, а чаще въ ноги, кланяется ей и принимается пить вынесенное ей питье. Покончивъ съ угощеніемъ, невѣста, за ней и всѣ поѣзжане входятъ въ домъ. Здѣсь съизнова начинается угощеніе всѣмъ тѣмъ, что за время отсутствія невѣсты изъ дому успѣли изготовить ея родители. Только что кончается угощеніе, какъ вытчица уже молится Богу, а затѣмъ начинаетъ новую пѣсню и поѣзжане, крестясь, выльзаютъ изъ-за стола, чтобы подтянуть и тѣмъ, посильно, помочь ей. Во время пѣнія пѣсень никакихъ плясокъ не происходитъ.

Затѣмъ, всѣ гости встаютъ съ своихъ мѣстъ (во время пѣнія обыкновенно вновь садятся за столъ и, отъ устатка, время отъ времени, потягиваютъ бражку) и вновь въ голосъ начинаютъ оплакивать невѣсту, а кромѣ того одариваютъ ее деньгами. Въ этомъ случаѣ пермяки крайне невзыскательны: самая мелкая монета принимается съ благодарностью. Тронутая общою любовью и сочувствіемъ окружающихъ, невѣста жалобно запѣваетъ.

Я стою моводешенька
На бѣвокатанномъ войочкѣ,
На свои рѣзвыя ноженъки.
Кваняюсь моводешенька
Своему любезному сватушкѣ
И сватьюшкѣ.
Поспѣшите дойти до меня,

До меня, моводешеньки,
Примите мои подарочки—
Не осудите любезные сватушки,
На мое одареньце—
Да на худое рукодѣйице,
У меня стойко свучивося.

Та же пѣсня поется невѣстой каждому изъ поѣзжанъ, причеиъ невѣста даритъ каждого посильно и какъ при рукобитыи было уговорено. Послѣ одариванія съ невѣстой остаются только ея подруги, которыя и помогаютъ ей снаряжаться къ свадьбѣ, т. е. заниматься шитьемъ на невѣсту. Снаряженіе (по мѣстному: стнаряженъе) продолжается, въ зависимости отъ богатства невѣсты, два-три дня, иногда недѣлю, а то и того больше. Наканунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты съ утра вновь начинается самое отчаянное вытье: справляется такъ называемый дѣвишникъ. Раннимъ утромъ всѣ дѣвушки посылаются за водой, а для за ней, онѣ поютъ.

Ужь вы, кумушки,	На Дунай рѣчку быструю.
Вы, подруженьки,	Ужь вы черпайте, мои кумушки,
Посъужите мнѣ, моводешенькѣ (не- вѣста идетъ съ ними же).	По пути воды бѣгучей.
Отъ роду мнѣ впервые,	Принесите мнѣ воду
Сегодня мнѣ въ посвѣднее.	И наварите щевуку.
Вы возьмите ведра	Наварите щевуки слизкіе—
На круты пвеча,	Хорошо мнѣ умыватися,
Идите вы по воду	Чисто стваражатися.

Вода приносится и ставится въ печь, а побѣзжанки, поочередно, расчесываютъ волосы невѣсты; приэтомъ какъ подруги, такъ и сама невѣста плачутъ и причитають. Если у невѣсты нѣтъ отца или матери, то въ честь ихъ поють номинальные стихи; такъ напримѣръ:

Подымайтесь-ка, вѣтры буйные,	На свои рѣзвыя ноженьки.
Со восточной сторонушки.	Направь-ка, родимый (ая) батюшка
Вы сдуйте же, вѣтры буйные,	(матушка),
Со сырой земли бѣвы свѣжки.	Сызоперыя кривышка,
Раздвойся-ка, мать-сыра земля,	Полетай-ка родимый (ая) батюшка
Расковися-ка гробова доска,	(матушка)
Распахнитеся, саваны бѣвые,	На сине морюшко.
Съ моего (ей)-то родимаго (мой) ба- тюшки (матушки),	Ужь ты смой-ко, родимый (ая) ба- тюшка (матушка),
Отопри-ка, родимый (ая) мой (моя) батюшка (матушка),	Со бѣва лича ражавчину,
Да свои очи ясныя.	Съ ретива сердца червоточены.
Да проснись-ка, родимый (ая) ба- тюшка (матушка),	Прилетай-ка, родимый (ая) батюшка
Да отъ сна, отъ вѣчнаго,	(матушка),
Отверзи уста свадкія.	Да въ нашу горенку.
Востань-ка, востань-ка,	Бвагосвовѣяйте меня, родимый (ая) батюшка (матушка),
Родимый (ая) мой (моя) батюшка (матушка),	Навсегда, да на всякое времячко.

Изъ печи достается горячая вода и ею начинаютъ мыть полъ въ избѣ; на полъ обильно постилають солому и уже на соломѣ начинаютъ плясать до сумерекъ, и снова приступаютъ къ вытью. Невѣсты изъ дѣвушекъ, да еще непорочныхъ, обязательно носятъ въ косѣ знакъ своего отличія отъ согрѣшившихъ до свадьбы—ленгу «красоту»; теперь ее носятъ всѣ дѣвушки, но раньше—

и еще совѣмъ недавно—дѣло съ «красотой» обстояло иначе. Итакъ невѣстѣ съ красотой пѣлись тогда еще особыя пѣсни.

Сумерки сумеркаются	Во свою праву рученьку,
О красной дѣвушкѣ.	Свою русу косыньку.
Цвѣтная красота	Развяжи авую ленточку
Бьется — убивается,	Предъ Пресвятую икону
Около дѣвушки завивается.	Божью Матерь.
Повно вамъ дѣвушки	Пусть она тутъ успокоится
Красоватся,	И отъ всего прихранится,
Пора времечку	Пока я буду умываться,
Разставатся.	Хорошо стнаряжаться.
Ты возьми-ка, красна дѣвушка,	

Дѣвушки идутъ топить баню, а когда истопятъ ее, то расплетаютъ невѣстину косу, садаютъ ее за столъ и поютъ.

Ужъ не восточка —	Развяжи-ка, родимая матушка,
Касаточка,	Мои авыя ленточки,
Она вьется—убивается	Расплети мою дѣвичью красоту.
Оково матушки родимой.	И въ говубушку трубчатую косу
Помоги-ка дойти-доступить	Не подымаются мои рученьки бѣвыя,
До меня, моводешеньки,	На свою буйну гововушку.
Да души красной дѣвицы.	

Мать, если же ея нѣтъ у невѣсты, то сестра или другая близкая родственница, расплетаютъ косу, затѣмъ невѣста проситъ благословенія у своего отца, матери и своего семейства и только послѣ благословенія, вмѣстѣ съ дѣвушками направляется въ баню. Сопровождающія ее дѣвицы, пляшутъ, а няня идетъ разряженными (замаскированными) и приэтомъ все поютъ пѣсни.

Наглядись-ка моя	На поя—на широкія,
Руса косынька,	На вуга — на зеленыя,
Наглядись-ка авая ленточка,	На все дороженьки
Какъ на небо съ синя-говубое.	И тропиночки.
На батюшку на свѣтбу—мѣсяць	Наглядись-ка моя руса коса
И на частыя мевкія звѣздочки.	На лѣса дремучіе,
Наглядись-ка моя русая коса	На рѣченьки быстрыя,
На все четыре сторонюшки:	На все уочки-переуочки.

Дѣвушки подходятъ къ банѣ, передъ дверьми которой останавливаются, заводя новую пѣсню.

Ужъ вы, кумушки-подруженьки,
Вы истопивили мнѣ банюшку.
Нагрѣли-ли воды горячія?

Накипятивили-ли щевоки слизкіе?
Приготовивили-ли вѣтошки шевковыя,
Мыва-то канфарныя?

Въ баню, гдѣ какъ невѣста, такъ и подруги ея моются, приче́мъ невѣстѣ ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ париться; это очень дурная примѣта: «выйдетъ замужъ и ея мужъ шибко парить (бить) станетъ». Баню для невѣсты топятъ подъ наблюдениемъ матери или кого-либо изъ родни. Дѣлается это для того, чтобы кто-нибудь изъ топящихъ баню не поколотилъ головѣшекъ: это самое ужасное обстоятельство для будущей жизни невѣсты и изъ-за такого недосмотра несчастная обречается на всю жизнь на битые супругомъ и его родней. По окончаніи мытья, вновь начинается вытье пѣсенъ.

Не спасибо вамъ, мои кумушки,
Не спасибо, подруженьки.
Не отмыли мои рученьки бѣвыя,
Не согрѣли мое тѣво бѣвое
Отъ вѣничка горячаго.
Не увадилось мое сердечико
Вашей этой тепвой банюшкой.
Раскатись-ка наша банюшка
На всѣ четыре сторонушки.
Становись-ка наша банюшка
Частымъ ельничкомъ
Да березничкомъ,

Чтобы не пройти бы,
Да не проѣхати
Моимъ-то сопротивничкамъ
Съ чужой дальней сторонушки.
Раззорись-ка наша каменка
На всѣ четыре сторонушки,
Становись-ка наша каменка
Крутой горой, крѣпкой стѣной,
Не прошли бы, да не проѣхали
Мои-то сопротивнички
Съ чужой дальней сторонушки.

Выйдя изъ бани, невѣста молится Богу на всѣ четыре стороны и, не плача, отправляется домой. Здѣсь, уже передъ самыми дверями, всѣ побѣзжане хоромъ начинаютъ вновь пѣніе съ всхлипываніемъ. Такъ какъ пѣсни перьяками поются во все горло, то пѣніе такое въ зимнее время, порой при сильномъ вѣтрѣ, да еще тотчасъ же послѣ бани, иногда влечетъ за собой гибельную простуду. Передъ дверьми дома поется пѣсня:

Не хотѣва, родимая матушка,
На мосту заморозити.
Прищипава рѣзвыя ноженки
Ко сафьянымъ ко башмачикамъ.
Прищипава бѣвы рученьки
Ко скобѣ ко желѣзной.
Я иду, моводешенька,

Не по прежнему.
И ступаю не по старому.
Иду же и сберегаюся,
Не подвалились бы
Переквадинки.
Не подвомились бы
Мостовиненки.

Изъ избы выходитъ мать или сестра невѣсты и выносятъ ей пить (брагу). Невѣста входитъ въ домъ, гдѣ ей вновь—и уже въ послѣдній разъ въ этотъ день—заплетають косу, причемъ «красота» въ нее уже не вплетается. Затѣмъ, садятся за столъ ужинать и, покончивъ съ нимъ, отправляютъ невѣсту спать, причемъ поютъ ей пѣсню: «Покорно благодарствую разлюбезному моему сватушкѣ». По окончаніи этой пѣсни всѣ присутствующіе отдариваютъ невѣсту деньгами и плачутъ, пригѣвая:

Я покорно благодарствую
Родимаго моего батюшку
И родимую мою матушку,
Васъ на грувну на зовотую,
На другую на серебряную.
Нашто же вы меня жавуете
Этой гривной зовотой.
Ужь и этой гривной зовотой
Мнѣ не святые храмы строити,
Не святыя иконы смѣняти.
Есть Божіи храмы—построены,
Есть святыя иконы—смѣняны.
Не откупится будетъ этой гривной

Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Отъ чужой дальней сторонушки.
Не отдарится будетъ гривной зовотой
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Отъ чужой дальней сторонушки,
Не отдарится будетъ гривной зовотой
Отъ чужаго чужь-чуженина.
Откупишься ты, родимый батюшка,
Отъ чужой дальней сторонушки
Моей-то буйной гововушкой.
Отдарисься, родимая моя матушка,
Моей-то дѣвичьей красотой
Чужому чужь-чуженину.

И т. дал.

Однако же родня, не взирая на обрядовыя завыванія, вновь даритъ невѣсту деньгами и приносить ей шамшуру—знакъ завтрашняго замужества. Это—знакъ, съ которымъ вышедшая замужъ никогда не разстанется при жизни, отъ котораго не избавится и послѣ смерти, такъ какъ шамшуръ снимается только въ банѣ и надѣвается на голову женщины даже при ея погребеніи.

Я бы дѣвица возрадовалася,
Душа моя возвеселилася.

Я еще бы дѣвушкой оставалася,
Да еще бы красовалася.

Много слезъ приходится пролить и невѣстѣ, и окружающимъ ея какъ въ этотъ, такъ и въ слѣдующій день. Не успѣетъ зазариться востокъ, какъ въ домъ невѣсты все приходитъ въ движеніе; вновь появляется угощеніе, вновь то заплетается, то расплетается невѣстина коса и, по прежнему, поются заунывныя, словно похоронныя, пѣсни, обильно, безъ всякаго сожалѣнія къ самимъ себѣ, приправляемыя слезами.

Ужь ты, восточка-касаточка,
Она вѣтается-увивается,

Оково матушки родимой.
Вы можете ли дойти-доступить,

До меня, до моводешеньки, До моей дѣвѣй красоты,
До души красной дѣвицы, Развязать авую ленточку,
До моей буйной гововушки, Расплести мою дѣвью «красоту».

И т. дал.

Каждому, по очереди, подошедшему расплести косу, поется пѣсня, съ соответственнымъ измѣненіемъ въ титулованіи. И въ этотъ день, какъ и накануне, всѣ перерасплетали косу, мать или иная близкая роственница (разъ невѣста сирота) выплетаетъ только на это время влетаемую ленту «красоту», и съ этого момента невѣста уже никогда въ жизни не можетъ вплести ленту въ свои косы. Всѣ присутствующія женщины вновь обступаютъ невѣсту и вновь невѣстина коса, но уже безъ ленты, расплетается подъ звуки пѣсни.

Не спасибо вамъ, кумушки,	Не выводить изъ-за стова дубаваго,
Не спасибо, мои подруженьки,	Не плететь мнѣ русу косыньку.
Обмануви меня, моводешеньку,	Не завяжетъ мнѣ авую ленточку;
Посадили за стоу дубовенькій.	Ужъ будетъ, видно, мнѣ красоватися,
Посмотри-ка, родимая матушка—	Пора мнѣ разставитися
Развязали мои авыя ленточки,	Со своей дѣвѣй красотой разставитися.
Расплели мою русую косу.	Ну, что такое свучивося.
Растрепавли мою буйную гововушку.	Куда дѣвать мнѣ свою «красоту»?
Нѣтъ, не жавѣть меня мамонька,	И т. дал.

Когда рѣшительно всѣ кумушки-подруженьки перебраны, пѣсня продолжается такъ:

Вотъ пошва тошно моя «красота»	Тутъ она остановивася,
Отъ меня—моводешеньки	Красной дѣвицѣ поквонивася.
По стову по дубовенькому;	Ты прощай, прощай, моя дѣвица;
Среди пова остановивася,	Ужъ не довго красоватися,
Низко всѣмъ поквонивася...	Пора-времячко разставатися.
Вотъ пошва моя «красота»	Вотъ заходятъ они
Съ душой красной дѣвицей,	Во Божью церковь.
И пошва—до дверей дошва;	Среди церкви становятся,
И пошва по новымъ сѣнямъ,	Во сваву своей церкви (курсивъ мой)
По крылечкамъ, по навѣсикамъ.	Богу молятся.
Вотъ и пошва наша «красота»	Свѣчи ярко зажигаютя,
И до саней дошва,	Попы, дяконы одѣваются;
Въ саночки садивася,	Двери царскія растворяются;
Во Божью церковь кативася.	Книги евангелья открываются...
Прѣзжаеть къ Божьему храму—	Вотъ пошва тошно наша «красота»

Прочь отъ красной дѣвухи
 Во святую книгу-евангелія.
 Тутъ она остановилася,
 Низко дѣвухкѣ поклонилася.
 Ты прощай-прощай, красная дѣвица,
 Хорошо мы съ тобой красовались.

Ужъ и гдѣ мы съ тобой увидимся,
 Гдѣ встрѣчу мы совстрѣтимся.
 И во снѣ мы не увидимся.
 Только разъ еще увидимся—
 Во христовъ день во заутреню.

По окончаніи пѣсни, всѣ встаютъ и молятся Богу, а невѣста, помолясь, проситъ у своихъ родныхъ благословенія. Получивъ его отъ родителей, она проситъ его отъ домашнихъ и отъ другихъ родственниковъ, послѣ чего, поддерживаемая подруженьками-кумушками и всѣми собравшимися на свадьбу, зазываетъ.

Я стою моводешенька
 Среди пова дубоваго
 На бѣвокатанномъ на войлокѣ
 На свои рѣзвыя ноженьки.
 Квакаюсь моводешенька
 Ниже пояса шевковаго
 Своему родимому батюшкѣ.
 Не прошу я у васъ, родимый батюшка,
 Не звата, ни серебра,
 Ни скатнаго жемчуга.

Прошу я у васъ,
 Родимый батюшка,
 Благословенница великаго.
 Хорошо-чисто мнѣ умыватися,
 Хорошо снаряжаться,
 Во Божью церковь ѣхати,
 Законъ божій принять
 Со чужимъ, со чужениномъ,
 Чудной крестъ цѣловати.

Тотъ же стихъ поется матери, братьямъ, сестрамъ, съ соответственнымъ измѣненіемъ въ именахъ. Всѣ родственники благословляютъ невѣсту словами: Богъ благословитъ». Послѣ этого въ избѣ, гдѣ часть ея около печи забрана тесомъ или занавѣсью (закутью), невѣста уходитъ за перегородку, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то спускается вмѣстѣ съ подругами въ голбець и уноситъ съ собой мыло и воду. За перегородкой женщины умываютъ невѣсту и снаряжаютъ ее. При одѣваніи прежде всего «лычиномъ» крѣпко-на крѣпко вяжутъ невѣстину бѣлое тѣло, а ужъ сверхъ его надѣваютъ рубаху, въ которую кладутъ шерсть и ленъ, чтобы они водились въ новомъ дому. Совѣмъ снаряженная къ вѣнцу невѣста выходитъ изъ-за перегородки, усердно молится Богу, вставъ— обязательно—по серединѣ горницы на бѣлокатанномъ войлочкѣ.

За кого же я Богу молюсь?
 За кого же я поклонъ повожу?
 За царя бваговѣрнаго,
 За царичу усердную.
 За кого Богу помолюсь?
 За кого поклонъ повожу?

Я за батюшку родимаго
 И за матушку родимую.
 За кого же Богу помолюсь?
 За кого же поклонъ повожу?
 За братчика родимаго,

За невѣстку—свою говубушку.	За чужихъ зововокъ-сестричекъ.
За кого же я еще Богу помолюсь?	За кого же еще Богу помолюсь?
За кого же я поквонъ повожу?	За кого поквонъ повожу?
За чужого отца-батюшку,	Да за чужаго чужь-чуженина,
За чужую свекровь-матушку.	За свою буйную гововушку.
За кого же Богу помолюсь?	Создай намъ, Боже и Господи,
За кого же еще поквонъ повожу?	Даръ здоровья намъ крѣпкаго,
За чужихъ-то деверей-братчиковъ,	Ума-разума хорошаго.

Свашить со стороны невѣсты, обыкновенно, крестная мать, а потому, какъ только она входитъ, освѣдомляясь предварительно, можно или нѣтъ ей войти, т. е. кончилось ли вытье, ее встрѣчаетъ невѣста пѣніемъ слѣдующей пѣсни. Пѣсню эту невѣста поетъ одна.

Восприемная крестная матушка,	Я бы еще дѣвушкой-то оставася,
Ты зачѣмъ поздно пріѣхава,	Весну красную красовася.
Когда я уже засватана	Разскажи-ка, моя кресенькая,
И совсѣмъ къ вѣнцу приготовленная.	Про чужую дальнюю сторонушку,
Ты тогда бы пріѣхава,	Про чужаго отца-батюшку,
Когда я быва не сосватанная.	Про чужую свекровь-матушку,
Сѣва бы межъ родимаго батюшки	Про чужаго деверя-братчика,
И межъ родимую мою матушку,	Про чужаго чужь-чуженина.
Разговорива бы ихъ о моей-то выдачѣ.	

Крестная маменька или сваха тотчасъ же подхватываетъ эту пѣсню и сердитымъ голосомъ поетъ ея окончаніе:

Разскажу я тебѣ, моя крестница,	Какъ чужіе-то деверья-братчики,
Про чужую дальнюю сторонушку:	«Какъ черные собои».
«Ровно зимонька студеная».	Какъ чужая чужь-чуженина—
Какъ чужой-то свекорь-батюшка—	«Великая зазнобушка,
«Въ поѣ ровно лютой звѣрь».	Безъ морозу тебя вызнобить
Какъ чужая-то свекровь-матушка—	И безъ вѣтру тебя высушить».
«Ровно звая мѣдвѣдича».	

Невѣста, за частую совершенно не знающая своего чужь-чуженина, по понятнымъ причинамъ, не только плачетъ, а рыдаетъ или, какъ говорятъ пермяки: говосомъ воетъ. Вытчица, подружки, да и вся родня, словно спохватившись, ревутъ, какъ только кто можетъ. Картина получается дѣйствительно потрясающая. Даже со стороны смотрѣть на нее жутко. Кажется, что не свадьба, а похороны самаго желаннаго, самаго дорогого дѣтятища совершаются

на вашихъ глазахъ. Такъ въ слезахъ и уже безъ всякихъ пѣсень ожидаетъ невѣста и поѣзжане пріѣзда жениха. Время тянется мучительно долго, но, вотъ вдали замѣчается надвигающійся поѣздъ жениха—зимой на нѣсколькихъ парахъ или тройкахъ, лѣтомъ верхами; тогда все сразу встряхиваются и заводятъ пѣсню:

Выѣзжаютъ кони вороные
Со чужой дальней сторонушки.
Мои бѣдутъ сопротивнички.
Не могъ ты, родимый батюшка,
Загородить тыномъ нелѣзнымъ
Меня, моводешеньку.
Не могъ запереть за замки крѣпкіе.
Налетятъ черны вороны,
Подхватятъ меня бѣвую лебедушку
За сиво-перья кривышки;

Утащатъ меня, моводешеньку,
На чужую дальнюю сторонушку.
Я не буду у васъ свуга вѣрная.
Догадайтесь, родимый батюшка,
Какъ торговаться моей буйной гововушкой.
Торговався бы, родимый батюшка,
Торговавъ бы ты, родимой,
Быками-то рогатыми,
А не мною, моводешенькой,
Не моей буйной гововушкой.

Какъ только женихъ подѣзжаетъ къ окнамъ, пѣсня, даже и не оконченная, прерывается, а съ нею вмѣстѣ прекращается и плачь. Вѣжливецъ жениха, такъ называемый первый шаферъ, слѣзаетъ съ лошади или выходитъ изъ саней и говоритъ: «Господи Иисусе Христе, помилуй насъ. Дома ли холостинъ»? На что домохозяинъ (—зайка) отвѣчаетъ ему черезъ окно въ избѣ:— «дома». Тогда колдунъ спрашиваетъ: «было ли сватовство; было ли просватанье; было ли обрученье»? Ему отвѣчаетъ: «Было». Тогда спрашивающій говоритъ: «нашъ князь просится въ вашъ дворъ въѣзжать съ подруженьками, со сватеньками. Какъ будете встрѣчать или самимъ въѣзжать»?— «Ну, хорошо, отвѣчаютъ изъ избы въ окно, встрѣчать выйдемъ; сами встрѣчать будемъ». Затѣмъ, колдунъ или первый шаферъ подробно и обстоятельно уславливается о томъ, чтобы сѣна лошадямъ было дадено до колѣна, а овса до щетки и, уже послѣ этихъ уговоровъ, командуетъ: «о томъ бьемся, о томъ кваняемся, нѣтъ ли у васъ звыхъ собакъ; нѣту ли у васъ звыхъ свиней. Звыхъ собакъ по цѣпямъ; звыхъ свиней по хлѣвамъ; старыхъ старухъ по поватямъ!» Ворота отпираетъ или братъ невѣсты или кто-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ. Отпирая ворота съ низкими поклонами, онъ успѣваетъ однакоже выговорить себѣ немного-не-мало, какъ-то, чтобы его напоили до-пьяна. Послѣ угощения братца, поѣзжане въѣзжаютъ во дворъ. Вѣжливецъ беретъ въ руку свѣчу, хлѣбъ, рыбный пирогъ, лагунъ съ пивомъ и входитъ въ избу, а поѣздъ остается во дворѣ. Входя въ избу, вѣжливецъ кладетъ передъ иконами поклоны и приговариваетъ: «Господи Иисусе Христе, помилуй насъ!»— «Аминь. Ваша молитва», отвѣчаетъ ему вытчица.— «Мы прибыли со всемъ повкомъ-поѣздомъ,

жива ли у насъ наша княгиня?» — «Жива и здрава», отвѣчаютъ ему. — «Вы меня-мнѣ не отвѣчаете, что ждрави», говоритъ вѣжливецъ и проходитъ за занавѣсъ, гдѣ сидитъ невѣста и тамъ продолжаетъ свой разговоръ. «Примите мои гостинчики со чужой, дальней сторонюшки». Гости невѣсты и сама она въ отвѣтъ на это поютъ.

Не приму ваши гостинчики
Безъ родимой моей матушки,
Со чужой, дальней сторонюшки
Безъ братчика родимаго,
Безъ родимаго отца-батюшки,
Безъ невѣстки говубушки.

На эту пѣсню за занавѣсъ приходятъ отецъ и мать и благословляютъ невѣсту, а вѣжливецъ, обращаясь къ отцу и матери, спрашиваетъ: «смѣтъ ширнуть, пырнуть; наша невѣста укуклилась ли (укуклилась ли, т. е. нарядилась ли, какъ куколка)? подойти къ ней, княгинѣ нашей на кунныхъ вапочкахъ, принести къ ней подарокъ черянянь (рыбный пирогъ) отъ нашего князя». Отецъ невѣсты отвѣчаетъ на это: «ширните, пырните, во дворъ пырните: наша невѣста укуклилась». Послѣ этого невѣста беретъ изъ рукъ вѣжлива подарки, подымаетъ ихъ на свою «буйную гововушку», а затѣмъ и откусываетъ что-нибудь обыкновенно отъ челпана, символизирующаго довольство. Люди зажиточные приносятъ не по одному, а по нѣскольку штукъ, и тогда невѣстѣ приходится знакомиться съ вкусомъ каждого изъ нихъ. Послѣ принятія подарковъ въ избу входятъ всѣ поѣзжане и вошедшаго жениха усаживаютъ въ передній уголь на невѣстину подушку. Сваха принимаетъ отъ жениха привезенные имъ подарки: шаль, ботинки, а иной разъ и сарафанъ и уходитъ съ ними за занавѣсъ къ невѣстѣ; подружки тотчасъ же запѣваютъ.

Свашенька-разсвашенька,	Вы можете дойти-доступить
Зачѣмъ скоро подскочива	До меня, моводешеньки,
Безъ спроса родимаго батюшки,	До моей буйной гововушки.
И родимой матушки?	Благословѣйте меня, моводешеньки
Не приму я ваше цвѣтно пватъице	Хорошо мнѣ стнаряжатися
Безъ родимаго батюшки,	Мнѣ въ Божью церковь ѣхати,
Родимой моей матушки.	Законъ Божій принять.

Отецъ и мать благословляютъ невѣсту. На невѣсту надѣваютъ шаль, на ноги ботинки и послѣ этого объявляютъ жениху: «невѣста готова!» Какъ только послѣдовало это объявленіе, встаетъ вѣжливецъ и говоритъ: «Господи Иисусе Христе, помилуй насъ. Моводой князь сидитъ за столомъ дубовенькимъ, за стовешенкой кедровой, за скатертью шитой-браною, за питьями за бражными, за явствами за свадкими; кваняется низко своему боярину со боярушкой: нельзя ли вывести ему княгиню вашу за бѣвыя ручки, за бумажный

платочекъ. Время али не время выводить. Говорять, что время? После этого запроса одинъ изъ братьевъ или близкихъ родственниковъ отправляется за занавѣсъ и поеть.

Я не выйду и не выступлю	Мнѣ въ Божью церковь ѣхати
Изъ кути-занавѣса	За чужь-чужимъ чужениномъ,
Безъ родимаго батюшки,	Мнѣ законъ Божій принять,
Безъ родимой моей матушки.	Чудный крестъ цѣловати:
Бвагосъовѣяйте меня моводешеньку	Бвагосъовѣяйте меня все крещеные!

Невѣсту выводятъ на середину избы, гдѣ она начинаетъ молиться, отвѣщая три поясныхъ и три же земныхъ поклона и кланяется на все четыре стороны, затѣмъ, отвѣщая особый поклонъ жениху. Когда она сядетъ, за столъ ставятъ ей стаканъ водки, брагу. Въ рукахъ жениха и невѣсты вновь появляется платокъ, что былъ при рукобиты. Сваха подноситъ невѣстѣ опояску, и та лично опоясываетъ ею жениха, который и отдариваетъ свою ласковую квягинюшку деньгами. Поѣзжане, по приглашенію вѣжливаца, присаживаются къ столу и, наконецъ, отправляются въ церковь.

Вторая свадьба, описанная мною, происходила въ мѣстахъ обрусѣлыхъ. Рѣдко что измѣняется въ ней. При укладынн молодыхъ въ голбцѣ такъ же присутствуютъ сваха и вѣжливецъ; также въ присутствіи ихъ происходитъ раздѣланіе молодыхъ, причеиъ укладывая ихъ въ постель, вѣжливецъ говоритъ: «стану, я рабъ божій, бвагосъовясь, выйду изъ дверей въ двери на красное совнышко, подѣ бѣвый мѣсяцъ, подѣ часты мевки звѣзды. Пройду въ лѣсъ, во темномъ лѣсу избушка, тутъ есть Мать Присушая; подойду поближая, поквонюсь понижая. Я хочу (такихъ-то) присушить, праву ручку поцѣвую, о чемъ и прошу». Тутъ, закрывая молодыхъ одѣяломъ, доканчиваетъ: «Аминь» и уходитъ.

Иногда на другой день свадьбы все поѣзжане раннимъ утромъ отправляются къ рѣчкѣ мыться, вооружившись, кто чѣмъ смогъ: помеломъ, заслонкой, ведрами и т. п., причеиъ вся эта ватага идетъ на рѣчку съ шутками-прибаутками и звономъ въ свои инструменты. Придя на рѣчку, молодая бросаетъ—богатая мелкую монету, а бѣдная шерстинку изъ опояски: это она отдариваетъ водяного, чтобы онъ къ ней былъ добрымъ. При умываніи происходятъ комичныя картинки. Только кто-нибудь вымылся, глядь—ему вымазали все лицо сажей или грязью. Шутки эти нравятся не каждому. Свадьбы устраиваются родителями, а сама молодежь не при чемъ. Иной паренъ работаетъ гдѣ-нибудь на заводѣ всю зиму, приѣзжаетъ домой, а ему тутъ и объявляютъ: черезъ недѣлю вѣнчать будемъ; въ такой-то волости, такую-то дѣвку высватать. Лѣтомъ, самъ знаешь, работы въ волю, матери одной не управиться

будеть; чѣмъ стропную (работницу) держать, лучше стряпку въ домъ взять. Жена называется «стряпкой», а мужъ «работникомъ». Взять на себя работника значить — выйти замужъ. За частую ни женихъ, ни невѣста другъ-друга и въ глаза не видали. Приѣдетъ женихъ и видитъ — уродъ его невѣста. Пере-терпитъ до свадьбы, зато потомъ... тяжелое житье и отъ мужа, и отъ всѣхъ нелюбимой бабѣ! Не лучше бываетъ и тогда, когда женихъ не нравится невѣстѣ. Вѣроятно поэтому-то, такъ часто замѣчается полная отчужденность между супругами-пермяками. Они точно стыдятся сказать другъ другу ласковое слово не только при людяхъ, но даже и съ глазу на глазъ. Чаше всего супруги даже не называютъ себя по имени, а какой-либо кличкой и, притомъ, далеко не поэтичной. Вотъ подъѣхалъ къ дому пермякъ; ему лѣнь самому отворить ворота и онъ во всю мочь кричитъ: «Кага, каа-га!» (ворона, ворона). Зато собственныхъ именъ не знаютъ. Въ воинскихъ присутствіяхъ часто приходится наблюдать слѣдующее. — «Какъ зовутъ жену? Сколько ребятъ?» спрашиваютъ тамъ. — «Не знаю, сейчасъ спрошу у сосѣда», отвѣчаетъ вопрошаемый. Когда его вновь съ удивленіемъ спрашиваютъ: «да неужели же сосѣдъ лучше тебя знаетъ имена твоей семьи». Тогда пермякъ съ убѣжденіемъ въ голосъ, какъ о какой-то непреложной истинѣ, говоритъ: «какъ же, въ сусѣдскомъ дѣвѣ какъ не вучше знать».

Кромѣ упомянутыхъ свадебъ, бываютъ еще свадьбы «убѣгомъ». Собственно говоря это фокусъ — никакого убѣга не происходитъ, а просто разъ люди слишкомъ бѣдны, и столы имъ не по карману, они вѣнчаются въ тихомолку и тѣмъ избѣгаютъ расходовъ. Случается иногда, что всѣ расчеты относительно богатой невѣсты распадаются прахомъ по совершенно не зависящимъ отъ сторонъ обстоятельствамъ; напр., только что выѣхали со двора, а навстрѣчу попалась собака, приходится сватовщику возвращаться домой и сообщить домашнимъ: «не добрая встрѣча — собака попалась, не поѣду сватать, такая же злая сноха будетъ, не надо ее». Зато попадись навстрѣчу свинья — лучшаго и желать не надо.

Жизнь молодыхъ въ первый годъ идетъ обыденнымъ порядкомъ и въ ней только и выдается то, что въ первый годъ ни молодой, ни молодухка не говѣютъ и не ходятъ ни къ кому на похороны. Въ сборное воскресенье всѣ молодухки приѣзжаютъ въ церковь и здѣсь встрѣчаются съ своими подруженьками. Послѣ обѣдни всѣ онѣ выходятъ на паперть, тутъ повѣствуютъ о своихъ горяхъ и злключеніяхъ и приэтомъ, конечно, ревутъ. Пермяки говорятъ про нихъ: поѣхава «сковородники» продавать (губы при плачѣ слегка отвисаютъ).

Церковь пермяки посѣщаютъ неохотно; но стоитъ кому-нибудь заболѣть или слегка прихворнуть, и они, боясь смерти безъ покаянія, шлютъ за попомъ. Встрѣтить мужика или бабу, соборованныхъ пять-шесть разъ, вовсе не удивительно; скорѣе трудно найти пожилого человѣка еще ни разу не соборованнаго.

Трудно больного кладутъ подъ образа и еще живого начинаютъ оплакивать. Пока скончавшагося обмываютъ бабы, мужики, родственники умершаго сколачиваютъ гробъ—самый грубый и по формѣ и по исполненію. Всѣ стружки и щепки, остающіеся отъ гроба, кладутъ въ него же. Одѣтаго въ чистое бѣлье покойника укладываютъ въ гробъ, закрываютъ плотно крышкой и ставятъ на нее кусокъ новаго холста. Затѣмъ гробъ выносится изъ избы и ставится на дровни, по возможности никуда негодныя. Гробъ ставится на дровни во всякое время года, т. е. и лѣтомъ. Плотно привязавъ гробъ, чтобы онъ не упалъ, жена, мать и другіе родственники садятся на крышку гроба, захвативъ съ собою челпанъ и предварительно обернувъ его пояскомъ, какой носится у лаптей. Верхомъ на лошаденку залѣзаетъ возница и поѣздъ съ едва-едва остывшимъ покойникомъ тихо трогается въ село. Первому, кто попадаетъ на встрѣчу, бросается взятый изъ дома челпанъ—«на поминъ души». Бѣда тому, кто, по незнанію этого обычая, не приметъ хлбѣвъ. Такимъ пренебреженіемъ онъ тяжко оскорбляетъ душу умершаго и за такое оскорбленіе иногда можетъ чувствительно поплатиться боками и во всякомъ случаѣ выслушать немало ругани. Бабы во всю дорогу навзрыдъ плачутъ и причитаютъ по умершему. Иногда и здѣсь, для большаго парада, приглашается вытчица. Вотъ нѣсколько образчиковъ завыванія по умершимъ.

Подымитесь, вѣтры буйные,
Со восточной со сторонушки,
Раздуньте-ка, вѣтры буйные,
Со гвубокой-то со могивушки
Мать сыру-землю.
Раздвойся ты, сыра-земля,
Раззавись гробова доска
У моей-то родной матушки,
Распахнитесь, саваны бѣвые.
Ты встань-ко, встань,

Родимая моя матушка.
Отвори-ко очи ясныя,
Посмотри-ко на меня, моводешеньку,
Признай-ка меня, твоего дитятку,
Отверзи-ко уста свадкія,
Поговори-ка со мной рѣчь понятную.
Ты уважь мое сердечико,
Разспроси у меня моводешеньки
Про мое житье-бытье сиротское.
И т. дал.

Надъ усопшимъ ребенкомъ причитаютъ такъ.

Дитя мое, мивое,
Дитя мое сердечное,
Бѣвое лебедушка,
Ясенъ ты мой сокоичекъ.
Куда ты взлетѣлъ
Мой сокоичекъ.
Во вѣчныя твои свояси.

Оставляешь меня сиротой
Вѣчно о тебѣ горевать.
Оставій ты мнѣ на память
Твой хорошій образъ
Ангейскаго лица,
Не могу я твой икъ зааа-а-абыыыть.

Провожая свекра, причитаютъ такъ.

Богдарный ты мой батюшка,	По утру ранешенько?
Не во пору, не во времячко	Кто намъ будетъ работу сказывать?
Оставявъ насъ моводыхъ.	Твой сынъ моводенекъ,
Какъ мы будемъ дома правити?	Я сама зевененька —
Кто насъ будетъ будить	Остаюсь съ мавыми дѣткааа-а-аамиини.

Надъ свекровкой поютъ слѣдующую характерную и полную житейскаго смысла и мудрости пѣсню. Въ этой пѣснѣ - причитаіи свекровка, женщинѣ — какъ вездѣ — суровой, воздается должное за то, чѣмъ она дѣйствительно не могла не быть полезной своимъ невѣсткамъ.

Богдарная моя матушка,	Не по моему дѣво дѣвають.
Веикая моя надѣюшка!	Возмутиться мое серце ретивое
Не во пору, не во времячко	И вспомниться богдарная
Подвомивись твои рѣзвыя ноженки,	Моя матушка.
Повавивась твоя буйная говоушка,	При веикой моей заботушкѣ
Опаи твои бѣвыя рученьки	Прійдемъ съ поя по вечеру поздненько,
И не будутъ мнѣ помогати.	Повстрѣчаешъ ты насъ, наша матушка,
И пойду я на лѣтнюю работу,	И все дѣо твое исправенное
Оставью я своихъ мавыхъ дѣточекъ	Да и про насъ ужинъ приготоувее-е-
Съ чужой-то свугой и замѣнушкой.	сеный.

Интересны причины плача у работницы.

На кого ты меня оставива,	Ученича моя!
Ученича моя (учительница-настави-	И любива ты и бива,
тельница)!	Ученича моя!
Кто мнѣ дѣво прикажетъ,	Наставья на умъ-разумъ ты меня,
Ученича моя!	Ученича мооо-о-оаяя!
Ужъ и тыжъ меня любива,	

Привезеннаго въ село покойника, первоначально оставляютъ на улицѣ, неподалеку отъ церкви; кто-нибудь изъ домашнихъ идетъ къ отпу-батюшкѣ духовному и просить его прийти и отпѣть, причемъ вручаетъ ему плату, сообразную съ желаніями семьи, т. е. за простой отпѣвъ, или за отпѣвъ со звономъ при внесеніи въ церковь, или же за отпѣвъ съ полнымъ звономъ, т. е. со звономъ какъ при вносѣ, такъ и при выносѣ изъ церкви. Батюшка и члены причта въ облаченіи выходятъ къ поѣзду. Родня снимаетъ гробъ съ дровенъ, а если это не подъ силу, то прямо на дровняхъ, по совершеніи краткой литіи, везетъ покойника къ церковной паперти и оттуда вноситъ въ церковь. По отпѣвѣ покойника, подъ колокольный перезвонъ и въ сопровож-

духовенства (а при неплатѣ ему дохода, безъ всего этого) гробъ выносятъ изъ церкви на кладбище. Могилы копаютъ весьма неглубокія. Какъ только похоронка выносятся изъ церкви, причитанія возобновляются и наиболѣе сильно возобновляются при опусканіи его въ могилу. Какъ только покойникъ закопанъ, причитанія прекращаются и поѣзжане уѣзжаютъ домой помянуть покойника. Торопятся выѣхать съ погребеніемъ изъ-за боязни покойника. По вѣрованію ихъ, душа покойника гуляетъ по свѣту гораздо дольше, чѣмъ самъ онъ. Эта душа во всякое время «по зводѣ» можетъ напугать и причинить много зла еще не покинувшимъ родныхъ скорби обывателямъ. Она, т. е. душа, всегда однакоже старается быть поближе къ своему тѣлу и, къ тому же, она еще безглаза—прийти ей отъ трупа не можетъ, поэтому, гораздо труднѣе, чѣмъ тогда, когда трупъ по близости. Вотъ почему и рекомендуется, какъ самое лучшее средство, для тѣхъ, кто желаетъ во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе избавиться отъ непріятностей, поскорѣе отстроиться съ тѣломъ покойника. Только эта боязнь, только это чувство опасенія сохраненія и заставляетъ пермяковъ продѣлывать разныя странности. Чтобы избавиться отъ безглазости, не приняла дровни за тѣло и не возвратилась домой обремененная, они еще и теперь очень часто оставляютъ дровни на кладбищѣ. Эти дровни или закапываются на половину въ могилу или просто оставляются на кладбищѣ. Однако же, въ послѣднемъ случаѣ, чтобы покойникъ (вѣдь онъ можетъ быть и колдунъ) не вернулся обратно, а колдуны могутъ не только выкапывать изъ могилъ, но и совершать довольно-таки отдаленныя прогулки, выкапываютъ оглобли и самыя дровни перевертываютъ вверхъ копыльями (попыльями), причемъ правило или носокъ дровней долженъ быть не по направлению дома, а отъ дома. Тогда, если бы покойнику вздумалось вылѣзти изъ могилы, онъ, если даже и сможетъ вставить оглобли или выкопать руками (работа не скорая) изъ могилы дровни, во первыхъ, по безглазости своей души, не увидитъ ихъ и, убѣдившись въ своемъ безсиліи, возвратится обратно; во вторыхъ, на означенныя работы покойникъ положить такъ много времени, что не успеетъ ему будетъ не доѣхать. Эта же болѣзнь—страхъ передъ умершимъ заставляетъ пермяковъ чтить и всячески ублажать память «миваго упокоившагося». Какъ убѣждены пермяки, покойники могутъ, и не оставляя могилы, входить въ соглашеніе съ добрыми и злыми духами и, при посредствѣ ихъ, отработать какую-либо каверзу или упрямить кого слѣдуетъ напомянуть о своемъ существованіи посредствомъ какой-нибудь болѣзни или несчастія по какому-нибудь обиходу. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ пермяковъ заказывать, по случаю обиденныхъ поминокъ, сорокоустъ (стоимостью отъ 15 до 20 р.). Кроме того и мужики, а ужъ особенно бабы зорко слѣдятъ за поминальными днями, и въ эти дни ни въ какомъ случаѣ не забудутъ послать

въ церковь свои поминальники. Поминая усопшаго (цѣна за поминанье на общей панихидѣ 3 — 5 коп., на обѣднѣ 15 — 20 коп.), въ церковь несутъ кто пирогъ, преимущественно рыбный, но случается и мясной, кто печеное яйцо, кто просто хлѣбъ или паренку (пареная рѣпа). Все принесенное кладется въ церкви передъ какимъ-нибудь особо чтимымъ образомъ. Но какъ принесеніе, такъ и положеніе яствъ является дѣломъ не такъ простымъ, какъ кажется. Поминальщики пріѣзжаютъ или приходятъ иной разъ верстъ за двадцать, а то и дальше, да еще порой въ трескучій морозъ. Между тѣмъ, на прямой ихъ обязанности лежитъ принести яства горячими. Часто приходится наблюдать, какъ пришедшая зимой баба начинаетъ снимать съ себя сначала одну шубу, а потомъ другую; разстегиваетъ сарафанъ и изъза пазухи вытаскиваетъ толстѣйшій платокъ, въ которомъ въ многочисленныхъ тряпицахъ находится завернутая снѣдь. Иная двѣ-три шали не пожалѣетъ, чтобы донести все какъ слѣдуетъ, т. е. горячимъ. Прежде чѣмъ положить принесенное на столъ, помѣщающійся у чтимыхъ образовъ, необходимо пирогъ или паренку разломить, а яйцо разбить и, слегка облупивъ, надломить его. При такого рода разламываніи зимой виденъ, даже на глазъ, паръ. Этоть-то паръ и суть всего дѣла въ обрядѣ поминовенія. Сама снѣдь, во время литургии (при большомъ выходѣ) или будетъ взята и съѣдена приносящими, или возьмется для той же надобности трапезникомъ (церковнымъ сторожемъ). Паръ же, идущій отъ принесеннаго, къ тому времени весь улетучится, и имъ-то и полакомится душа умершаго. Поминаемая душа, вѣрится пермякъ, всегда присутствуетъ тамъ, гдѣ ее поминаютъ, она только не видима для глазъ. Такъ какъ душа пермяка и всякаго другого есть паръ, то, исходя изъ этого основнаго начала, нельзя не придти къ заключенію, что паръ не представляетъ ничего иного, кромѣ пара, и ѣсть не можетъ. Вотъ гдѣ кроется весь смыслъ поминанія покойниковъ горячею ѣдою. Пермяцкая душа, какъ и наша, въ теченіи 40 дней не можетъ выбраться съ этого свѣта на тотъ: она все это время витаетъ по близости дома. Чтобы она не взошла въ домъ въ это время, пермяки нанимаютъ кого-нибудь изъ грамотной нищей братіи читать псалтирь. Въ 40 дней устраивается общій для всѣхъ родственниковъ поминальный обѣдъ, а по оковчаніи его всѣ расходятся, выпуская прежде всего въ выходныя двери кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ: послѣ умершаго мужчины—мужчину, послѣ умершей женщины—женщину. По убѣжденію пермяковъ, съ выходомъ этого лица выходитъ изъ дому, если только какъ-нибудь успѣла забраться, душа умершаго. Ее провожаютъ точно также, какъ и покойника, съ причтаніями.

Пермякъ немало озабоченъ тѣмъ, какъ можно вылѣчиться отъ хворости безъ травъ и снадобій,—отъ тѣхъ болѣзней, что приключились съ глазу. Длѣ

того чтобы не хворать ни самому, ни ребенку слѣдуетъ не показываться черному-черемному (черному, красному, рыжему): это самый не надежный народъ. Впрочемъ, и противъ нихъ есть радикальнѣйшее средство: посыпьте на свою голову или на голову ребенка соли или попросите обрызгнуть съ уголька такъ, чтобы вы или ваше дитя испугались. Только эти средства и спасаютъ отъ глаза. Сыпать соль слѣдуетъ не только при встрѣчѣ съ помянутыми и явно неблагонадежными лицами, но и тогда, когда вообще боишься глаза. Захватили вашего жеребенка, позавидовали вашей кось, силѣ или дородству и вы боитесь лишиться этихъ качествъ—самое лучшее немедленно посыпать голову солью. Когда, несмотря на мѣры предохранительныя, заболѣваютъ дѣти (ребята вообще легче всего поддаются урокамъ), прежде всего и, во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ обратиться къ доктору, слѣдуетъ заговорить дитя. И что болѣе остается дѣлать пермяку въ такихъ случаяхъ? Доктора, даже фельдшера, пригласить нельзя—средствъ нѣтъ, да и дорогъ нѣтъ или онѣ дальнія. Бываетъ такъ: пріѣдетъ докторъ, пропишетъ лѣкарство; за нимъ надо долго ѣздить, пріѣдешь въ больницу—его въ ней нѣтъ. Заклинатели—тѣ же вѣжливыцы дѣйствуютъ по-просту. Вотъ образецъ такого заговора. «Пресвятая Богородица, будь Ты къ намъ на помощь, на способъ раба (имя рекъ) отъ урока, зореповока, отъ скородумныхъ и передумныхъ; отъ дѣвки довгововоски; отъ бабы кручнововоски; отъ мужика стригововоска; отъ всякаго челоуѣка: отъ чернокроваго, отъ краснокроваго, отъ смутнаго, отъ развутнаго и т. д. Утренняя заря—Дѣва Марія, вечерняя заря—Маремьяна, прійдите Вы къ намъ, къ нашу пользу, къ рабу мваденцу мвадому (имя рекъ)». Приэтомъ заговора (такowymi обыкновенно бываютъ женщины, а мужчины заговорами надъ маленькими не занимаются) беретъ въ руки вѣникъ (заговоры чаще всего производятъ въ жарко натопленной банѣ) и имъ, предварительно политымъ начерпавшей девять разъ ковшемъ водой, парить сглаженнаго приговаривая: «Зевеная вичка, зевеная травичка, повезная, освященная святою росою, такъ же и рабъ мваденечъ (имя рекъ) очищайся моими рѣчами». Стоитъ только послѣ этихъ словъ попарить ребенка, побрызгать его водой, раза два-три дунуть и... ребенокъ здоровъ. Всѣ заговоры кладутся какъ на маленькихъ, такъ на большихъ и на порченныхъ.

III.

Устройство. — Пища (брага, черивань, кумышка). — Соціальное и семейное положеніе женщины. — Полеводство, коневодство, скотоводство, рыболовство и другіе промыслы (охота, талисманъ, магнитъ). — Народное образованіе.

Еще недавно пермяки жили гораздо дружнѣе. Семьи по 30 и по 40 были не въ рѣдкость лѣтъ 25 назадъ. Теперь этого уже, за самыми

рѣдкими исключеніями, нѣтъ. Говорятъ, въ то время пермяки жили богаче. Браки играютъ здѣсь большую роль. Изслѣдованіе причинъ раздѣловъ убѣждаетъ въ томъ, что они начинаются тотчасъ послѣ свадьбы. Вольная дѣвушка, попавъ въ тяжелые тиски семейной жизни, всячески старается сбросить ихъ. Если ея мужъ дѣйствительно привязался къ ней, то при посредствѣ мужа, если не такъ, то своею сварливостью она достигаетъ того, старшіе родственники говорятъ: «надо дѣлиться». Получивъ по рѣшенію ближайшаго схода усадьбу для новаго дома и закупивъ потребное количество дѣла, приступаютъ къ постройкѣ дома. Дѣло постройки, какъ и всякое серьезное, начинается молитвою. Молятся только семейщики у себя въ домѣ, а помолясь идутъ на работу — рубку стѣнъ. Первый ударъ по дереву принадлежитъ тому, для кого строится домъ. Щепа, отлетѣвшая отъ перваго удара, берется ударившимъ и, до времени, хранится дома. Дальнѣйшая постройка происходитъ какъ вездѣ: подкладываютъ фундаментъ и въ тоже время рубятъ срубы. Когда срублены срубы, ихъ начинаютъ класть на мѣсто, причемъ, когда положенъ вѣнецъ, равняющийся съ поверхностью пола, работы приостанавливаются и назначается «окваль». Приглашаются священники, и послѣ молебна и освященія зданія всѣмъ участникамъ работы и приглашеннымъ предлагается угощеніе. При наложеніи на фундаментъ перваго вѣнца, въ красномъ углу кладется домохозяиномъ, до этого времени тщательно сохраняемая имъ, первая щепа и копѣйка или больше въ зависимости отъ богатства. Когда срубы выведены подъ потолокъ, наступаетъ самое важное дѣло въ постройкѣ: подъемъ матицы *). Заготовленное для матицы и надлежащимъ образомъ обдѣланное бревно подымается на мѣсто такимъ образомъ: сначала его слегка приподымаютъ по стѣнѣ, а затѣмъ къ срединѣ матицы лопаточными опоясками привязываютъ завязанный въ бѣлы холстъ рыбный пирогъ (символь будущаго довольства домохозяина); если ни у самихъ хозяевъ, ни у сосѣдей нѣтъ рыбы, то довольствуются и мяснымъ пирогомъ. Матицу осторожно, чтобы не смять и не раздавить пирогъ, вмѣстѣ поднимаютъ кверху и кладутъ съ деньгами и шерстью, чтобы было довольство и скотъ въ домѣ водился, въ заблаговременно приготовленное гнѣздо. Всѣ молятся Богу; кто-нибудь изъ искусниковъ идетъ на заработокъ за пирогомъ, холстомъ и опоясками. Пирогъ достается такъ: кто-нибудь влѣзаетъ (безъ лѣсовъ и подставокъ по красному углу на самый верхъ его) и тамъ, помолясь Богу, начинаетъ совершать слѣдующее путешествіе. Онъ идетъ по одному бревну по-солонь до слѣдующаго угла, гдѣ такъ же молится; затѣмъ, тѣмъ же порядкомъ въ тре-

*) Матица—это бревно, которое проходитъ по срединѣ комнаты и на которомъ укрѣпляются потолковыя доски. Она должна быть очень крѣпкой, чтобы вынести не только давленіе этихъ досокъ и земля, насыпаемой въ защиту отъ холода, но еще и служить связью между стѣнами.

на уголь и оттуда къ красному же углу. На срединѣ дороги ему попадается пирога — онъ идетъ по ней, снимаетъ пирога и, положивъ его на голову и во время придерживая его на ней лѣвой рукой, отправляется вновь къ красному углу. Здѣсь, закончивъ полный кругъ и все еще держа пирога на головѣ лѣвой рукой, онъ молится Богу, а послѣ этого снимаетъ пирога и слѣзаетъ по углу. Работа эта—доставанье пирога очень серьезна. Наградой за работу для ловкача служатъ: холсты и опояски — покромки. Самый же пирога делится въ общій кругъ, т. е. дѣлится между всеми работниками. Послѣ подбавки катицы никакихъ въ этотъ день работъ не бываетъ. Хозяинъ угощаетъ пирога и самъ со всеми угощается.

При разрѣшеніи вопроса о поселеніи хозяевъ въ новомъ домѣ необходимо считаться съ двумя обстоятельствами: и себя не обидѣть, и близкому другу poradъть. Если, при переселеніи, у васъ будетъ затоплена печь раньше, чѣмъ у оставшихся, это хорошо: вы будете жить безбѣдно. Зато иногда бываетъ запоздавшимъ. Этотъ вопросъ вызываетъ много хлопотъ съ обеихъ сторонъ и обыкновенно, разрѣшается такъ. Хозяйки обоихъ домовъ въ этотъ часъ заводятъ квашенки, каждая въ своей, такъ какъ печь имъ принадлежитъ уже въ разныхъ печахъ, и, какъ только заведутъ, даютъ имъ поджариться, «вздохнуть». Дѣло это происходитъ поздно вечеромъ. Ровно въ этотъ часъ новая домохозяйка беретъ свою квашенку, а впереди становится ея соперница съ иконою, сзади кто-либо изъ домашнихъ съ чернымъ пѣтухомъ и сажукою же курицей, а если есть еще кто изъ близкихъ, такъ тотъ беретъ съ собою кота (тоже желателенъ черный). Вся процессія двигается въ путь. Первостепенный въ новый домъ хозяинъ ставитъ въ передній уголь икону и опрометью бросается открывать печную трубу; хозяйка такъ же поскорѣе ставитъ квашенку и начинаетъ разводить огонь. Все дѣло заключается въ томъ, чтобы затопить печь скорѣе. Кто раньше затопилъ, тотъ будетъ богаче и счастливѣе. На тутъ-то и сказываются обоюдныя хитрости домохозяевъ. Хватется одинъ изъ нихъ за вьюшки — не тутъ-то было: никакъ достать не можетъ. Да и это не диво. Противникъ его еще утромъ велѣлъ своему малолѣтнему сыночку незаметно прокрасться въ избу и положить вьюшки ушками книзу. Вотъ теперь и добывай ихъ, а квашенка подымается хорошо, только бы истопить печку и хлѣбы садить можно. При уходѣ въ новый домъ семья оставляетъ въ старомъ свои старые лапти для сусѣдки. Затѣмъ, приглашаетъ его идти съ собою: «сосѣдшко, братанушко, иди съ нами жить на новоселье». Въ новомъ домѣ открываютъ подполье, чтобы онъ могъ свободно пройти къ себѣ. Оставшаяся семья, боясь, чтобы спорина въ хлѣбѣ и во всемъ другомъ не перешла въ новый домъ, принимаетъ для этого свои предупредительныя мѣры: она надѣваетъ на себя шубы, предварительно вывернувъ ихъ наружу шерстью;